

Cover

21
5/6

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. //

Томъ XXI, вып. 5—6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Родословное древо Тюрковъ, хивинскаго хана Абуль-гази, въ переводѣ съ предисловіемъ (†) Г. С. Са- блукова и съ примѣчаніями Н. Э. Катанова. . . I—XVI, 1—224.

А. И. ПЕТРОВЪ

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1905.

Вышли 7 мая 1906 г.

999 7111

Въ книжномъ складѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ могутъ быть приобретаемы слѣдующія изданія:

- 1) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ I, 1878, выпуски 4—5, п. 50 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно томы II, VII и I вып. VI-го 2 вып. IX, I вып. XI-го, 1—6 вып. XII, 1—3 вып. XIII, 1—4 вып. XIV томовъ, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, цѣна 2 руб. 50 коп. Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2—5 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 4 и 5 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 5—6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томъ XVI вып. 1—3 по 1 руб., вып. 4—6 цѣна 2 руб. Томъ XVII, вып. 1 цѣна 1 руб. вып. 2—3, цѣна 2 руб., вып. 4 цѣна 1 руб., вып. 5—6 ц. 2 руб. Томъ XVIII вып. 1, 2 и 3 цѣна 3 руб. Томъ XIX, вып. 1 и 2 по 1 руб., 3—4 и 5—6 2 руб. Томъ XX, 1—3 вып. 3 руб., 4 и 5 вып. 2 р., вып. 1 р. Томъ XXI, 1-й, 2-й, 3-й и 4 вып. по 1 р. Томы I, II и VII, а равно и выпуски VI-го, IX-го, XI-го и XIII-го томовъ и прочіе выпуски «Извѣстій», Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.
- 2) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ ямъка. Проф. М. П. Веске. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 2 руб.
- 3) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани: томъ I и II (1884 и 1891) по 3 руб.; хромофотогр. атласъ in folio (1891) — цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877 Цѣна 1 рубль.
- 4) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882. Часть I, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- 5) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8°. Цѣна 75 коп.
- 6) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стран. 12° Цѣна 10 коп.
- 7) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.
- 8) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и замѣтка о названіяхъ Булгарь, Биляръ и Моркваша, Н. И. Золотницкаго. 1884, 56 стран. 8°. Цѣна 45 коп.
- 9) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп.
- 10) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 10 коп.
- 11) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стр. Цѣна 5 коп.
- 12) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.
- 13) Троицанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

МКР 6422

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXI, вып. 5—6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Родословное древо Тюрковъ, хивин- | блукова и съ примѣчаніями Н. Э.
скаго хана Абуль-гази, въ пере- | Катанова . . . I—XVI, 1—224.
водѣ съ предисловіемъ (†) Г. С. Са-

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1905.

△
Pslaw 384.40 ($\frac{1905}{5-6}$)



64*2,

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологін, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харламповичъ.

شجره تركيه

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО
ТЮРКОВЪ.

Сочиненіе Абуль-Гази,
Хивинскаго хана.

ПЕРЕВОДЪ И ПРЕДИСЛОВІЕ
Г. С. Саблукова,

СЪ ПОСЛѢСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ Н. О. Катанова.



КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1906.

газіи лишился матери и до шестнадцатилѣтняго возраста воспитывался въ отцовскомъ домѣ, въ Ургенджѣ. Въ это время отецъ, женивъ его, отдалъ ему въ удѣльное владѣніе половину Ургенджа, другую половину брату его Хабешъ-султану, а самъ ханъ жилъ въ городѣ Хивѣ. У Абуль-Гази было пять братьевъ. Онъ скоро поссорился съ братьями, Хабешемъ и Ильбарсомъ, чрезъ годъ перешелъ изъ Ургенджа къ отцу и получилъ отъ него во владѣніе городъ Катъ. Раздоры Абуль-гази съ братьями не прекращались; Арабъ-Мохаммедъ-ханъ и Абуль-Гази были ими побѣждены: Арабъ Мохаммедъ былъ убитъ своимъ сыномъ Ильбарсомъ, Абуль-Гази убѣжалъ въ Бухару, къ Ишимъ-Кули-хану. Принятый имъ ласково, онъ прожилъ здѣсь два года и возвратился на родину, гдѣ Ильбарсъ былъ уже умерщвленъ Эсфендіаромъ, старшимъ братомъ Абуль-Газіевымъ. Эсфендіаръ, провозглашенный ханомъ, отдалъ Абуль-Гази Ургенджъ. Это было въ 1623 (1033) году, когда Абуль-Гази исполнилось только 20 лѣтъ. Вскорѣ братья поссорились, и Абуль-Гази, обезсиленный Эсфендіаромъ, бѣжалъ въ Тюркестанъ, къ Ишимъ-хану, который чрезъ два мѣсяца представилъ Абуль-гази Турсунъ-хану, владѣтелю Ташкентскому. Спустя два года, когда Ишимъ-ханъ убилъ Турсуна, Абуль-Гази удалился въ Бухару къ Ишимъ-Кули-хану; но, принятый имъ холодно и приглашаемый Узбеками, воротился въ Хиву. Одержавъ побѣду надъ своими братьями, Эсфендіаромъ и Мохаммедъ-Шерифомъ, онъ помирился съ ними. Но Эсфендіаръ-ханъ притворнымъ примиреніемъ съ Абуль-Газіемъ хотѣлъ только обмануть брата. Когда Абуль-Газіи не подозрѣвалъ вѣроломства въ братѣ, послѣдній врасплохъ напалъ на него, захватилъ его и отослалъ въ Персію къ Шаху-Сефи, вступившему въ этомъ (1623) году на Персидскій престолъ. Шахъ-Сефи назначилъ Абуль-Газію мѣстопробываніемъ Исфаганъ. Здѣсь Хивинскій царевичъ прожилъ десять лѣтъ подъ стражей, въ хорошемъ домѣ, получая отъ Персидскаго правитель-

ства нескудное содержаніе. На одиннадцатомъ году своего изгнанія, Абуль - Гази склонилъ къ побѣгу троихъ своихъ слугъ, раздѣлявшихъ съ нимъ заточеніе, и хитро умѣлъ пробраться до границъ Хивы; два года прожилъ между Тюркменами, годъ у Калмыцкаго хана, и возвратился въ Ургенджъ. Въ 1644 (1054) году, по смерти Эсфендіара, онъ провозглашенъ ханомъ. Двадцатилѣтнее царствованіе Абуль-Гази-хана, скончавшагося въ 1664 г. Р. Х. (1074 Гиджры), представляетъ рядъ войнъ съ неповоротливыми Тюркменскими племенами, съ Калмыками, и набѣговъ на Бухару.

Подъ конецъ своего царствованія, Абуль-Гази, искушавшій покоя послѣ многочисленныхъ, государственныхъ и военныхъ, тревогъ своей кипучей жизни, приступилъ къ сочиненію Исторіи о Чингизидахъ, имѣя въ виду преимущественно сохранить для потомства исторію рода Шибанъ, царствовавшаго въ Харезмѣ, или поколѣнія, къ которому принадлежалъ домъ Абуль-Гази-хановъ.

Абуль-гази, принявъ намѣреніе показать генеалогическія вѣтви Монгольскихъ и Тюркскихъ поколѣній, по примѣру многихъ мусульманскихъ историковъ, началъ свои сказанія библейскими преданіями, съ которыми связалъ и свои народныя: послѣ короткаго пересказа о библейскихъ патріархахъ до родоначальниковъ Монголовъ и Тюрковъ, онъ съ подробностію исчисляетъ поколѣнія обоихъ этихъ племенъ; потомъ излагаетъ исторію Чингизъ-хана; повѣствуетъ о каждой Монголо - Тюркской державѣ, составившейся изъ Чингизъ - хановыхъ владѣній подъ властію его потомковъ, и наконецъ подробно описываетъ дѣла, совершенныя въ Хивѣ государями его поколѣнія. Въ основаніе этой исторіи принявъ генеалогію Монголовъ и Тюрковъ, Абуль-Гази своему сочиненію далъ названіе *شجرة ترکیه* „Родословное дерево Тюрковъ“, или „Родословіе Тюрковъ“. Изнуренный болѣзнями, постигшими его въ послѣдніе годы царствованія, не успѣлъ окончить свое сочиненіе и, умирая, завѣщалъ своему сыну, Анушъ - Мо-

хаммеду Багадуръ - хану , довести ее до предположеннаго конца. Анушъ-Мохаммедъ закончилъ ее описаніемъ дѣлъ своего отпа.

Языкѣ, на которомъ написана Родословная Тюрковъ, есть народный языкѣ Хивы, составляющій нарѣчіе Тюрческаго языка, которое ориенталисты отличаютъ отъ другихъ нарѣчій именемъ Джагатайскаго. Хивинское нарѣчіе, болѣе сохранившее свою чистоту, нежели другія нарѣчія, принявшія въ себя много Арабскихъ или Персидскихъ словъ и оборотовъ, почти одинаково съ нарѣчіями Киргизовъ, Башкировъ и Оренбургскихъ Татаръ. Абуль-гази хотѣлъ изложить свое сочиненіе самымъ чистымъ языкомъ Тюркскимъ, такъ чтобы, говорить онъ, понимало его и пятилѣтнее дитя; потому онъ избѣгалъ Арабскихъ и Персидскихъ словъ, употребляя самыя обыкновенныя, которыми говорили его соотечественники.

Абуль-Гази Багадуръ-ханъ въ свое время принадлежалъ къ образованнѣйшимъ государямъ Востока: достоинства писателя и поэта, которыя онъ смѣло приписываетъ себѣ въ своемъ сочиненіи, оправдываются этимъ самымъ сочиненіемъ. Владѣя, какъ писатель, Тюркскимъ языкомъ, онъ хорошо также зналъ Персидскій и порядочно Монгольскій. Слогъ Абуль-гази строенъ, плавенъ, красивъ. По мѣстамъ встрѣчаются обороты, свойственные Персидскому языку, но не производятъ темноты по простотѣ своего сочиненія. Въ цѣломъ своемъ составѣ твореніе его расположено стройно, планъ его выполненъ отчетливо.

Харезмскій султанъ не указываетъ всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ каждое сказаніе. Въ продолженіе десятилѣтняго пребыванія своего въ Персіи, Абуль-Гази познакомился съ Персидскими писателями о Монголахъ и Тюркахъ; такъ онъ въ своей Родословной ссылается на Исторію Монголовъ Фазль-уллаха Рашидъ-эд-дина, извѣстную подъ именемъ: *جامع التواریخ* „Лѣтописный Сборникъ“, на твореніе Шарафъ-эд-дина Ездія, извѣстное подъ названіемъ *За*

VII

фаръ - наме ظفر نامه. Абуль-Гази, при составленіи Родословной Тюрковъ, имѣлъ подъ рукою, какъ онъ самъ говоритъ, осьмнадцать историческихъ сочиненій о Чингизидахъ.

По отношенію къ достовѣрности фактовъ, Родословная Тюркскаго племени дѣлится на три отдѣла. До раздѣленія Монгольскаго и Тюркскаго племени на особые народы, рассказы о ихъ предѣлахъ носятъ ясныя признаки не достовѣрныхъ сказаній. Темныя, сбивчивыя народныя преданія Тюрковъ о происшествіяхъ, которыя перешли отъ ближайшихъ къ нимъ временъ, онъ относитъ къ отдаленнымъ временамъ, чтобъ связать ихъ съ библейскими сказаніями, и пополнить скудное преданіями пространство предъисторическаго времени. Но и эти преданія о глубокой древности не лишены всего историческаго вѣроятія. Такъ преданія объ Угузь-ханѣ, завоевателѣ всей западной половины Азіи, о враждѣ племенъ Монгольскаго и Тюркскаго, въ которой первое было загнано въ горы Эркене-конъ послѣднимъ,—имѣютъ въ основаніи историческіе факты; критикѣ предстоитъ очистить ихъ отъ примѣси вымысла, указать въ настоящемъ своемъ видѣ и поставить на своемъ мѣстѣ. Въ второмъ отдѣлѣ родословной рассказы Абуль-Гази о поколѣніяхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ до Чингизъ-хана, о подвигахъ этого завоевателя, о государствахъ Монголо-Тюркскихъ, составившихся послѣ Чингизъ-хана, исторически достовѣрны, какъ основанные на современныхъ письменныхъ свидѣтельствахъ, и частію на преданіяхъ, непотерявшихъ еще своей чистоты. Повѣрявшіе сочиненіе его съ исторіею Рашидъ-эд-дина и другихъ писателей находятъ, что въ Родословной приводятся факты вѣрно, согласно съ источниками. Эта часть историческаго труда Абуль-Газіева хотя есть передача на Тюркскомъ языкѣ того, что находятъ у историковъ Персидскихъ, писавшихъ о Монголахъ, и, повидимому, не представляетъ ничего новаго, даже, по мнѣнію одного изъ нашихъ ориенталистовъ, не стоитъ перевода; но, доколѣ сочиненій Персидскихъ писателей о Монголахъ нѣтъ

VIII

на нашемъ языкѣ, Родословная Тюркскаго племени послужить нескуднымъ источникомъ для Монгольской исторіи. Большой историческій интересъ заключаетъ въ себѣ послѣдняя часть Родословной, въ которой авторъ ея передаетъ событія въ своемъ племени и родѣ, и близкія къ нему, и тѣ, которыхъ онъ былъ или очевидцемъ или въ которыхъ былъ непосредственнымъ, дѣятельнымъ участникомъ. Здѣсь авторъ Родословной, храбрый и искусный воинъ, умный и хитрый правитель, смѣтливый наблюдатель, знатокъ характера народа и лицъ, которыя его окружали, живописно передаетъ свою современность, бытъ своего народа, его нравы, правила политической дѣятельности Мавераннегрскихъ правителей.

Погрѣшность, въ которой упрекаютъ Абуль-Гази, и которая унижающимъ достоинство его сочиненія служитъ оружіемъ противъ его исторической правдивости, заключается въ этимологическихъ толкованіяхъ собственныхъ именъ. Абуль-Гази въ своемъ сочиненіи даетъ объясненіе значенію многихъ собственныхъ именъ, какъ бы съ намѣреніемъ показать свое знаніе Монгольскаго и Тюркскаго языковъ; знающіе Монгольскій языкъ не вездѣ находятъ вѣрными его толкованія. Но его объясненія, невѣрныя по суду филологів, надобно признать безвредными историческому достоинству его сочиненія: онъ вмѣшиваетъ въ него филологическія толкованія, по своей особой охотѣ потолковать смыслъ неистолкуемыхъ словъ; но, къ чести своей, онъ не строитъ на этомъ толкованіи историческихъ разсказовъ, не выдумываетъ фактовъ, какіе, самые непрочные, не рѣдко являются въ историческихъ сочиненіяхъ нашего времени: у Абуль-Гази филологія сопутствуетъ событіямъ, лицамъ, но не выступаетъ напередъ ихъ. Его объясненія именъ Кипчакъ, Каль-ачъ, Карлыкъ и другія служатъ, какъ преданія, только истолкованіемъ этихъ именъ, а не основой къ составленію свѣденій объ этихъ Тюркскихъ поколѣніяхъ. Вообще скажу, что Родословная Тюркскаго племени, въ ряду историческихъ сочиненій, кото-

рия восточная мусульманская литература доставляет нашей исторіи, какъ для пополненія Монгольскаго періода ея, такъ и для познанія Мавераннегра, восточнаго сосѣда Россіи, въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, удерживаетъ за собою достоинство немаловажнаго историческаго источника.

Въ Русской исторической литературѣ въ числѣ книгъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ, сдѣлалась извѣстной съ 1770 г. и Родословная Тюрковъ. Европа узнала это сочиненіе еще во второй четверти прошедшаго столѣтія. Шведскіе офицеры, отправленные въ Сибирь послѣ Полтавской побѣды, въ Тобольскѣ открыли рукопись Абуль-Газіевой исторіи, и, узнавъ ея содержаніе, постарались о составленіи перевода этого творенія. Филиппъ Іоаннъ Таббертъ Штраленбергъ былъ, думаютъ, главою этого ученаго предпріятія. Бухарскій ахундъ, знавшій русскій языкъ, диктовалъ переводъ Абуль-Газіева сочиненія русскому писцу. Съ русскаго перевода шведъ Шёнстрёмъ сдѣлалъ переводъ на Нѣмецкій языкъ. Этотъ переводъ, подъ именемъ Мессершмидтова, изданъ былъ въ 1780 г. подъ заглавіемъ: *Abulgasi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalisch-Mogulischen Chanen, aus einer türkischen Handschrift übersetzt von Dr. D. G. Messerschmid, 1780.* Еще прежде изданія Нѣмецкаго перевода, съ рукописи, его заключающей, сдѣлалъ былъ переводъ на Французскій языкъ и изданъ Варенномъ въ 1726 году въ Брюсселѣ подъ заглавіемъ: *Histoire généalogique des Tartars, traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan, et enrichie d'un grand nombre de remarques authentiques et très curieuses sur le véritable estat présent de l'Asie septentrionale, avec les cartes géographiques nécessaires. Par D.* Примѣчанія составлены Бентикомъ. Французскій переводъ служилъ подлинникомъ и для перевода Англійскаго, изданнаго въ 1780 году. Съ французскаго перевода сдѣлалъ Тредьяковскій Русскій переводъ подъ заглавіемъ: „Родословная исторія о Татаряхъ, переведенная на Французской языкъ съ рукописныхъ Татарскія книги,

сочиненія Абулгачи - Баядуръ - Хана... а съ французскаго на Россійскій въ Академіи наукъ“. Томъ I и II. (1770 г.).

Всѣ переводы Родословной не удерживаютъ за собою довѣрія къ ихъ вѣрности и не служатъ надежною опорою при объясненіи по нимъ какого-либо историческаго вопроса. Ученые, и знавшіе языкъ Абуль-Газіева сочиненія, и незнавшіе его, желали болѣе удовлетворительнаго перевода. Съ цѣлію доставить знающимъ Тюркскія нарѣчія возможность пользоваться подлиннымъ текстомъ Абуль-Газіева сочиненія или пополнить источники историческихъ наукъ удовлетворительнымъ переводомъ, канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ далъ средства издать Абуль-Газіево сочиненіе; онъ вышелъ изъ типографіи Казанскаго Университета, подъ заглавіемъ: *Abhulhasi Bahadur Chani Historia Mongolorum et Tatarorum, nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia I. C. N. de Romanzoff. Casani, 1825, in folio*, съ латинскимъ предисловіемъ академика Френа. По случаю изданія текста „Родословной Тюркскаго племени,“ олинъ изъ библіографовъ въ Московскомъ Телеграфѣ 1826 г. стр. 310 писалъ: „Важное вліяніе Азіи на Европу въ средніе вѣки доказываетъ намъ необходимость разбора и разсмотрѣнія Азіатскихъ лѣтописей, въ отношеніи къ исторіи Европы... Чтобы судить о достоинствѣ и достовѣрности повѣствованій Азіатскихъ и потомъ основываться на нихъ, должно прежде всего узнать подлинникъ; должно, чтобы оріенталисты сличили, исправили ихъ тексты и передали оные въ вѣрныхъ и строгихъ переводахъ... порадумемъ, что Европа одолжена Россіи изданіемъ подлинника книги важной и единственной въ своемъ родѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожелать, чтобы, для пользы русской исторіи, книга сія переведена была на какой-нибудь европейскій языкъ. Этому можемъ мы надѣяться теперь отъ трудолюбія нѣмецкихъ оріенталистовъ, если, при усиливашейся въ Россіи охотѣ заниматься восточною литературою, Русскіе не предупредятъ ихъ“. Черезъ десять лѣтъ послѣ

изданія подлинника Абуль-Газіевой „Родословной“, біографъ автора ея, О. И. С. въ Энциклопедическомъ лексиконѣ (томъ I, стр. 49, 50) высказалъ то же ожиданіе: „дѣль покойнаго канцлера еще не нашла исполнителя. Историческая критика, русская и всеобщая, доселѣ ождаетъ хорошаго перевода „Родословной исторіи Татарь“.

Достаточное изученіе языка, на которомъ писалъ Абуль-Гази, ободренія видѣвшихъ опыты моего перевода Абуль-Газіевой исторіи, и возможность исправить печатный текстъ ея по другому рукописному и лучше выразумѣть смыслъ неясныхъ мѣстъ въ немъ, побудили меня составить переводъ Абуль-Газіева сочиненія. Кончивъ мой трудъ, представляю его вниманію ожидавшихъ Абуль-Газіева творенія въ переводѣ на отечественный языкъ. Въ какой мѣрѣ удовлетворю ожиданіямъ ученыхъ—это покажутъ знающіе подлинникъ Родословной Тюркскаго племени; а я, съ своей стороны, считаю здѣсь умѣстнымъ познакомить читателя этого перевода и съ способами, при которыхъ я могъ представить этотъ трудъ въ настоящемъ его видѣ.

Переводъ „Родословнаго древа Тюрковъ“ составленъ мною по двумъ текстамъ этого сочиненія: по печатному, изданному въ Казани, и письменному, хранящемуся въ Музеумѣ при Императорской Академіи наукъ подъ № 574 а, доставленномому мнѣ содѣйствіемъ профессора Казанскаго Университета И. Н. Березина. Петербургская рукопись, поступившая въ Музеумъ отъ Г. Даля, была написана, какъ видно по качеству бумаги и почерка, въ Бухаріи, въ 1818—1819 году, какъ свидѣтельствуемъ приписка въ концѣ рукописи; эта рукопись своею полнотою, правильностію превосходитъ печатное изданіе. Переводъ Родословной по одному печатному Казанскому тексту, безъ поправки его по петербургскому, былъ бы самый неудовлетворительный. Въ печатномъ много недостатковъ: издатели его приняли основаніемъ списокъ съ рукописи, хранящейся въ Москвѣ въ Архивѣ Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ, писанной для Кера съ оригинала, когда-то находившагося въ библиотекѣ Академіи; свѣривъ его со спискомъ, полученнымъ изъ Уфы, который доставилъ только нѣсколько вариантовъ для перваго текста, но нисколько не пополнилъ пропусковъ его, они не могли, при всей тщательности, издать его съ желаемымъ совершенствомъ. Сравненіе печатнаго текста съ С.-Петербургскимъ ясно покажетъ превосходство послѣдняго надъ первымъ *). Укажу нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ Казанскій текстъ пополняется Петербургскимъ:

Пропускъ въ Казанскомъ на 1 л (18) страницѣ, гдѣ не достаетъ многихъ именъ сыновъ и внуковъ Угузь-хана, пополняется Петербургскимъ: ҃ V .

Въ Петербургскомъ на стран. 1 ҃ (131), соответствующей ҃ o (75) Казанскаго, есть на поляхъ приписка, въ которой разсказывается одно изъ обстоятельствъ смерти Джучи-хана. Эта приписка на поляхъ не отличается отъ почерка всей рукописи и приставлена тѣмъ же писцомъ, но, для умѣщенія ея, письмомъ болѣе мелкимъ; эту приписку не считаю вставленнымъ опускомъ текста Родословной; языкъ и слогъ ея, правда, одинаковъ съ языкомъ всего сочиненія, но, по содержанію, онъ не согласенъ съ тѣмъ, что Абуль-Гази въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Джучи-ханѣ, послѣ удаленія его изъ Хивы въ Дешть-Кипчакъ, по взятіи имъ Ургенджа.

Въ Казанскомъ на страницѣ 1 ҃ ҃ (143) пропущенъ разсказъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нашествія Бухарскаго хана, Абдуллаха, на Ургенджъ и Везирь въ 1593 году. Въ С.-Петербургскомъ онъ на страницахъ: ҃ o 9 — ҃ 4 1

Кромѣ указанныхъ, значительныхъ по величинѣ, опу-

*) Петербургская рукопись Абуль-Газіева сочиненія издана Де-Мезономъ въ Спбурѣ, въ 1869 годѣ. *Позднѣйшее примѣчаніе автора.*

XIII

сковъ, есть много небольшихъ, разной степени важныхъ по своему значенію, иногда историческому, иногда только литературному. Въ Казанскомъ нѣтъ объясненія различія между именами „ханъ, хаванъ, каанъ“ на стран. 93 (93); опущены строки, въ коихъ сказывается о преемникахъ Бату-хана въ царствѣ Золотой Орды, Сартакъ, Улакитъ, на стран. 94 (97); на стран. 100 нѣтъ персидскихъ стиховъ, составляющихъ хронограмму смерти Ургенджскаго хана Алиа Султана, и проч. Оріенталистамъ извѣстно, что въ рукописяхъ на Арабскомъ, Персидскомъ и Тюркскомъ языкахъ рѣдко оставляются пробѣлы между главами и другими отдѣлами, какъ въ европейскихъ книгахъ; но строчки книги, начиная съ первой, идутъ безъ пробѣловъ до конца книги; отдѣлы же, содержаніе ихъ и слова, которыя мы отличаемъ или заглавными или курсивными буквами, вписываются цвѣтными буквами. Писецъ пишетъ текстъ чернилами, оставляетъ пробѣлы для извѣстныхъ строкъ, словъ и, по окончаніи иногда уже всей рукописи, вписываетъ заглавія. Списокъ, послужившій основнымъ для печатанія, не былъ доведенъ до окончательной отдѣлки: писецъ успѣлъ ввести въ него красныя строки только въ первыхъ трехъ или четырехъ тетрадахъ (по печатному до 4. страницы); дальше заглавія не были вписаны, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ не вписалъ собственныхъ именъ, которыя онъ предполагалъ отличить краскою. Петербургская рукопись всѣ эти пропуски пополняетъ; заглавія ея, кромѣ того, что сообщаютъ цѣлому сочиненію ясность, дополняютъ иногда самый разсказъ въ текстѣ. Таеъ надпись надъ исторіею Узбека, Золото-ордынскаго хана, объясняетъ его родовыя отношенія къ другимъ лицамъ этого дома. Мелкія, но не меньше важныя, поправки, какія вносятъ С.-Петербургскій текстъ въ Казанскій, состоятъ иногда въ другой постановкѣ діакритическихъ точекъ при буквахъ, иногда въ грамматическихъ формахъ словъ.

Оба изданія имѣютъ еще варианты, которые указываютъ на время и мѣсто составленія рукописи: вмѣсто Персидскихъ словъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанскаго изданія въ С.-Петербургской рукописи стоятъ чисто Тюркскія. Такъ въ печатномъ текстѣ на страп. v, въ строкѣ 21 читается персидское слово نمکъ намъкъ, въ С.-Петербургской академической рукописи тюркское توزъ: оба слова значатъ соль. На стр. ۱۰۶ в. перс. کشتъ гюштъ мясо замѣняетъ тюркское слово ایتъ итъ мясо. Эти варианты не имѣютъ значенія въ отношеніи къ историческому достоинству сочиненія, но могутъ служить основаніемъ къ опредѣленію вѣрности того или другого чтенія. Остановливая вниманіе на такихъ вариантахъ, я желаю дать себѣ отвѣтъ на вопросъ о нихъ: которыя изъ словъ были подлинныя слова, принадлежавшія автору, персидскія или тюркскія? Опираясь на слова автора Родословной, что онъ въ своемъ сочиненіи старался избѣгать словъ Персидскихъ и Арабскихъ, признаемъ Тюркскія слова подлинными, словами самого писателя, а Персидскія повиднѣйшею замѣной ихъ. На такія замѣны всегда готовы ученые татары, претендующіе на щеголеватость въ языкѣ. При томъ въ Бухарскихъ школахъ и въ общежитіи Персидскій языкъ съ годами болѣе и болѣе коренится: оттого рука каллиграфа, составлявшаго списокъ, свободно могла на мѣсто нѣкоторыхъ Тюркскихъ словъ вчеркнуть Персидскія, какъ употребительнѣйшія въ его время.

Одобривъ С.-Петербургскую рукопись, не забываю и нѣкоторыхъ недостатковъ ея, которые обратно должны пополниться печатнымъ текстомъ: въ ней есть также пропуски въ сравненіи съ Казанскимъ; они перенесены изъ печатнаго на страницы рукописи трудолюбивою рукою кого-то изъ Европейскихъ ориенталистовъ.

Списки „Родословной Тюркскаго племени“, извѣстныя въ Европѣ, Геттингенскій, Берлинскій и Парижскій, судя по

отзывамъ разсматривавшихъ ихъ, много уступятъ С.-Петербургскому; изъ нихъ только Геттингенскій, по словамъ Демезона, лучше печатнаго; но Берлинскій и Парижскій, по отзыву Жобера, исправностию ниже Казанскаго (Ж. М. Н. П. ч. LIX. Отд. III. Описаніе Турецко-татарскихъ рукописей). При новомъ изданіи тюркскаго подлинника Родословной, эти манускрипты должны пополниться другъ другомъ, чтобы изданію быть удовлетворительно исправнымъ: исправно изданный текстъ Родословной былъ бы, при скудости литературы на Восточно-Джагатайскомъ нарѣчій, дорогимъ даромъ для филологовъ Тюркскаго языка, который въ этомъ нарѣчій чище, нежели въ западныхъ, какъ въ лексиконномъ, такъ и грамматическомъ отношеніи.

Сличая русскій переводъ „Родословной исторіи о Татарахъ“ Тредьяковскаго съ нынѣшнимъ печатнымъ Казанскимъ и съ текстомъ С.-Петербургскаго манускрипта, нахожу, что рукопись, съ которой первоначально сдѣланъ переводъ въ Сибири, была очень исправна по своей полнотѣ. Переводъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полнѣе и яснѣе излагаетъ рассказы моего перевода. Въ ней не достаетъ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя есть въ печатномъ, напр. въ ней нѣтъ рассказа о походѣ Тамерлана противъ Токтамыша, и объ участіи въ этомъ походѣ Кутлука (въ печатномъ изданіи на стран. 91 и 92 (91—92) и въ С.-Петербургскомъ на 207 стран.); но въ послѣднихъ двухъ текстахъ это мѣсто есть позднѣйшая приписка, потому что она отличается отъ предыдущаго рассказа и тѣмъ, что Тимуръ является тутъ съ именемъ Тимуръ-бій, а не Эмиръ-Тимуръ, какъ онъ выше назывался, и потому, что этотъ рассказъ не имѣетъ связи съ предыдущими дѣлами Тимура, тогда какъ у Абуль-Гази вездѣ видна строгая послѣдовательность рассказовъ. Въ переводѣ Тредьяковскаго есть перестановки нѣкоторыхъ частей изъ одного мѣста въ другое; основаніемъ этому было ли несходство того подлинника съ нынѣшнимъ его текстомъ, или было

желаніе переводчиковъ дать, по своему усмотрѣнію, связь нѣкоторымъ событіямъ, или издатели переводовъ передѣлывали его по своему разумѣнію — нельзя указать прямо, при недостаткѣ свѣдѣній о рукописи, съ которой сдѣланъ первоначальный переводъ; но изъ этого перевода видно, что трудившіеся надъ нимъ отъ себя выписывали по вѣскольку строкъ или словъ для связи частей переводимой ими книги. Европейскіе переводы удовлетворительно не передали мусульманско-Тюркскаго склада Абуль-Газіева сочиненія. Рѣчь подлинника, часто разцвѣченная выраженіями, свойственными его языку, не видна въ переводѣ, замѣнившемъ простыми выраженіями мысли автора; мусульманская форма введенія въ книгу измѣнена на христіанскую; молитвенныхъ словъ послѣ именъ чтимыхъ мусульманами святыхъ нигдѣ не встрѣчается.

При желаніи вѣрнѣе передать твореніе Абуль-Гази, я, сколько могъ, ближе держался подлинника: для того я не замѣнялъ простыми и ясными словами тѣхъ выраженій, въ которыхъ Тюркскаго писателя простыя понятія передаетъ, по вкусу своего народа, языкомъ загадочнымъ; я иногда подбиралъ созвучныя выраженія тамъ, гдѣ авторъ Родословной намѣренно хотѣлъ прикрасить свой рассказъ созвучною игрою словъ. Абуль-Гази по мѣстамъ раскрашиваетъ свою прозу стихами, сообразно вкусу восточныхъ историковъ; нѣкоторые стихи его я также передалъ мѣрною рѣчью только для того, чтобы эти мѣста и въ переводѣ отличались отъ прозы его; встрѣчая такія строки, часто метрически неправильныя, читатель извинитъ переводчика, что онъ, для соблюденія внѣшняго вида подлинника, предпочелъ худшую стопоскладную рѣчь болѣе сноскому прозаическому выраженію.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго.

Воздавъ хвалу безначальному и безконечному Богу, который не имѣетъ себѣ общника, который словомъ „да будетъ“ далъ бытіе семи небесамъ и семи землямъ, составляющимъ осьмнадцать тысячъ міровъ; благословивъ пророка Мохаммеда избраннаго, любимца Божія, посланника ко всѣмъ сынамъ человѣческимъ и къ гениямъ, надѣленнаго четырьмя дарами, благочестіемъ, пророчествомъ, достоинствомъ быть истолкователемъ вѣры и быть печатію пророковъ,—сочинитель сей книги Абульгази Багадуръ ханъ, сынъ Арабъ-Мохаммедъ хана, потомокъ Чингиза, Харезміецъ, говоритъ: писатели на персидскомъ и тюркскомъ языкѣ изложили исторію предковъ, родственниковъ и потомковъ Чингизъ-хана, царствовавшихъ въ разныхъ державахъ, указали время рожденія и смерти ихъ, хорошія и худыя дѣла ихъ, такъ что многіе изъ ученыхъ посвятили по книгѣ многимъ изъ таковыхъ государей, и въ теченіе годовъ, какъ скоро являлся тотъ или другой государь изъ потомковъ Чингизъ-хановыхъ, являлся ученый историкъ; съ мыслію, что онъ напишетъ лучше прежняго писателя, составлялъ лѣтопись этого государя и посвящалъ ему свое произведеніе. Такимъ образомъ о нѣкоторыхъ династіяхъ державъ, основанныхъ потомками Чингизъ-хана, есть по десяти лѣтописей, о другихъ по двадцати, о иныхъ по тридцати лѣтописей. Въ настоящее время у меня убогаго подъ рукою есть осьмнадцать свѣтковъ, въ которыхъ заключаются

историческіе рассказы о потомкахъ Чингизъ-хановыхъ, властвовавшихъ въ Иранѣ и Туранѣ. Но такъ какъ по недостатку покровительства со стороны нашихъ предковъ и родственниковъ и по причинѣ невѣжества народа Харезмскаго не было писано историческихъ сочиненій о властителяхъ нашего дома, съ того времени, какъ предки Абдуллахъ-хана отдѣлились отъ нашихъ предковъ, и до нашей поры, то я всѣми мѣрами старался поручить комунибудь составить такую исторію; но не нашедши человѣка способнаго къ этому, я отнесъ къ себѣ пословицу Тюркскаго народа „сирота самъ себя повиваетъ“ и рѣшилъ самъ составить лѣтопись своей династіи. Отъ Адама до настоящаго времени, хотя написано столько лѣтописей, что число ихъ одинъ только Богъ знаетъ, но ни одинъ государь, ни одинъ эмиръ, ни одинъ умный правитель самъ не писалъ о себѣ исторіи: такъ если я взялся за дѣло, за которое не брался никто изъ нашего дома, по своему равнодушію къ такому труду, никто изъ жителей Харезма, по своей неспособности къ нему, то не подумайте, что, при такой крайности, мною сказано что либо ложное, или я хотѣлъ скрыть свои ошибки. Меня убогаго Всевышній Господь, по своей милости, надѣлилъ многими, именно, онъ даровалъ мнѣ три рода знаній: первый—предводительствовать войскомъ, издавать законы, знать судопроизводство, выступать въ походы съ конницею и съ пѣхотою, вести войну при многочисленномъ войскѣ и при маломъ войскѣ, вести переговоры съ друзьями и врагами; второй—умѣть составлять всѣхъ формъ стихотворныя сочиненія: месневи, касиды, газели, мюктааты, рубай, знать языки арабскій, персидскій, тюркскій; третій—знать мелочныя и важныя событія въ исторіи государей, бывшихъ въ Арабистанѣ, Иранѣ, Туранѣ и Монголіи, ихъ имена, время ихъ жизни и государственныя ихъ дѣла. Конечно была бы ложь, если бы я сказалъ, что ни въ Иранѣ, ни въ Индостанѣ не найдется человѣка, искуснаго, какъ я смиренный, въ изобрѣтеніи и составленіи поэтическихъ произведеній;

но въ настоящее время и между мусульманами, и между невѣрными въ странахъ и государствахъ, которыя я видѣлъ или о которыхъ слышалъ, вѣтъ отличнаго въ знаніи военномъ; правда, земля пространна: неудивительно, если есть въ странахъ, о которыхъ я не слышалъ. И такъ, не оставляя своего намѣренія, я, въ тысяча семьдесятъ четвертомъ году (1663, 4—по Р. Х.) началъ писать эту книгу, назвалъ ее Родословнымъ древомъ Тюрковъ и расположилъ въ девяти главахъ:

Глава первая.

Отъ Адама до Монголь-хана.

Глава вторая.

Отъ Монголь-хана до Чингизъ-хана.

Глава третія.

Исторія Чингизъ-хана отъ рожденія до смерти его.

Глава четвертая.

Исторія Огдай-каана, третьяго сына Чингизъ-ханова; его дѣтей и потомковъ, дѣтей Чингизъ-хановыхъ, царствовавшихъ въ юртѣ Монгольскомъ.

Глава пятая.

Исторія Джагатай-хана, второго сына Чингизъ-ханова, и его потомковъ, царствовавшихъ въ Магераанегрѣ и Кашгарѣ.

Глава шестая.

Исторія Тули-хана, младшаго сына Чингизъ-ханова, и дѣтей его, державствовавшихъ въ государствѣ Иранскомъ.

Глава седьмая.

Исторія дѣтей Джучи-хана, старшаго сына Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ Дешти-Кичакѣ.

Глава осьмая.

Исторія дѣтей Шибанъ-хана, сына Джучи-ханова, бывшихъ ханами въ Мавераннегрѣ, Крымѣ, у Казаковъ и въ Туранѣ.

Глава девятая.

Исторія дѣтей Шибанъ-хановыхъ, царствовавшихъ въ державѣ Харсзмской.

Эти девять главъ пришли въ чудное соотвѣтствіе со-держанію сочиненія, такъ какъ мудрецы говорятъ: выше де-вяти ничего не бываетъ; девять есть предѣлъ всего существую-щаго.

Глава первая.

Сотвореніе Адама - миръ ему—Господомъ Всевышнимъ.

Всевышній Господь, когда восхотѣлъ сотворить Адама, сказалъ Гавріилу—миръ ему—: принеси персти съ лица земли. Когда ангель пришелъ на землю и сталъ брать персти, тогда земля мимическимъ языкомъ спросила его: что ты дѣлаешь? Гавріиль пересказалъ ей ходъ дѣла. Земля, заклиная его Богомъ Всевышнимъ, говорила: „не бери отъ меня; потому что въ послѣдующее время изъ сыновъ Адамовыхъ, послѣ того какъ они размножатся, одни будутъ невѣрующими въ Бога, другіе непокорными Ему, одни будутъ жестокосердыми, другіе грѣшниками; за то Всевышній Господь накажетъ ихъ; а у меня не станетъ силы перенести гнѣвъ и наказаніе Бога Всевышняго“. Гавріиль не взялъ персти, возвратился въ Богу Всевышнему, пересказалъ ему слова земли. Послѣ сего Богъ послалъ Михаила - миръ ему;—но и онъ возвратился и пересказалъ тѣ же самыя слова. Потомъ Онъ послалъ Исрафила-миръ ему, —и этотъ возвратился и сказалъ, что онъ слышалъ тоже. На послѣдовъ Богъ послалъ Азраила-миръ ему; — земля и его стала съ заклинаніями удерживать; но Азраиль сказалъ: „повелѣніе Бога выше твоего прошенія и заклинанія“, и взялъ персти съ того мѣста земли, на которомъ въ вышнее время стоитъ Кааба. За это Богъ пору-

чить Азраилу вынимать души у людей. Послѣ того Всевышній Господь всемогущимъ своимъ словомъ изъ персти сдѣлалъ тѣсто, составилъ образъ человѣка и положилъ его между Меккой и Таифомъ; это продолжалось тридцать девять дней. Въ сороковой день Богъ далъ ему душу. О томъ, что Иблисъ ¹⁾ не поклонился Адаму, что Адамъ ходилъ въ рай и возвратился оттуда въ здѣшній міръ, мнѣ въ чему пересказывать? оно всякому яснѣ луны и свѣтлѣ солнца.

Адамъ, проживъ въ семь мірѣ тысячу лѣтъ, перешелъ въ тотъ міръ. Слово Адамъ арабское слово: Арабы поверхность земли называютъ *адимъ*; Азраилъ не взялъ персти изъ внутренности земли, а взялъ ее съ поверхности ея, потому и дано ему имя Адамъ. Прозваніе ему *Сафи-улла* („чистосердечно преданный Богу“). У Адама, когда онъ умеръ, было дѣтей сорокъ тысячъ. Умирая, онъ поставилъ на своемъ мѣстѣ сына своего, Сноа.

Послѣ Адама Всевышній Господь поставилъ пророкомъ Сноа. Онъ, проживъ девятьсотъ двѣнадцать лѣтъ, перешелъ въ чертоги райскіе. Имя Сноа значить даръ Божій, потому прозваніе ему *Гибятъ-улла*. Онъ также, при своей смерти, на свое мѣсто посадилъ сына Эноса.

Эносъ, выполняя законъ своего дѣда Адама, прожилъ въ здѣшнемъ жилищѣ девятьсотъ двѣнадцать лѣтъ и перешелъ въ другое жилище. Имя Эносъ значить правдивый, потому его называютъ Садикъ. При своей смерти, онъ поставилъ на свое мѣсто сына Каинана, давъ ему много совѣтовъ и приказаній.

Каинанъ восемьсотъ сорокъ лѣтъ ходилъ путемъ отца своего и, оставивъ на своемъ мѣстѣ сына Малелеила, перешелъ къ Богу.

При Малелеилѣ размножились сыны человѣческіе. Малелеиль основалъ городъ въ странѣ Вавилонской и назвалъ

¹⁾ Діаволь, арабское слово отъ греческаго δ.αβολος

его Сусь. Онъ научилъ строить дома и заводить селенія. Прежде него не строили домовъ, но жили въ горныхъ пещерахъ и въ лощинахъ; онъ людямъ далъ совѣтъ, чтобы они расселялись по землѣ, и вездѣ, гдѣ найдуть удобную землю, сѣяли хлѣбъ и заводили селенія; народъ такъ и поступалъ. Малелеилъ, проживъ въ семь мѣръ девятьсотъ двадцать лѣтъ, перешелъ въ другой мѣръ. При смерти своей, онъ посадилъ на свое мѣсто сына своего Іаредъ.

Іаредъ, проживъ девятьсотъ шестьдесятъ лѣтъ, поставилъ на свое мѣсто сына Эноха и ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ.

Имя Энохъ есть сирійское слово; Арабы познанія въ вѣрѣ, въ философіи и врачебномъ искусствѣ выражаютъ словомъ дарсъ, потому они называютъ его *Идрисъ* („много свѣдущій“). Всевышній Господь поставилъ его для современниковъ пророкомъ: восемьдесятъ два года совершая должность пророческую, онъ призывалъ людей на путь правый. Послѣ того Авраилъ, по повелѣнію Божію, пришелъ и, посадивъ Идриса мѣръ ему—на свои крылья, перенесъ его въ рай: съ того дня и до настоящаго времени онъ находится въ раю.

По переходѣ Идриса въ рай, сынъ его Маеусаль заступилъ мѣсто отца и посвятилъ себя дѣламъ правосудія. Лѣта жизни его не извѣстны. По прошествіи многихъ лѣтъ, онъ поставилъ на свое мѣсто сына Ламеха и перешелъ къ вѣчной жизни.

Ламехъ также много лѣтъ жилъ въ здѣшнемъ мѣрѣ, по числу лѣтъ жизни его не извѣстно; онъ, при смерти своей, поставилъ на свое мѣсто сына своего Ною.

Когда Ною исполнилось двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, тогда Всевышній Богъ избралъ его въ пророки и послалъ къ современному ему народу: семьсотъ лѣтъ онъ склонялъ людей къ принятію мусульманства; только восемьдесятъ человекъ, мужицъ и женщинъ, увѣрвало. Въ продолженіе семисотъ лѣтъ, онъ, приходя къ людямъ миролюбцамъ, говорилъ: вѣруйте въ

Бога; но кромѣ тѣхъ восьмидесяти человѣкъ никто не увѣровалъ. Сильно вознегодовавъ на людей невѣрующихъ, Ной молился Богу о погибели ихъ. Архангелъ Гавріилъ явился ему и сказалъ: Всевышній Господь принялъ твою молитву, онъ восхотѣлъ въ такое-то время потопить водою всѣхъ людей, живущихъ на лицѣ земли. Богъ повелѣлъ построить ковчегъ и научилъ какъ построить его. Пророкъ Ной вмѣстѣ съ тѣми, которые увѣровали ему, построилъ ковчегъ. Послѣ того изъ земли выступила вода, съ неба полился дождь. Пророкъ Ной взялъ по парѣ отъ всякаго рода птицъ крылатыхъ и звѣрей, ходящихъ на ногахъ, и вмѣстѣ съ увѣровавшими вошелъ въ ковчегъ; а все одушевленное на лицѣ земли потонуло въ водѣ. На послѣдокъ земля, по повелѣнію Всевышняго Бога, приняла въ себя воду; ковчегъ остановился на горѣ Джуди, въ странѣ Сирійской, близи города Мосула. Въ ковчегъ вошли они въ первый день мѣсяца Реджеба, а въ десятый день мѣсяца Мохаррема, по прошествіи шести мѣсяцевъ и десяти дней, вышли изъ ковчега. Они жили при подошвѣ горы. Всѣ они сдѣлались большы: пророкъ Ной и жены его, три сына и три невѣстки были здоровы, а прочіе люди отошли къ милосердію Божию.

Потомъ пророкъ Ной разслалъ по землѣ трехъ сыновъ своихъ, каждаго въ свою сторону: сына Хама послалъ въ Индостанъ; сына Симы послалъ въ землю Иранъ; сына Іафета послалъ въ сѣверную страну, и всѣмъ имъ сказалъ: кромѣ васъ троихъ не осталось никого изъ потомковъ Адама; потому вы трое займете три страны свѣта; когда размножатся ваши семейства, то каждый изъ васъ заселитъ свою землю.

Нѣкоторые называютъ Іафета пророкомъ, а другіе говорятъ, что онъ не былъ пророкъ. Іафетъ, по распоряженію отца своего (съ горы Джуди) перешелъ на берега Идиля и Лива, жилъ тамъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ и померъ. У него было восемь сыновъ и потомство его многочисленно. Вотъ имена сыновъ его: Тюркъ, Хазаръ, Саглабъ, Русь, Мингъ,

Чинъ, Кеймари, Тарихъ. Іафетъ, поставивъ на своемъ мѣстѣ старшаго сына Тюрка, сказалъ прочимъ сыновьямъ: Тюрка вы призывайте государемъ и повинуйтесь ему.

Тюрка по преимуществу звали Іафетовичемъ. Онъ былъ человекъ образованный и умный. Послѣ отца своего, когда онъ обозрѣвалъ земли, одна изъ нихъ ему очень понравилась и онъ въ ней поселился: эту землю нынѣ называютъ Иссигъ-кюль. Онъ выдумалъ строить увеселительныя жилища. Нѣкоторые изъ обычаевъ, существующихъ въ Тюркскомъ племени, хранятся съ его времени. У Тюрка было четыре сына: первый Тутукъ, второй Хакяль, третій Берсаджаръ, четвертый Амлаъ. Тюркъ, при смерти своей, поставивъ государемъ Тутука, самъ отправился въ далекій путь.

Тутукъ былъ прекрасный государь, умный и богатый; ввелъ многіе уставы въ жизнь Тюрковъ. Онъ былъ современникомъ Кеймурсу, первому государю персидскому. Въ одинъ день онъ отправился на охоту и поймалъ дикую козу; когда, изжаривъ ее, ѣлъ, изъ руки у него упалъ кусокъ на землю; когда поднялъ его и сталъ ѣсть, во рту почувствовалъ что-то пріятное на вкусъ; а это произошло отъ того, что на мѣстѣ, гдѣ приготовлялась пища, была соль. Такимъ образомъ Тутукъ сталъ солить пищу и отъ него началось употребленіе соли. Проживъ двѣсти сорокъ лѣтъ, поставилъ на свое мѣсто своего сына Ильча-хана и ушелъ въ городъ, изъ котораго, какъ говорятъ, никто не возвращается, кто ни пойдетъ въ него.

Ильча-ханъ царствовалъ много лѣтъ; попивши и поживши, онъ ушелъ за отцемъ своимъ, передавъ, при смерти, свое мѣсто сыну своему Дибъ-бакуй-хану.

Дибъ-бакуй, въ имени котораго слово либъ значитъ нижее мѣсто, бакуй-старшина народный, также былъ государемъ много лѣтъ: видѣлъ улыбку друзей, видѣлъ слезы враговъ, и послѣ веселаго и многолѣтняго царствованія, оставилъ свое мѣсто сыну Кіюкъ-хану и ушелъ въ городъ, изъ котораго никто не возвращается, кто ни пойдетъ въ него.

Кіюкь-ханъ, вступивъ на престоль отцовскій, нѣсколько лѣтъ совершалъ дѣла правосудія, и, поставивъ въ своей державѣ своего сына, Аланчу-хана, отправился въ страну, куда идутъ всѣ люди.

Аланча-ханъ много лѣтъ правилъ государствомъ. Со времени Ноя—миръ ему!—до времени этого Аланчи-хана всѣ потомки Іафета были мусульмане; при Аланчѣ юртъ улучшился, народъ сдѣлался богаче; но къ нимъ идетъ пословица Узбековъ: собака, если разжирѣетъ, кусаетъ своего хозяина. Когда у кого умиралъ любимый кто либо, то сынъ, или дочь, или братъ дѣлалъ похожую на него статую, и, поставивъ ее въ своемъ домѣ, говорилъ: это такой-то изъ нашихъ ближнихъ; оказывая къ нему любовь, первую часть отъ кушанья клали передъ статуей, цѣловали ее, натирали мазию лицо, глаза и клянялись ей. Изъ таковыхъ повторявшихся дѣйствій возникло идолопоклонство.

У Аланчи-хана было два сына, близнеца: старшему имя было Татаръ, младшему Монголь. Аланча-ханъ, когда составилъ, раздѣлилъ свои владѣнія своимъ сыновьямъ. Оба брата провели жизнь свою въ благополучіи и счастіи, не дѣлая другъ другу худого. Если Богъ благоволитъ, то мы сначала будемъ говорить о Татарѣ, а потомъ скажемъ о Монголѣ.

Татаръ-ханъ и семь преемниковъ, царствовавшихъ послѣ него.

Татаръ-ханъ, царствовавъ много лѣтъ, умеръ. Его сынъ, Бука-ханъ, заступивъ мѣсто отца, царствовалъ много лѣтъ и умеръ. Послѣ него Илидча-ханъ занялъ мѣсто отца, и, нѣсколько лѣтъ правилъ народомъ, скончался. Его сынъ Атли-ханъ, сдѣлавшись послѣ отца государемъ, нѣсколько лѣтъ проживъ въ удовольствіи и утѣхахъ, ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ. Потомъ сынъ его Атсизъ-ханъ, замѣстивъ отца, нѣсколько лѣтъ провелъ въ войнахъ съ врагами и на

охотѣ за звѣрями и ушелъ вслѣдъ за своимъ отцемъ. Потомъ сынъ его Орда-ханъ, сдѣлавшись государемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вино и кумызь пилъ, изъ китайской камки себѣ одежду кроилъ, и чрезъ глубокія воды смерти отправился въ слѣдъ за отцемъ своимъ. Послѣ него воцарился его сынъ Байду-ханъ, и нѣсколько лѣтъ самодержавствовалъ.

Съ того времени, какъ Монголь и Татаръ были государствами, до времени Байду, не было вражды между сими народами. Потомки Монголь-хана царствовали въ своемъ народѣ; потомки же Татаръ-хана царствовали въ своемъ народѣ. Байду былъ неразумительный, легкомысленный юноша: онъ вступилъ во вражду съ преемниками Монголь-хановыми, и началъ дѣлать набѣги на ихъ владѣнія; по тогда пришла смерть, схватила его за воротъ и увлекла въ слѣдъ за отцемъ его.

Послѣ того заступилъ мѣсто отца Сююнучъ-ханъ; при Сююнучъ-ханѣ между монгольскимъ и татарскимъ народами возгорѣлся огонь вражды столь сильный, что, если бы вылили на него воду рѣки Аму, онъ не погасъ бы. Монголы всегда оставались побѣдителями. Если Богъ благоволитъ, мы, послѣ исторіи Монголовъ, перескажемъ о дѣлахъ Сююнучъ-хана.

Глава вторая.

Монголь-ханъ и его преемники до Чингизъ-хана.

Корень слова Монголь есть мунгъ-уль. Народъ, уклоняясь отъ точнаго выговора, современемъ сталъ произносить Монголь. Слово мунгъ, извѣстное всѣмъ Тюркамъ, значить печальный; уль значить угрюмый, потому Монголь значить: печальный-угрюмый. Въ этомъ племени девять человекъ были царями: первый изъ

нихъ Монголь-ханъ, послѣдній Иль-ханъ. Шарафъ-эд-динъ Ёзди въ введеніи къ Зафаръ-намс говоритъ: въ народѣ Тюркскомъ есть обычай всякое дѣло приводить въ числу девять; это употребленіе числа девяти произошло отъ девяти Монгольскихъ хановъ; также въ началѣ книги сказано было: Всевышній Богъ все сотворенное устроилъ по чинамъ; выше девяти онъ не сотворилъ никакого чина. Монголь-ханъ царствовалъ много лѣтъ; у него было четыре сына: первый Караханъ, второй Узъ-ханъ, третій Кюзъ-ханъ, четвертый Гюръ-ханъ. Монголь-ханъ, поставивъ на свое мѣсто старшаго изъ своихъ дѣтей Кара-хана, оставилъ здѣшнюю жизнь.

Кара-ханъ.

Послѣ своего отца онъ царствовалъ надъ всѣмъ народомъ. Лѣто онъ жилъ по горамъ Эръ-тагъ и Геръ-тагъ, которыя нынѣ зовутся Улугъ-тагъ и Кичикъ-тагъ; а когда наступала зима, онъ проводилъ время въ Кара-кумъ и на берегу рѣки Сыръ. При Кара-ханѣ подданные его сдѣлались столь нечестивы, что между ними не было ни одного мусульманина.

Рожденіе Угузъ-хана.

У старшей жены Кара-хановой родился сынъ, котораго красота превосходила красоту луны и солнца. Трое сутокъ онъ не бралъ груди матери; въ каждую ночь дитя, являясь во снѣ матери своей, говорило: матушка! будь покорною Богу (мусульманкою); если ты не сдѣлаешься мусульманкою, то я не буду кормиться твоею грудью и умру. Мать не противилась сыну и увѣровала въ единого Бога. Послѣ того дитя кормилось грудью матери. Мать его никому не сказывала о своемъ сновидѣніи и о томъ, что сдѣлалась мусульманкою; она таила это потому, что Тюркскій народъ, со времени Іафета до Аланча-хана бывшій мусульманами, съ того времени,

какъ Аланча-ханъ сдѣлался государемъ, разбогатѣвъ, сталъ рабомъ богатства, забывъ Бога и былъ нечестивымъ. При Кара-хапѣ онъ такъ ожесточился въ нечестіи, что сынъ, какъ скоро узнавалъ, что его отецъ сдѣлался вѣрующимъ, убивалъ отца своего; и отецъ убивалъ сына, когда узнавалъ, что онъ сдѣлался мусульманиномъ. Въ это время у Монголовъ былъ обычай сыну не давать имени, доколѣ ему не исполнится года. Кара-ханъ, когда его сыну прошелъ годъ, предложилъ народу угощеніе доенія и сдѣлалъ большой пиръ. Во время пира дитя принесли въ собраніе; Кара-ханъ сказалъ бекамъ: этому сыну нашему исполнился годъ: такъ какое имя дадите ему? Беки не успѣли еще отвѣтить, какъ дитя выговорило: мнѣ имя Угузь.

Одногодній ребенокъ въ собраніе вбѣжалъ,

Ясно, языкомъ промолвивъ, сказалъ:

„Знайте, мнѣ имя: Угузь-царь знаменитый.

„Вѣрно то знайте всѣ вы, чины имениты!“

Всѣ бывшіе на пиру, и большіе и малые, услышавъ это слово ребенка, дивились и говорили: дитя само себя нарекло имя, лучше этого имени можетъ ли быть? Назвали его Угузь и говорили: никто никогда не слышалъ и не видѣлъ, чтобы однолѣтнее дитя такъ говорило, и, гадая о его судьбѣ, предсказывали, что онъ будетъ долголѣтенъ, очень богатъ, что ладонь у него будетъ ровна, что рукавъ его будетъ широкъ.

Когда Угузь началъ говорить, то бѣгая непрестанно произносилъ: Аллахъ, Аллахъ! Всякій, кто слышалъ это, говорилъ: онъ дитя; не умѣя владѣть языкомъ, не смыслить, что говорить, потому что слово Аллахъ есть арабское, а изъ Монголовъ ни одинъ отецъ не слышалъ арабскаго языка. Всевышній Господь создалъ его любимцемъ, святымъ, и свое имя положилъ ему въ сердце и на языкъ. Когда Угузь пришелъ въ юношескій возрастъ, Кара-ханъ сосваталъ за него дочь брата своего Гюръ-хана. Угузь наединѣ сказалъ двѣ-

цѣ: исповѣдуй Бога, который сотворилъ міръ, тебя, пастъ, которому имя Аллахъ! дѣлай только то, что онъ повелѣлъ. Но какъ невѣста не согласилась на это, то онъ тотчасъ всталъ и легъ на особомъ мѣстѣ. По ночамъ не ложась съ невѣстою, онъ днемъ не говорилъ съ нею. Черезъ нѣсколько времени сказали Кара-хану: вашъ сынъ не любитъ свою жену; не любя ея, онъ, со дня жепитьбы, не ложится съ нею въ одномъ мѣстѣ. Кара-ханъ, услышавъ это, сосваталъ за него дочь другого брата Кюзь-хана. Угузь-ханъ и этой дѣвицѣ также предложилъ принять вѣру, но и она не согласилась; а потому и съ нею вмѣстѣ онъ не ложился. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ происшествій. Угузь-ханъ часто выѣзжалъ на охоту; однажды онъ на берегу рѣки увидѣлъ нѣсколько дѣвицъ, которыя мыли бѣлье; между ними была также дочь Узь-хана, брата отца его: онъ поопасся послать къ ней человека для переговоровъ съ нею, дабы тѣмъ не открылась тайна, а потому самъ, отозвавъ ее въ сторону, говорилъ ей, заклиная ее хранить тайну: „отецъ мой бралъ за меня двухъ дѣвицъ; я не любилъ ихъ потому, что я мусульманинъ, а онѣ обѣ невѣрныя, и когда я каждой изъ нихъ говорилъ: будь мусульманкою! онѣ не соглашались; если ты сдѣлаешься мусульманкою, то я тебя возьму за себя“. Дѣвица отвѣчала: „въ какой вѣрѣ ты будешь, въ той буду и я“. Послѣ того Угузь-ханъ переговорилъ съ отцемъ своимъ и Кара-ханъ, сдѣлавъ большой пиръ, взялъ дочь Узь-ханову за Угузь-хана. Она сдѣлалась мусульманкою и Угузь-ханъ очень любилъ ее.

Послѣ этого прошло много лѣтъ. Въ одинъ день Угузь-ханъ отправился въ отдаленное мѣсто на охоту; Кара-ханъ созвалъ къ себѣ своихъ родственниковъ и невѣстокъ, предложилъ имъ яства и въ продолженіе бесѣды спросилъ у своей жены: какая тому причина, что Угузь послѣ взятую жену любить, а прежнія двѣ жены ему постылы? Жена его отвѣчала: не знаю; сами невѣстки лучше знаютъ это. Когда ханъ спросилъ о томъ невѣстокъ, тогда старшая изъ нихъ сказа-

ла: сынъ вашъ мусульманинъ; намъ обѣимъ онъ совѣтоваль быть мусульманками, но мы не согласилась; а младшая ваша невѣстка мусульмавка, за то сынъ вашъ очень ее любить. Кара-ханъ, когда услышалъ эти слова, то призвалъ къ себѣ бековъ своихъ, и, посовѣтовавшись съ ними, рѣшилъ Угуза схватить на охотѣ и убить, и послалъ человѣка по своимъ владѣніямъ съ приказомъ, чтобы скорѣе люди собралась, ибо онъ выѣдетъ на охоту. Младшая жена Угузь-хана, узнавъ этотъ умыселъ Кара-хана, отправила человѣка къ Угузь-хану. Какъ скоро пересказано было все Угузь-хану, онъ также отправилъ къ народу человѣка съ словами: „отецъ мой собираетъ войско для того, чтобы убить меня; кто держится меня, пусть идетъ ко мнѣ; кто держится отца моего, пусть прпстаеть къ нему“. Многие изъ народа пошли къ Кара хану; не много людей пришли къ Угузь-хану. У братьевъ Карахановыхъ было много сыновъ; никто не предполагалъ, что они отстануть отъ Кара-хана, но всѣ они перешли къ Угузь-хану. Угузь-ханъ назвалъ ихъ Уйгурами. Слово *уйгуръ* принадлежитъ тюркскому языку: оно, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ *союзникъ*. Такъ говорятъ: молоко ссѣлось, *суть уйюди*: когда молоко сдѣлалось айрапомъ, тогда части его отдѣлены одна отъ другой; но когда ссѣдаются *уйюганъ* сливки, или сметана, тогда части его между собою соединяются. Подобнымъ образомъ говорятъ: я въ молитвѣ присоединился къ имаму, имамга уйюдимъ; т. е. когда имамъ садится, то садится и молящійся съ нимъ; если тотъ встаетъ, то и этотъ встаетъ: а это не есть ли союзъ? Когда они прешли къ Угузь-хану и крѣпко схватились обѣими руками за полы одежды его, Угузь-ханъ назвалъ ихъ Уйгурами, т. е. союзниками, приверженцами. Кара-ханъ и Угузь-ханъ вывели свои полки и сразились между собою. Всевышній Господь даровалъ побѣду Угузь-хану; Кара-ханъ обратился въ бѣгство. Въ битвѣ Кара-хану въ голову вонзилась стрѣла; но не знали, кто ее пустил; Кара-ханъ отъ этой раны умеръ, а Угузь-ханъ вступилъ на престолъ отца.

Ханствованіе Угузъ-хана.

Угузъ-ханъ пригласилъ всѣхъ своихъ подданныхъ къ мусульманству: тѣмъ, которые сдѣлались мусульманами, онъ покровительствовалъ, а преслѣдовалъ тѣхъ, которые не принимали мусульманства; отцевъ онъ предавалъ смерти, а дѣтей ихъ дѣлалъ рабами. Въ то время много было владѣній кромѣ тѣхъ, которые зависѣли отъ Кара-хана. Въ каждомъ большомъ владѣніи былъ особый государь; ему подчинены были малыя области; области Кара-хана, исповѣдывавшія мусульманство, присоединились къ Угузъ-хану, а небывшія мусульманскими, отошли къ другимъ ханамъ.

Угузъ-ханъ каждый годъ велъ войны съ живущими въ юртѣ монгольскомъ и оставался побѣдителемъ. Напоследокъ всѣ ихъ взялъ; нѣкоторые изъ нихъ, спасая себя бѣгствомъ, подчинились хану татарскому. Татары въ то время жили близъ Джурджита. Джурджитъ есть большой юртъ; городозъ и селеній въ немъ много; онъ находится на сѣверной сторонѣ Китая, который Индійцы и Таджики называютъ Чинь. Угузъ сдѣлалъ нападеніе на Татаръ; ханъ ихъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ битву съ нимъ, но Угузъ одержалъ верхъ и истребилъ его войско.

Войску Угузъ-хана досталась столь великая добыча, что всей нельзя было навьючить на лошадей, ихъ не достало для этого. Въ войскѣ былъ одинъ хорошій, прекрасный человѣкъ, онъ придумалъ сдѣлать телѣгу (арбу); по образцу ея всѣ сдѣлали телѣги, и, наложивъ на нихъ добычу, повезли домой. Телѣгу назвали кангъ: прежде не было слова этого, какъ не было и самой телѣги. Ее назвали кангъ потому, что когда на ней ѣхали, то она производила скрипъ: кангъ, кангъ; а изобрѣтателя ея назвали Кангли. Весь народъ Кангли отъ этого человѣка происходилъ.

Въ продолженіе семидесяти двухъ лѣтъ Угузъ-ханъ велъ войны съ Татарами, хотя Монголы и Татары были одной ко-

сти. На семьдесятъ третьемъ году онъ всѣхъ ихъ подчинилъ своей волѣ и сдѣлалъ мусульманами.

Послѣ того онъ завоевалъ Китай, завоевалъ Джурджитъ и также Тангутъ, который Таджики называютъ Тибетъ. Послѣ того онъ покорилъ Кара-Китай, который также большой юртъ: жители его, такъ-же какъ и Индусы, чернаго цвѣта.

Между Индостаномъ и Китаемъ, по берегу Океана, на зимнемъ востокѣ или на юго-востокѣ лѣтнемъ отъ Тангута, на той сторонѣ Китая, на берегу моря, въ цѣпи большихъ горъ, было много народовъ. Государя этой страны звали Итъ-беракъ. Угузъ-ханъ противъ него выступилъ въ походъ со своею конницею; произошла битва; Итъ-беракъ-ханъ побѣдилъ, Угузъ обратился въ бѣгство. По эту сторону того мѣста, гдѣ происходила битва, протекали двѣ большія рѣки; между сими рѣками, остановившись на нѣсколько дней, онъ собралъ остатки разсѣяннаго войска.

У великихъ государей, когда они отправляются въ далекий путь, есть обычай брать съ собою своихъ женъ; такимъ же образомъ отправлялись и нѣкоторые нукеры. При Угузъ-ханѣ былъ князь, который также отправился на войну съ женою. Въ битвѣ онъ палъ, а жена его спаслась и, вслѣдъ за ханомъ, пришла въ его станъ между двумя рѣками. Она была беременна; ей настала пора родить, а какъ время было холодное и дома, куда бы ей пріютиться, не было, то она родила сына въ деревѣ, у котораго внутренность сгнила. Когда объ этомъ донесли хану, онъ сказалъ: его отецъ въ битвѣ палъ при мнѣ; но это не бѣда! взялъ къ себѣ этого мальчика и назвалъ его Кипчакъ. На старинномъ турецкомъ языкѣ дуплистое дерево называли кипчакъ; а такъ какъ это дитя родилось въ дуплѣ дерева, то его называли Кипчакъ. Въ нынѣшнее время дуплистое дерево называютъ чабчакъ: простолюдины, по неповоротливости языка своего, вмѣсто буквы к произносятъ въ семъ словѣ ч и вмѣсто кипчакъ говорятъ чапчакъ. Ханъ при себѣ воспиталъ этого маль-

чика. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, народы Урусъ, Авлакъ, Маджаръ, Башкурдъ возмущились; ханъ, поручивъ Кипчаку много народа и нуверовъ, послалъ его въ эту страну, на берега рѣкъ Дона и Итиля. Донъ и Итиль имена двумъ большимъ рѣкамъ. Триста лѣтъ онъ царствовалъ въ этой странѣ. Все народонаселеніе Кипчакское произошло отъ него. Со времени Угузъ-хана до Чингизъ-хана на берегахъ трехъ рѣкъ, Дона, Итиля и Яика, не было другого народа кромѣ Кипчакскаго. Около четырехъ тысячъ лѣтъ они жили въ сихъ странахъ: потому сіи страны зовутъ Дешти-кипчакъ.

Угузъ-ханъ, по прошествіи семи лѣтъ послѣ того, какъ былъ разбитъ Беракъ-ханомъ, опять предпринялъ походъ противъ Беракъ-хана, въ битвѣ разбилъ его и велѣлъ его умертвить; завладѣвши юртомъ его, онъ, не тревожа мусульманъ, избилъ тѣхъ, которые не вѣровали въ Бога, взялъ въ плѣнъ дѣтей ихъ и обратно прибылъ домой.

Походъ Угузъ-хана въ Туранъ и Индостанъ.

Угузъ-ханъ, собравъ войско въ областяхъ Монгольской и Татарской, выступилъ къ Телашу и Сираму. Цари Ташкентскій, Самаркандскій и Бухарскій, выставивши войско, не могли съ нимъ ратовать, искали себѣ защиты въ большихъ городахъ и надежныхъ крѣпостяхъ. Угузъ-ханъ самъ осадилъ Сирамъ и Ташкентъ и взялъ ихъ, а къ Туркестану и Андеджану послалъ сыновъ своихъ; они въ шесть мѣсяцевъ Туркестанъ и Андеджанъ подчинили власти отца. Угузъ-ханъ надъ всѣми оными областями поставилъ даругъ и пошелъ къ Самарканду. Завоевавъ Самаркандъ и поставивъ надъ нимъ даругу, выступилъ къ Бухарѣ. По взятіи Бухары, отправился къ Балху; завоевавъ Балхъ, пошелъ на область Гуръ. Была зима, время было самое холодное; въ горахъ Гура выпалъ большой снѣгъ и войско отказывалось итти, но Угузъ-ханъ,

давъ приказъ, чтобы никто не отставалъ отъ него, шелъ далѣе и взялъ Гуръ.

Съ началомъ года, когда наступила весна, онъ сдѣлалъ счетъ войску: нѣсколькихъ человѣкъ не доставало. При распросѣ о нихъ, никто о нихъ не зналъ; чрезъ нѣсколько дней эти люди пришли служить хану. Когда онъ спросилъ ихъ о ихъ состояніи, они отвѣчали: „насъ нѣсколько человѣкъ слѣдовало за войскомъ, но въ горахъ, когда въ одну ночь выпалъ глубокой снѣгъ, мы не могли идти и на этомъ мѣстѣ остановились; наши кони, верблюды всѣ издохли; по наступленіи весны, мы пѣшекомъ пришли сюда“. Ханъ сказалъ: „эти люди пусть называются Карлыкъ“. Народъ Карлыкъ происходитъ отъ ихъ рода.

Выступивъ отсюда, онъ взялъ Кабуль и Газнинъ, и пошелъ на Кашмиръ. Въ то время государемъ Кашмира былъ Ягма. Непрístupныя горы и большія рѣки покрываютъ Кашмиръ; Ягма, въ надеждѣ на непрístupность мѣстности, вздумалъ сопротивляться Угузъ-хану. Цѣлый годъ были между ними битвы; съ обѣихъ сторонъ пало много людей. Наконецъ Угузъ-ханъ взялъ Кашмиръ и велѣлъ убить Ягму; войско его было все истреблено. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, онъ чрезъ Бедешанъ возвратился въ Самаркандъ, а отселъ отправился въ Монголію и прибылъ восвояси.

Походъ Угузъ-хана въ Иранъ (Персію), Сирію и Египетъ.

Пробывъ на мѣстѣ одинъ годъ, Угузъ-ханъ во второй годъ велѣлъ своимъ подданнымъ готовиться къ походу въ Иранъ (Персію) и къ военнымъ трудамъ на нѣсколько лѣтъ. На слѣдующій годъ онъ выступилъ и прибылъ въ городъ Телашъ.

Позади ханскаго войска были оставлены люди для того, чтобы собрать всѣхъ усталыхъ, голодныхъ, сбившихся съ дороги, потерпѣвшихъ какую либо утрату. Эти люди привели

въ хану одного семейнаго человѣка, отставшаго отъ войска. Ханъ спросилъ его: почему ты отсталъ? онъ отвѣчалъ: по недостатку у меня вьючнаго скота я шелъ за войскомъ; жена моя была беременна и родила; у матери отъ голода не было молока для кормленія ребенка. На берегу рѣки я увидѣлъ, что шакаль поймалъ фазана; я палкою бросилъ въ шакала, шакаль убѣжалъ, оставивъ фазана: я взялъ эту птицу, изжарилъ и ею кормилъ жену мою. Оставленные вами люди нашли меня и сюда представили. Ханъ, давъ этому бѣдняку лошадь, хлѣба и другія потребныя вещи, уволилъ его отъ похода, сказавъ: *каль ачъ!* „оставайся, голодный!“— Отъ его рода произошелъ народъ Каль-ачъ; въ нынѣшнее время его называютъ Халаджъ. Изъ этого народа многіе живутъ въ Мавераннегрѣ, среди племени Аймакъ; ихъ много въ Хорасанѣ и Иракѣ.

Черезъ Телашъ Угузь-ханъ пришелъ въ Самаркандъ и Бухару. Переправясь черезъ рѣку Аму, вступилъ въ Хорасанъ. Въ то время въ юртѣ Иранскомъ не было хорошаго государя; Кеймурсъ умеръ, а Гушенга еще не возвелъ на царство. Это время Арабы называютъ „Мюлюк-у-т-таваифъ“, удѣльные царьки, т. е. въ каждомъ народѣ былъ свой начальникъ; а Тюрки называютъ это время „правленіемъ черныхъ хановъ“, т. е. въ каждомъ семействѣ простолюдинъ былъ ханомъ, а потому въ каждомъ домѣ былъ свой ханъ. Въ такомъ состояніи былъ въ это время юртъ Иранскій. Угузь-ханъ завладѣлъ Хорасаномъ; вышедъ изъ него, онъ занялъ Иракъ-аджемъ, Иракъ-арабъ, Адзербайджанъ, Арменію, Сирію до Египта. Онъ подчинилъ себѣ всѣ оныя государства, нѣкоторыя изъ нихъ смирилъ оружіемъ, другія договорами склонилъ къ подданству.

Угузь-ханъ, находясь въ Сиріи, одному изъ своихъ слугъ тайно далъ золотой лугъ и три золотыя стрѣлы и сказалъ: пооди, въ пустынь на востокъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не ступала нога человѣческая, зарой лугъ въ землю, одинъ

конецъ его выставивъ наружу, а стрѣлы отнеси на западную сторону и положи ихъ такъ же, какъ положишь лукъ. Этотъ человекъ сдѣлалъ такъ по царскому повелѣнiю. По прошествiи одного года послѣ сего событiя, онъ призвалъ къ себѣ трехъ старшихъ сыновъ своихъ, Кюна, Айя и Юлдуза, и сказалъ имъ: „я теперь нахожусь въ чужомъ юртѣ, дѣлъ у меня много, отправиться на охоту я не могу; но я слышалъ, что на восточной сторонѣ, въ такой-то пустынѣ, много дичи: вы съ своими нугерами туда отправьтесь, поохотившись, возвращайтесь!“ Послѣ того онъ призвалъ трехъ меньшихъ своихъ сыновъ, Кюка, Тага и Тингиза, и, сказавъ имъ тоже, что говорилъ старшимъ ихъ братьямъ, послалъ ихъ въ западную сторону. Черезъ нѣсколько дней три старшіе его сына принесли предъ хана много дичи и вмѣстѣ золотой лукъ, а три младшихъ сына принесли къ хану много пойманныхъ звѣрей и вмѣстѣ три золотыя стрѣлы. Вдобавокъ къ мясу пойманныхъ звѣрей приказавъ изготовить разныхъ кушанiй, онъ созвалъ на пиръ народъ; гадалъ о найденныхъ лукахъ и стрѣлахъ и обратно отдалъ ихъ дѣтямъ. Три старшіе сына его, переломивъ лукъ, разцѣлили его между собою; а каждый изъ трехъ младшихъ сыновъ его взялъ по стрѣлѣ. Проживши много лѣтъ въ завоеванныхъ странахъ, Угузъ-ханъ уничтожилъ враговъ, облагодетворилъ друзей, и во всѣхъ областяхъ, которыхъ голова Сирамъ, а ноги Египеть, поставивъ правителей, возвратился въ свой юртъ.

Пиръ, данный Угузъ-ханомъ.

Угузъ-ханъ, радуясь, что онъ съ своими дѣтьми и народомъ совершилъ походъ здраво и благополучно, сдѣлалъ приготовленiя къ большому пирамъ. Для того велѣлъ построить дворецъ, обложить золотомъ концы всѣхъ деревьевъ, украсить ихъ рубинами, яхонтами, изумрудами, бирюзой и жемчугомъ. Въ описанiи этого зданiя заключаются стихи:

Домъ воздвигнулъ изъ злата Великій Властитель,
Домъ, красотою равный небеснымъ чертогамъ.

Къ пиру онъ велѣлъ заколотъ девятьсотъ лошадей и девять тысячъ овецъ; велѣлъ сдѣлать изъ сафьяна девяносто девять сосудовъ; девять изъ нихъ велѣлъ наполнить виномъ, а девяносто кумызомъ, и созвалъ всѣхъ своихъ нукеровъ.

Угузь-ханъ шести сыновьямъ своимъ, давъ умные совѣты и сдѣлавъ мудрыя наставленія, роздалъ области, города, села и стада. Это высказано въ слѣдующихъ стихахъ:

Угузь на пиру показалъ свою щедрость
Любовь изъявилъ онъ къ шести сыновьямъ,
За то, что они, помогая отцу,
И храбрость и умъ въ дѣлахъ показали,
Усердно ему помогали
И въ битвахъ дѣлили труды.

Послѣ того онъ роздалъ своимъ нукерамъ города, области, селенія соразмѣрно заслугѣ каждого; оказанной въ управленіи, въ военныхъ походахъ. А сыновьямъ своимъ сказаль: „вы, три старшіе брата, нашли золотой лукъ и, изломавъ его, раздѣлили между собою: пусть ваше имя будетъ Бузукъ. Ваши дѣти и потомство будутъ называться также Бузукъ отъ сего дня и до кончины міра. Три младшіе сына, нашедшіе три золотыя стрѣлы, пусть называются Учъ-уць. Потомкамъ, отъ нихъ происшедшимъ, будетъ имя Учъ-уць, отнынь и до кончины міра. Находка вами лука и стрѣлъ совершилась не по человѣческому устроению, но по Божію. Прежде насъ умершіе люди царя уподобляли луку, а себя стрѣламъ, потому что изъ натянутаго лука въ которую сторону пущена будетъ стрѣла, туда она и летитъ. Послѣ моей смерти на престолъ мой долженъ возсѣсть Кюнь-ханъ. Послѣ него изъ рода Бузука кто будетъ способенъ къ царствованію, того народъ пусть и ставитъ царемъ; до скончанія вѣка лучшей изъ Бузуковъ да избирается въ цари. Прочіе

изъ нихъ пусть садятся при ханѣ на правой сторонѣ; а Учъ-уки пусть садятся на лѣвой сторонѣ, до скончанія міра усердно служа первымъ“.—Угузь-ханъ, царствовавъ сто шестнадцать лѣтъ, отошелъ къ милосердію Божію.

Царствованіе Кюнь-хана, старшаго сына Угузь-ханова.

Въ поколѣніи Уйгуровъ, какъ его назвалъ Угузь-ханъ, у одного бѣлобородаго старца былъ сынъ по имени Иркиль-ходжа: онъ былъ везиремъ и повѣреннымъ Угузь-хана, во все время его царствованія, человекъ умный, разсудительный и много знающій. Кюнь-ханъ также его поставилъ везиремъ и до своей смерти поступалъ по его совѣтамъ. Иркиль-ходжа жилъ очень долго. Однажды, когда ханъ былъ одинъ, онъ сказалъ ему: отецъ твой въ продолженіе ста шестнадцати лѣтъ, въ зной лѣтній не сидѣлъ въ тѣни шатра, въ холодъ зимній не скрывался въ дому, но мечемъ завоевалъ много государствъ и оставилъ ихъ вамъ шестерымъ. Если вы шестеро и всѣ ваши дѣти будете жить согласно между собою, то на долгія лѣта и многіе дни владѣнія ваши не отойдутъ отъ власти вашей. Но если вы не будете согласны между собою, то отъ васъ отойдутъ и приобрѣтенныя вами и родовыя владѣнія, погибнетъ и недвижимое и движимое имѣніе. Кюнь-ханъ сказалъ: вы отцу моему были всегда совѣтникомъ; теперь вы какое дѣло ни одобрите мнѣ, оставшемуся безъ отца, я его исполню. Иркиль-ходжа сказалъ: послѣ Угузь-хана осталось много государствъ, городовъ, областей, недвижимаго и движимаго имѣнія; а у васъ шести братьевъ по четыре сына, и всѣхъ двадцать четыре царевича. Опасаюсь, чтобы, при множествѣ лицъ царскаго дома (я не разумѣю здѣсь васъ шестерыхъ), не рушилось взаимное ваше согласіе изъ мірскихъ выгодъ.

Злато, имѣнье, одежда, стада
Пусть отмѣчаются знакомъ у васъ:
Будеть у каждаго свой знакъ—тамга.
Эти тамги замѣнять имена и прованья.
Всякій, по нимъ зная долю свою,
Руку удержитъ отъ похищенья чужого.
Каждый, кто родъ свой отъ васъ поведетъ,
Пусть поступаетъ по силѣ устава сего.
Выслушавъ слово Иркия-холжи,
Кюнь одобрилъ совѣтъ разумнаго старца.

Кюнь-ханъ, благосклонно принявъ совѣтъ Иркия-ходжи, созвалъ большой курултай. Когда собрались на него всѣ, и сановники и простолюдины, онъ роздалъ царевичамъ оставшееся послѣ Угузь-хана богатство, владѣнія, области, движимое и недвижимое имѣние, соотвѣтственно праву каждаго изъ царевичей—большимъ по большой долѣ, меньшимъ по меньшей долѣ. Эти двадцать четыре сына были отъ законныхъ женъ, но кромѣ ихъ были сыновья отъ наложницъ: онъ также имъ далъ части соотвѣтственно ихъ достоинству.

Послѣ того онъ велѣлъ убрать золотой домъ, который выстроенъ былъ по повелѣнію Угуза: велѣлъ поставить на правой сторонѣ шесть бѣлыхъ шатровъ, и на лѣвой сторонѣ шесть бѣлыхъ шатровъ; также велѣлъ поставить на правой сторонѣ дерево въ сорокъ сажень, и къ вершинѣ его прикрѣпили золотой значекъ, и на лѣвой сторонѣ велѣлъ поставить дерево въ сорокъ сажень, къ вершинѣ котораго прикрѣпили серебряный значекъ. Потомъ, по ханскому распоряженію, Бузуковичи съ своими нукерами, скача на коняхъ, стрѣляли въ золотые значки, и попадавшимъ въ нихъ ханъ давалъ награды; Учуквичи съ своими нукерами, скача на коняхъ, стрѣляли въ серебряные значки и попадавшимъ въ цѣль онъ давалъ большія награды. Кюнь-ханъ, подражая отцу своему, велѣлъ заколоть девятьсотъ коней и девять тысячъ

овець, налить вина въ девять сафьянныхъ сосудовъ и въ девяносто сафьянныхъ сосудовъ кумыза. Сорокъ сутокъ пировали и веселились.

Имена сыновъ и внуковъ Угузъ-хановыхъ.

У Угузъ-хана было шесть сыновъ: старшему изъ нихъ имя Кюнь-ханъ, второму Ай-ханъ, третьему Юлдузъ-ханъ, четвертому Кюкъ-ханъ, пятому Тагъ-ханъ, шестому Тингизъ-ханъ. У каждаго изъ нихъ было по четыре сына: одни изъ нихъ родились отъ законныхъ женъ, другіе отъ наложницъ; ихъ здѣсь мы перескажемъ.

У Кюнь-хана четыре сына: первый Калы, второй Баятъ, третій Алка-уйлы, четвертый Кара-уйлы.

У Ай-хана четыре сына: первый Язиръ, второй Ябиръ, третій Дудурга, четвертый Дуверъ.

У Юлдузъ-хана четыре сына: первый Ушаръ, второй Курнузъ, третій Бегдали, четвертый Карвинъ.

У Кюкъ-хана четыре сына: первый Баяндуръ, второй Бачина, третій Джаулдуръ, четвертый Чени.

У Тагъ-хана четыре сына: первый Салуръ, второй Аймуръ, третій Алаюнъ-атлы (Ала-ювтли), четвертый Узгаръ.

У Тингизъ-хана четыре сына: первый Икдуръ, второй Бекдузъ, третій Ава, четвертый Кыныкъ.

У каждаго изъ шести сыновъ Угузъ-хановыхъ было еще, сверхъ поименованныхъ, по четыре сына, рожденных отъ наложницъ; вотъ имена ихъ, только неизвѣстно, кто изъ нихъ чей былъ сынъ: Кене, Кюне, Турбатлы, Герайлы, Султанлы, Оклы, Кюкли, Сючлы, Герасанлы, Юрунчи, Джамчи, Турумчи, Кой, Сюркы, котораго въ нынѣшнее время называютъ Сюрхи, Курчивъ, Сяварчикъ, Карачикъ, Казгуртъ, Киргизъ, Тагинъ, Лала, Мурда, Шуй, Саиръ.

Значеніе именъ двадцати четырехъ внуковъ Угузъ-хановыхъ: Колы значитъ вѣрчивый; Баятъ значитъ счастливый;

Ала-уйлы значить пріятный; Кара-уйлы значить жителя на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только будетъ жить; Язиръ значить господинъ народовъ; Ябиръ значить низлагающій все встрѣчающееся; Дудурга значить завоеватель и хранитель владѣнія; Дужеръ значить круглый; Ушаръ значить быстро дѣлающій; Курнукъ значить старшій; Бекдали значить обильный благами; Каркынъ значить дѣятельный; Баяндуръ значить счастливый; Бачина значить старательный; Джаулдуръ значить знаменитый; Чени значить герой; Салуръ значить имѣющій мечъ; Аймуръ значить величайшій богачъ; Алаюнъ-атлы значить имѣющій пѣгаго коня; Узгиръ—совершитель прекрасныхъ дѣлъ; Икдуръ значить великій; Бекдузъ значить услужливый; Ава значить высовостепенный; Кыныкъ значить славный.

Кюнъ-ханъ царствовалъ семьдесятъ лѣтъ; отходя къ милосердому Богу, онъ возвелъ на свое мѣсто своего брата Ай-хана.

Царствованіе Ай-хана.

Ай-ханъ былъ человекъ прекрасный, умный, твердый, образованный; онъ, руководствуясь совѣтами своего отца и старшаго брата, въ продолженіе многихъ лѣтъ шель путемъ, который проложенъ былъ отцемъ его и наконецъ отошелъ къ милосердію Божію.

Юлдузъ-ханъ.

Онъ былъ также прекрасный государь, но мы навѣрно не знаемъ, въ какомъ родственномъ отношеніи былъ онъ къ Ай-хану: внукъ-ли или побочный братъ ему. У Ай-хана былъ младшій братъ, по имени Юлдузъ, но не этотъ ханъ: кто бы онъ ни былъ, только онъ былъ изъ рода Угузъ-ханова. Царствовалъ нѣсколько лѣтъ, онъ назначилъ на престолъ послѣ себя своего сына Менгли и потомъ умеръ.

Менгли-ханъ.

Менгли-ханъ былъ также прекрасный государь; онъ нѣсколько лѣтъ также ѣлъ мясо, пилъ кумызъ, ходилъ въ одеждѣ изъ бѣлыхъ горностаевъ и черныхъ соболей; обнималъ прелестныхъ какъ луна и солнце; ѣздилъ на рысакахъ, бѣгучихъ какъ ртуть, быстрыхъ какъ вѣтеръ, леталъ, куда влекло сердце его, и ушелъ въ другой мѣръ, посадивъ на своемъ мѣстѣ сына Тингизъ-хана.

Тингизъ-ханъ.

Тингизъ-ханъ также много лѣтъ царствовалъ; онъ жилъ долго; состарившись, поручилъ царство сыну своему Иль-хану и, нѣсколько лѣтъ послуживъ Богу, умеръ.

(Взаимная вражда Монголовъ и Татаръ). Иль-ханъ.

Иль-ханъ былъ государемъ Монгольскаго народа. Прежде мы говорили, что девятымъ ханомъ Татарскимъ былъ Сююнучъ-ханъ: Иль-ханъ и Сююнучъ-ханъ были современники. Между ними происходили непрестанныя битвы и грабительскіе набѣги. Иль-ханъ оставался побѣдителемъ, потому Сююнучъ-ханъ, отправивъ посла, съ большими подарками, къ Киргизскому хану и обѣщавъ еще большія вполнѣдствіи, склонилъ его къ союзу съ собою. Страны Татаръ были многолюдны; жителей въ нихъ было болѣе, нежели во всѣхъ Монгольскихъ повожденіяхъ, но какъ одинъ родъ непрестанно съ другимъ велъ междуусобныя битвы, то Монголы ихъ преодолевали; въ Тюрескихъ волостяхъ не было ни одной, гдѣ бы не раздавался голосъ Монгола, куда не доставала бы рука его, потому всѣ волости стонали отъ Монгольскихъ притѣсненій. Сююнучъ-ханъ, подружившись съ Киргизскимъ ханомъ, разослалъ

по всѣмъ волостямъ пословъ съ приказаніемъ, чтобы на помощь ему народъ въ такой-то день собрался на известномъ мѣстѣ, дабы отомстить Монголамъ за зло, ими сдѣланное. Жители означенныхъ странъ, собравшись въ одно мѣсто, пошли на Монголовъ. Монголы, собравъ въ одно мѣсто свои кибитки и имѣніе, окопали кибитки рвомъ. Сююнучь-ханъ напалъ на нихъ и, въ продолженіе десяти дней, вступалъ въ битвы съ ними, но каждый день Монголы одолѣвали. Въ одинъ день ханы и беки, подъ начальствомъ Сююнучь-хана, въ потаенномъ мѣстѣ составили общій совѣтъ и говорили: сколько мы ни ухитряемся противъ Монголовъ, но дѣла наши идутъ худо. Потому на слѣдующее утро они привели въ исполненіе слѣдующую придуманную хитрость: войско ихъ, какъ бы ослабленное битвами, обратилось въ бѣгство, бросило тяжести и худшее имѣніе, и стало удаляться; Монголы, не зная, что ихъ заманиваютъ въ битву, пустились ихъ преслѣдовать и настигли ихъ; Татары, увидѣвши Монголовъ, воротились, стали въ боевой порядокъ, сразились, побѣдили и совершенно истребили Монголовъ. Какъ кибитки Монголовъ были всѣ собраны въ одно мѣсто, то Татары захватили ихъ со всѣмъ богатствомъ, такъ что ничего не было спасено: всѣ большіе изъ плѣнниковъ избиты мечемъ, а молодые сдѣланы рабами; каждый взялъ по одному плѣннику; изъ Монголовъ не осталось ни человѣка, а оставшіеся въ живыхъ исправляли должность прислужниковъ, и къ какой волости принадлежалъ его господинъ, по оной и тотъ сталъ называться: однимъ словомъ, въ мірѣ не осталось ни одного Монгола.

Переходъ Кыяна и Нюгуза въ Эркене-конъ и основаніе тамъ юрта.

Когда Сююнучь истребилъ Монголовъ, дѣти Иль-хана, которыхъ было много, всѣ погибли въ битвахъ. У Иль-хана былъ младшій сынъ по имени Кыянь, въ тотъ годъ онъ его

женить; у младшаго брата Иль-ханова былъ сынъ, по имени Ньюгузъ, однихъ лѣтъ съ Кыяномъ, также въ томъ году женился. Оба они попали въ руки людей изъ одного коша. По прошествіи десяти дней, ночью они оба съ своими женами сѣли на коней и бѣжали и пріѣхали въ свой юртъ. По прибытіи въ юртъ, они нашли въ немъ болѣе, нежели четвертую часть разнаго скота, и совѣтуясь, между собою, говорили: если мы войдемъ въ сношеніе съ жителями, то они на всѣхъ четырехъ сторонахъ будутъ намъ врагами; если мы, не выходя никуда, останемся въ своемъ юртѣ, то намъ нельзя будетъ не встрѣтиться съ вѣтмъ-нибудъ, на дорогѣ-ли, на мѣстѣ-ли; такъ лучше того и другого сдѣлаемъ, если въ горахъ отыщемъ себѣ такое мѣсто, куда никому нѣтъ дороги. И такъ они, взявши свой скотъ, пошли въ горы; среди горныхъ утесовъ пробираясь по дорогѣ, пробитой горными баранами, поднялись на гору и стали на верхнемъ уступѣ ея. Осмотрѣвшись хорошенько вокругъ себя, они увидѣли, что туда не было другой дороги кромѣ той, по которой пришли они: дорога эта была такова, что верблюды или конь съ большимъ трудомъ могъ проходить по ней, и, при одномъ невѣрномъ шагѣ, могъ пасть и разбиться. Посреди же горъ была безпредѣльная площадь, гдѣ текли рѣчки и ручьи, было много разныхъ плодовыхъ деревьевъ, разнообразныя виды травъ. Поселившись въ этой землѣ, они воздали благодареніе Богу. Зимомъ они питались мясомъ стада своихъ, весною пили молоко ихъ, изъ кожъ ихъ дѣлали одежду. Это мѣсто называли они Эркене-конъ. Эркене значитъ горная цѣпь, а конъ значитъ острый. Въ горахъ былъ снѣгъ.

У обоихъ ихъ было много дѣтей и большія семейства: у Кыяна было больше дѣтей, у Ньюгуза меньше. Кыяновъ родъ называли Кыяты; Ньюгузовъ родъ носилъ два имени: нѣкоторыхъ изъ нихъ называли Ньюгузъ, другихъ Дурлигинъ. Кыянъ значитъ потокъ, который съ силою стремится изъ горы внизъ. Иль-хановъ сынъ былъ человекъ сильный, быстрый,

потому его назвали Кыяномъ. Кыять есть множественное число слова Кыянь. Дѣти этихъ двухъ человѣкъ много лѣтъ жили въ Эркене-конѣ; ладонь ихъ расширилась, бока ихъ раздались: каждое семейство сдѣлалось особливимъ аймагомъ и носило имя своего родоначальника; если Богъ позволить, мы будемъ говорить о всѣхъ ихъ. Аймакъ значитъ кость; тюркского народа люди, спрашивая кого нибудь, говорятъ: изъ какого ты аймака? т. е. изъ какой ты кости (рода)?

Болѣе четырехсотъ лѣтъ они жили въ Эркене-конѣ, стада скота ихъ такъ размножились, что имъ стало тѣсно. Потому они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, сѣли и совѣтовались между собою. Тутъ они говорили: отъ отцевъ нашихъ мы слышали, что вѣ Эркене-кона есть обширныя земли и хорошия сельбища, которыя прежде были нашими юртами; Татары, съ другими поколѣніями, истребивъ наши роды, завладѣли нашими юртами. Слава Богу, въ настоящее время наши головы не таковы, чтобы намъ, боясь враговъ, прятаться въ горахъ. Поищемъ дороги изъ-среды горы и перейдемъ отсюда: кто захочетъ быть другомъ нашимъ, съ тѣмъ и мы будемъ въ ладу, а съ врагами будемъ бороться. Всѣ они, считая эти слова разумными, стали искать дороги для выхода, но не находили ея. Тутъ одинъ кузнецъ сказалъ: въ тавомъ-то мѣстѣ есть желѣзная руда: гора измѣнится въ долину, если въ ней растопить желѣзо. Они пошли, осмотрѣли мѣсто и согласились на умное мнѣніе кузнеца. На плечахъ наносили дровъ и углей и на широтѣ горы положили слой дровъ и слой угольевъ, завалили ими вершину горы, и уступы боковъ ея, и скаты ея, и, сдѣлавъ изъ кожъ семьдесятъ мѣховъ, на семидесяти мѣстахъ поставили ихъ и стали сильно дуть. Когда всемогуществомъ Божиимъ огонь возгорѣлся, гора расплавилась и растекла, отерлась дорога такая, что могъ пройти навьюченный верблюдъ. Нѣсколько дней и ночей они выбирались изъ горъ. Съ этого времени у Монголовъ вошло въ обычай праздновать этотъ день и власть въ огонь кусокъ же-

лѣза и его раскалывать. Прежде ханъ, взявъ клещами желѣзо, кладетъ его на наковальню, ударяетъ по нему молотомъ, и потомъ князья его. Этотъ день много почитаютъ какъ день въ который они, вышедши изъ тѣсины, возвратились въ юртъ праотцовскій. Въ то время государемъ Монголовъ былъ Бурте-чино, изъ рода Кыянова, изъ поколѣнія Курласъ. Онъ во всѣ области разослалъ пословъ съ извѣстіемъ о выходѣ своемъ изъ Эркене-кона. Нѣкоторыя изъ нихъ явились къ нимъ дружелюбными, другія враждебными. Татары стали съ ними во враждебныя отношенія. Оба эти народа, Татары и Монголы составили ополченія и вступили въ битву; Монголы, одержавши побѣду надъ Татарами, взрослыхъ изъ нихъ истребили мечемъ, малолѣтнихъ сдѣлали рабами. Такъ чрезъ четыреста пятьдесятъ лѣтъ Монголы отомстили за кровь свою и за имѣніе свое и стали жить въ юртѣ пращуровъ. Изъ Тюркскихъ поколѣній, живущихъ на сихъ мѣстахъ, не было ни одного многочисленнѣе и многолюднѣе Татаръ; Монголы, возвратившись изъ Эркене-кона, поразили Татаръ и, занявши отцовскія земли, стали господствовать во всѣхъ Татарскихъ областяхъ. Татары нѣкоторыхъ областей, отдавшись подъ защиту Монголовъ, хотя не омонголились, но, соединившись съ Монголами, сами себя называли также Монголами.

Перечень Тюркскихъ и Монгольскихъ поколѣній.

Исторію Монгольскихъ и Тюркскихъ поколѣній, ихъ происхожденіе, имена и прозванія описалъ Ходжа-Рашидъ Казвини. Онъ говоритъ: „изъ династіи государей рода Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ Иранѣ, первый принялъ мохаммеданскую вѣру Газанъ- да будетъ надъ нимъ милость Божія! — сынъ Аргуна, сына Абака - хана, сына Гулагу-хана, сына Тулы - хана, сына Чингизъ - ханова. Сдѣлавшись государемъ и избравъ себѣ мѣсто въ подножіе трона, онъ призвалъ меня предъ лице своей благосклонности

и сдѣлалъ везиремъ, вручивъ мнѣ управление всѣмъ Иранскимъ царствомъ. По прошествіи одного года, онъ въ одно время призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „слава Богу, мы сдѣлались мусульманниномъ! Со времени прибытія сюда изъ Монголіи моего дѣда, Гулагу-хана, прошло два или три рода; Монголы, которые послѣ насъ родятся, забудутъ языкъ, слова, земли, области, поколѣнія свои и не будутъ знать. Племя въ Монголіи много, нѣкоторые изъ нихъ отъ Монгольской кости, нѣкоторые не Монголы. Все это ты узнай и опиши“. Когда онъ далъ это повелѣніе, я сказалъ: одному одно дѣло сдѣлать можно, но вы возлагаете на меня большой трудъ. Ханъ сказалъ: „кромѣ тебя никто не можетъ исполнить это дѣло. У насъ есть книги, написанныя на монгольскомъ языкѣ: есть люди, помнящіе происшествія, которыя не описаны“. Потому во мнѣ представили до шести человекъ изъ Монголовъ, знающихъ древній монгольскій языкъ. При ханѣ также былъ высшій сановникъ, бекъ, по имени Буладъ, прозывавшійся Чингсангъ. „Лучше тебя, сказалъ ему ханъ, въ настоящее время никто не знаетъ первоначальныхъ событій въ Монгольскомъ племени; также ты знаешь Монгольскій языкъ и читаешь книги на ономъ“, и ханъ далъ повелѣніе, чтобы Буладъ Чингсангъ Бегадиръ былъ начальникомъ этого комитета. Тогда былъ семьсотъ второй годъ хиджры (1302 Р. Х.). Написавъ лѣтопись, я назвалъ ее „Историческимъ сборникомъ“. Эта исторія теперь предо мною убогимъ. Кромѣ ея, у меня подъ рукою семнадцать историческихъ сочиненій о Чингизѣ, о которыхъ я говорилъ еще въ началѣ моего сочиненія; по нимъ я составляю это сочиненіе. Такъ называемые писцы, люди съ небольшимъ образованіемъ и смысломъ, составляя рукописи этихъ книгъ (въ продолженіе трехсотъ семидесяти двухъ годовъ послѣ Рашидъ-эд-дина, было написано навѣрно до двадцати или тридцати экземпляровъ его творенія), въ каждой новой рукописи исказили многія слова; во всякой лѣтописи третью часть или половину испортили.

Въ лѣтописяхъ наименованія горъ, рѣкъ, мѣстъ, имена лицъ на Монгольскомъ и Тюркскомъ языкѣ; писцы, переписывавшіе тѣ сочиненія, будучи Персіянами или Таджикими, не знали ни Монгольскаго, ни Тюркскаго языка. Какого-нибудь Таджики если двѣй десять учить выговаривать имена Монгольскія, онъ не выучится, то какъ онъ напишетъ ихъ? Меня убогаго Всевышній Господь въ такой мѣрѣ надѣлилъ знаніемъ языковъ Тюркскаго и Персидскаго, ихъ нарѣчій и терминовъ съ условными значеніями, что въ нынѣшнее время между Тюрками и Таджикими не найдется человѣка, которому бы дано было столько, сколько мнѣ; сверхъ того, по нѣкоторымъ дѣламъ, я отпраплялся въ Калмыкамъ, прожилъ тамъ годъ, хорошо изучилъ языкъ, обычаи и техническія слова Монгольскіе. Эту лѣтопись я изложилъ на Тюркскомъ языкѣ, дабы ее знали всѣ, хорошіе и плохіе изъ людей. Притомъ по тюркски я такъ излагалъ, что и пятилѣтній ребенокъ можетъ понимать меня; чтобы быть яснымъ, я не примѣшивалъ словъ изъ нарѣчій Тюркско-Джагатайскаго, изъ языковъ Персидскаго и Арабскаго. У меня на сердцѣ есть желаніе изложить эту книгу на Персидскомъ языкѣ, если позволить это Богъ и не придетъ за мной ангелъ смерти. Но обратимся къ историческому разсказу, отъ котораго я уклонился, говоря такъ много о себѣ, и во-первыхъ перескажемъ то, что знаемъ о племенахъ не-Монгольскихъ; потомъ, если Богъ благоизволитъ, будемъ говорить о Монголахъ.

Тюркскія поколѣнія.

Въ исторіи объ Угузъ-ханѣ мы сказали, что въ землѣ Тюркскаго племени находится пять поколѣній, носящихъ общее имя Тюрковъ: Уйгуры, Кангли, Кипчаки, Каль-ачъ, Карлукъ.

Дѣти Угуза, не отдѣляясь отъ Тюркмановъ, занимали Мавераннегръ и Хорасанъ.

Кипчаки.

Кипчаки жили между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ.

Кангли.

Кангли жили вмѣстѣ съ Тюрманами; перешедши въ область Тюрмановъ, они поселились на берегахъ Иссыккюля, Джулы и Телаша, здѣсь жили много лѣтъ. Одинъ изъ государей Ургенча, Тукушъ-ханъ взялъ за себя дочь одного Канглийскаго вельможи, которой имя было Тюркянъ. Отъ нея родился Султанъ-Мохаммедъ, харезмскій шахъ. Султанъ Мохаммедъ былъ великій государь. Владѣнія его простирались съ одной стороны до Индостана, съ другой до Андеджана и Туркестана, на третьей сторонѣ до Арабистана, на четвертой до Рума; столицею его былъ Ургенчъ. Изъ Канглийскаго народа всѣ, бывшіе въ близкомъ родствѣ съ его супругою, переходили на службу Султана, принимали мусульманскую вѣру и получали должности. Старшій родной братъ государыни Тюркяни, по имени Хаммаръ-тегинъ, перешелъ на службу Султану, сдѣлался мусульманиномъ: Султанъ далъ ему должность Даруги въ Ургенчѣ. Сынъ младшаго брата Тюркянина отца, Инальчикъ, перешедъ къ Султану, принялъ мусульманство, и Султанъ пожаловалъ ему область Туркестанскую, гдѣ онъ и былъ правителемъ. Съ этого дня, говорилъ ему Султанъ, тебя никто не долженъ звать Инальчикомъ; но да назовутъ Гаиръ-ханомъ. Когда изъ Канглиевъ одинъ прекрасный человекъ, по имени Кюкъ, пришелъ къ Султану, онъ, назвавъ его Кюкъ-ханомъ, отдалъ ему Бухару. Всѣхъ Канглиевъ, перешедшихъ къ Султанъ-Мохаммеду, харезмскому шаху, и сдѣлавшихся слугами его, было до шестидесяти тысячъ. Въ Джудѣ и Телашѣ осталось ихъ также до десяти тысячъ семействъ. Чингизъ-Ханъ, во время нашествія на Телашъ, всѣхъ жившихъ тамъ Канглиевъ захватилъ и

истребилъ всѣ юрты. Канглиевъ нынѣ уже нѣтъ, какъ и народа того, который составлялъ царство Харезмское. Слитавшіеся въ этомъ царствѣ Канглии, въ послѣдующее время, соединились между собою и представляютъ въ себѣ остатокъ преждебывшаго поколѣнія.

Поколѣніе Карлыкъ.

Карлыки, основавши свое жительство въ высокихъ горахъ Монголіи, занимались земледѣліемъ; у нихъ было также и скотоводство; поставивъ одного лучшаго изъ среды себя человѣка государемъ себѣ, по смерти его они опять избирали кого-нибудь. Ихъ было не много: въ лучшее время ихъ считалось до двухъ тысячъ семействъ. Около четырехъ тысячъ лѣтъ они жили въ этомъ обиталищѣ, до того времени, какъ Чингизъ-ханъ, сдѣлавшись государемъ Монголіи и подчинивъ своей власти другіе народы, послалъ къ Карлыкамъ Барласъ Кублай Нойяна съ требованіемъ покорности ему. Въ то время государемъ Карлыкскимъ былъ Арсланъ-ханъ. Онъ вмѣстѣ съ Кублай Нойяномъ отправился къ Чингизъ-хану съ большими дарами, въ главѣ которыхъ ставилъ свою дочь. Представясь хану, онъ поклялся до своей смерти преклонять свою выю къ служенію хану, который также одну изъ дочерей своего семейства выдалъ за него и, обѣщавъ ему свою защиту и покровительство, позволилъ ему возвратиться въ свою землю. Тутъ Чингизъ-ханъ, обративши взоръ къ своимъ бекамъ, сказалъ: „ему ли называться Арсланъ-Ханомъ? Отнынѣ должно называть его Арсланъ - Сиракъ“. Монголы на своемъ языкѣ Сиракомъ называютъ Таджики.

Поколѣніе Уйгуръ.

Слово *уйгуръ* значитъ *союзникъ*. Такъ говорятъ: молоко сѣлось, сютъ уйюди; когда молоко сдѣлалось айраномъ, то часъ

ти его отдѣлены одна отъ другой; когда же ссѣдаются, *уйю-занъ*, сливки, сметана, тогда части его не отдѣляются одна отъ другой: потому уйюди тоже значить, что присталь одинъ къ другому, соединился, былъ въ союзѣ. Также говорятъ: въ молитвѣ я присоединился къ имаму, *имамта уйюдымъ*, т. е. когда имамъ садится, то и совершающій съ нимъ молитву садится; когда онъ встаетъ, то и этотъ встаетъ: потому это есть союзъ между ними.

Сказываютъ, что въ Монголіи есть двѣ горы, весьма высокія, которыя тянутся отъ востока къ западу, одна изъ нихъ зовется Тукрату-Бузлукъ, другая. Ускунлукъ-Тиврамъ. Между сими двумя горами, въ западной сторонѣ Монголіи, еще лежитъ гора Кутъ-тагъ. Среди этихъ горъ протекаетъ въ одномъ мѣстѣ десять рѣкъ, въ другомъ девять: всѣ онѣ большія рѣки. На этихъ рѣкахъ были жилища древнихъ Уйгуровъ; жившіе на десяти рѣкахъ назывались Унь-Уйгуръ; жившихъ при девяти рѣкахъ звали Тукузь-Уйгуръ. У нихъ было много городовъ, деревень и пахотныхъ земель: ихъ всѣхъ было сто двадцать волостей. Но какъ они не избирали себѣ государя, чтобы подчиниться его велѣніямъ, то пришли въ разстроенное состояніе. Однажды всѣ они, составивъ сеймъ, на общемъ совѣтѣ постановили: „Насъ двѣ отдѣльныя области; пусть каждая выберетъ себѣ начальника. Кто не будетъ повиноваться его слову, у того онъ пусть отберетъ имѣніе и наважетъ его смертью“. Посему Унь-Уйгуры поставили въ своей волости начальникомъ Мингу-таія, давъ ему титулъ Иль-ильтырь; Тукузь-Уйгуры избрали для своей волости своего начальника, назвавъ его Кюль-иркинъ. Дѣти ихъ были правителями около ста лѣтъ. Съ того времени Уйгура, который былъ правителемъ въ Унь-Уйгурахъ, называли Иль-ильтыромъ; а того, который былъ правителемъ у Тукузь-Уйгуровъ, Кюль-Иркиномъ: такъ они называли своихъ правителей въ продолженіе многихъ лѣтъ, а послѣ всякаго начальника называли Иди-кутомъ. Значеніе слова *иди* всякому извѣстно:

оно значитъ пустыль, даль, какъ говорятъ: опусти вѣтку, *итъ ий*; корова молока не держитъ, *смиръ иди*. А словомъ *кутъ* тюркскіе народы называютъ жизнь, счастье; они говорятъ кому-либо: конь твой или одежда твоя да послужитъ къ счастью твоему, къ жизни твоей—„кутлы булсынъ“. Если ея хозяинъ не будетъ живъ, то какъ она послужитъ къ его благополучію? Такъ *иди-кутъ* значитъ посылающій жизнь всему народу. Около трехъ тысячъ лѣтъ Уйгуры жили въ ономъ мѣстѣ; послѣ того они пришли въ разстройство, будучи уведены въ плѣнъ и въ рабство. Нѣкоторые изъ нихъ остались на мѣстѣ жительства; другіе перешли на берега Иртыша, раздѣлившись здѣсь на три общины. Одна изъ этихъ общинъ пришла къ городу Бишъ-балыку и, занявшись земледѣліемъ, составила здѣсь хорошо устроенную державу; другая, разводя коней и овецъ, вела кочевую и частію осѣдную жизнь вблизи Бишъ-балыка; третья община, при верховьѣ Иртыша, не занимаясь ни сколько скотоводствомъ, ловила рыбу, бобровъ, соболей, куницъ, бѣлокъ, употребляя ихъ мясо въ пищу, а шкуры на одежду себѣ; хорошихъ нарядовъ, шелковыхъ, бумажныхъ, они не видали на своемъ вѣку. У нихъ матери, вляня своихъ дочерей, говорили: угодишь бы тебѣ за пастуха, у котораго лошади и овцы! станешь ѣсть мясо, пить кумызъ—злые дни выпадутъ на твою головушку! При Чингизъ-ханѣ у нихъ Иди-кутомъ былъ Баурчикъ: онъ, чрезъ посла къ Чингизъ-хану, изъявилъ ему свою покорность и каждый годъ отправлялъ къ нему дары. Когда Чингизъ-ханъ былъ въ походѣ на Мавераннегръ, Иди-кутъ Баурчикъ выступилъ къ нему съ своимъ войскомъ, и, соединившись съ нимъ на дорогѣ, оказалъ ему большую услугу. Между Уйгурами много было знающихъ Тюркскій языкъ и грамоту, хорошо разумѣющихъ должности дефтердарей и счетную часть въ диванахъ. При внукахъ Чингизъ-хановыхъ въ Мавераннегрѣ, Хорасанѣ и Иракѣ всѣ чиновники дивановъ и дефтердари были изъ Уйгуровъ. Въ областяхъ Китая дѣти Чингизъ-хана ставили

лъ диваны и въ дефтердарей также Уйгуровъ. Огдай-ханъ, заступившій мѣсто отца своего Чингизъ-хана, поручилъ управленіе Хорасаномъ, Мазандераномъ и Гилянмъ Уйгуру, который назывался Кюргюзъ. Онъ былъ хорошій знатокъ счѣтнаго дѣла: управлялъ сборомъ доходовъ въ тѣхъ трехъ областяхъ, онъ въ каждый годъ исправно отсылалъ ихъ къ Огдай-хану.

Поколѣніе Текринъ.

Текриновъ называютъ также Мевринами. Ихъ владѣнія, близкія къ землѣ Уйгуровъ, лежатъ посреди горъ. Не должно смѣшивать этого племени съ Монгольскимъ и Уйгурскимъ: они особый народъ. Во время Чингизъ-хана ихъ было тысяча семействъ. Ханъ отправилъ къ нимъ посла сказать: „Богъ далъ мнѣ великую державу, на четырехъ странахъ всѣ народы мнѣ покорны, а ты что дѣлаешь?“ Въ то время правителемъ Текриновъ былъ Ченанычъ; у него была дочь красавица, по имени Букай. Отправясь къ хану съ дарами, въ которыхъ самымъ лучшимъ была дочь его, онъ явился предъ него съ изъявленіемъ своей покорности. Ханъ съ своей стороны одарилъ его и, угостивъ его, отпустилъ назадъ. Ханъ, взявъ за себя эту дѣвицу, любилъ ее больше всѣхъ женъ. По смерти Чингиза, сынъ его Огдай-хаанъ взялъ ее себѣ и также любилъ больше всѣхъ своихъ женъ.

Поколѣнія Киргизъ и Кемкемчутъ.

У Угузъ-хана былъ внукъ по имени Киргизъ: Киргизы происходятъ отъ него; но въ наше время очень не много людей изъ этого рода. Монголы и другія племена, истребивъ Киргизовъ, въ огнѣ и водѣ, вступили въ землю ихъ и, оставшись тутъ жить, приняли имя Киргизовъ. Они сами знаютъ, изъ какого они рода. Киргизъ и Кемкемчутъ называются двѣ области, близкія одна къ другой: на двухъ сторонахъ ихъ текутъ

двѣ большія рѣки, одна называется Селега, другая Айхара-Муранъ; эти двѣ области называются Абирь и Сибирь. Близъ нихъ жилища Киргизскія. Киргизы своего правителя называютъ Иналь; это слово у нихъ тоже, что у Монголовъ (хаанъ) и Таджиковъ падшахъ. Въ Чингизъ-ханово время правителемъ ихъ былъ Урусъ-иналь. Чингизъ-ханъ, отправивъ къ Киргизамъ Бурю посланникомъ, требовалъ, чтобы они ему покорились. Урусъ-иналь, радушно угостивъ посла, самъ не пошелъ къ хану, но отправилъ съ нимъ хорошихъ людей съ большими дарами въ изъявленіе своего подданства. Изъ даровъ самымъ лучшимъ былъ бѣлый кречетъ съ красными ногами, посомъ и глазами.

Поколѣніе Урманъ-каты.

Жилища этого народа находятся въ большихъ лѣсахъ, потому имъ дали имя Урманъ-каты. Жилища ихъ въ смежности съ владѣніями Киргизскими; они вошли въ подданство Чингизъ-хану. Кромѣ ихъ есть еще народъ, который называется Урманъ-каты, но онъ съ первымъ не имѣетъ никакого сродства, составляя изъ себя отдѣльный народъ, составившійся частію изъ Монголовъ Нюгузъ: такъ какъ и они больше жили въ лѣсахъ, то имъ также досталось имя Урманъ-каты.

Поколѣніе Татаръ.

Имя этого народа очень извѣстно съ древнихъ временъ до нынѣшняго. Прежде было ихъ до семидесяти тысячъ семействъ, составлявшихъ много волостей. Каждый изъ нихъ говорилъ о себѣ: я изъ такой-то волости. Каждая волость занимала особливую землю; но лучшіе изъ нихъ и многочислѣннѣйшіе роды жили въ землѣ Бююрнаварѣ, близъ Китая, повиновались Китайскимъ государямъ и состояли у нихъ на службѣ, а по временамъ они возмущались противъ Китая,

такъ что государь Китайскій выслалъ противъ нихъ войско, которое, избивая ихъ и опустошая владѣнiя ихъ, опять подчиняло ихъ себѣ. Довольно многiе роды ихъ жили на берегахъ рѣки Айкара муранъ. Айкара-муранъ протекаетъ посреди Киргизскихъ владѣнiй, принимаетъ въ себя много рѣкъ и дѣлается большою рѣкою, и, протекая далѣе, вливается въ море. При устьѣ рѣкъ, на берегу моря, стоитъ большой городъ; селенiй около него много, стада и табуны пасущагося скота многочисленны. Кони тамъ крупные; у нихъ жеребенокъ по первому году такъ великъ, какъ у насъ двухгодовалый; кони всѣ пестрые, другой шерсти они не бываютъ. Этотъ городъ они называютъ Алакчинъ. Близъ него есть серебряныя рудники: у тамошнихъ жителей котлы, чашки, блюда дѣлаются всѣ изъ серебра; отсюда произошла пословица Узь-бековъ: „у него пестрый конь и домъ съ золотымъ очагомъ.“ По смерти Чингизъ-хана, страна Киргизская и всѣ окрестныя ея стороны признали надъ собою власть Тули-хана; старшая жена его, мать всѣхъ дѣтей его, Сююръ-зуктай-бики, припяла въ свои руки власть. Эта государыня отправила на корабль въ Алакчину трехъ бековъ съ тысячею человекъ, сказавъ: „подите, если можете, опустошите его, а если будете не въ состоянiи это сдѣлать, принесите извѣстiе о немъ.“ По прошествiи многого времени, три князя съ тремястами человекъ—семьсотъ изъ отряда померло—возвратились и говорили: все, что вы прежде слышали, справедливо. Мы много тамъ захватили серебра; но не умѣя вести корабль вверхъ по рѣкѣ, бросили его. Воздухъ тамъ убійственно зноенъ, а потому люди наши погибли. Въ исторiи Чингизъ-хана мы скажемъ, если Богъ позволитъ, о томъ, какъ Татары покорились Чингизъ-хану.

Поколѣнiе Ойратъ.

Большую массу текучей воды—рѣку Тюрки на своемъ языкѣ называютъ сай, Таджики рудъ-хане (малому потоку они

даютъ названіе рудъ), Арабы называютъ вади, а монголы— муранъ. На восточной сторонѣ Монголіи течетъ восемь рѣкъ, которыя Монголы называютъ осмью муранами. Всѣ тѣ рѣки вливаются въ Айкара - муранъ. Эти восемь рѣкъ называются такъ: Кюкь-муранъ, Унъ-Муранъ, Кара-усюнъ, Сябикупъ, Экри-муранъ, Акаръ-муранъ, Чаганъ-муранъ, Джурджа-муранъ. Во время Чингизъ-хана государемъ Ойратовъ былъ Кутука-бикн. У него было два сына, старшаго звали Инальджи, младшаго Туранджи. Кутука-бикн сначала явился врагомъ Чингизъ-хану, послѣ сдѣлался его данникомъ: выдавъ за него свою дочь и взявъ за себя его дочь, онъ былъ покоренъ хану.

Торгаутъ, Кури, Туласъ.

Эго названія тремъ родамъ Ойратскаго поколѣнія: каждый изъ нихъ произошелъ отъ Ойратовъ. Слово *торгаутъ* значитъ: „другая дальняя сторона“; а свою сторону (ближнюю) Монголы называютъ *селенга*: тѣ три поколѣнія жили на другой сторонѣ Селенги, потому ихъ называли Торгаутами.

Поколѣніе Туматъ.

Туматы есть также поколѣніе Ойратовъ. Они жили въ земляхъ, которыя называются Бургучинъ-Тукюмъ и которыя близки къ владѣніямъ Киргизовъ. Въ Чингизъ-ханово время у нихъ бекомъ былъ Татула-Сукаръ; онъ, явившись къ Чингизъ-хану, покорился ему.

Булгачинъ и Кирмучинъ суть два родственныя поколѣнія, которыхъ земли въ сосѣдствѣ съ Киргизскими. Они составили область владѣній Чингизъ-хановыхъ.

Толенгутъ, Урасутъ, Кусутмай—три поколѣнія состоятъ въ родствѣ между собою: у нихъ есть много врачей, которые хорошо знаютъ хирургию и умѣютъ составлять разныя лекарства. Ихъ юрты находятся въ большихъ лѣсахъ; всѣ они звѣроловы, ловятъ соболей, куницъ, горностаевъ, бѣлокъ, бобровъ, и всякаго звѣря въ поляхъ и всякую рыбу въ рѣкахъ.

Поколѣніе Найманъ.

Это древнее поколѣніе; скотоводство у него обширное. Прежняго состоянія его мы не знаемъ, только мы слышали, что у нихъ были свои государи, изъ которыхъ извѣстенъ Каръ - Кышъ. По смерти его былъ у нихъ государемъ братъ его, Инатъ. При Чингизъ-ханѣ они имѣли у себя Государя, котораго звали Таангъ-ханъ; у него былъ сынъ Кючлюкъ. Ихъ жилища находятся въ той части Монголіи, которая зовется Каракорумъ. Земледѣлія у нихъ нѣтъ.

Поколѣніе Кераитъ.

Слово Кераитъ значитъ „черный баранъ“. У одного человека было семь сыновъ, и всѣ семь были черны: ихъ въ этомъ народѣ называли Кераитъ; и тѣхъ, которые родились такими, называли Кераитами. Это древній народъ: имѣетъ обширное скотоводство; онъ стоялъ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ государей, при которыхъ не было народа сильнѣе Кераитовъ. Ихъ владѣнія были близки къ Найманскимъ; поэтому они съ Найманами непрестанно то дрались, то мирились. Знаменитымъ государемъ у Кераитовъ былъ Мергузъ. Его сынъ былъ Курчакуръ, по прозванію Буйрукъ. У этого было много сыновей. Одному изъ его сыновей имя было Тогруль, котораго Китайскіе государи прозвали Унгъ: Унгъ значитъ „царь государства.“ Этотъ Кераитъ Унгъ-ханъ воевалъ съ Чингизъ-ханомъ.

Поколѣніе Унгутъ.

Китайцы, вдоль по границѣ своего государства построивъ большую стѣну, два конца ея довели до моря. Никому нельзя уронить ея и разрушить. Для прохода каравановъ сдѣлавъ двое воротъ, придѣлали къ нимъ желѣзные затворы. Такую

стѣну Арабы называютъ сядъ, Тюркскіе народы буръ-курга. Китайцы унгу. Александръ построилъ стѣну, чтобы заградить путь народамъ Иджучъ и Маджучъ, Апуширванъ построилъ стѣну въ Шамахѣ, которую въ нынѣшнее время зовутъ Тимиръ капы „железные ворота“. Въ Китайской стѣнѣ есть ворота: Китайскіе государи договорились съ нѣсколькими общинами изъ Тюркскаго народа, если они будутъ содержать стражу у воротъ той стѣны, давать имъ въ каждый годъ, что потребно на содержаніе ихъ въ это время. Тюрки тѣ согласились на это и держали караулъ: это дѣло отправляли и сыновья и дочери. Эти охранительные отряды названы Унгутъ. Въ монгольскомъ языкѣ, изъ котораго приняло свою форму слово унгутъ, буква т показываетъ отношеніе, какое (въ арабскомъ) означается буквой и „яи писбать,“ какъ въ тюркскомъ слогъ чи, въ словахъ: урганчи—заготовщикъ палокъ, табакчи—столяръ, ишикчи—привратникъ: стѣну называютъ унгу, а людей, охраняющихъ стѣну, унгутъ, что будетъ значить „пристѣнникъ.“ При Чингизъ-ханѣ ихъ было четыре тысячи семействъ; князи ихъ называли Алакушъ-тегинъ. Чингизъ-ханъ, предъ отправленіемъ въ походъ на Китай, послалъ челоуѣка къ Алакушъ-тегину, съ требованіемъ отъ него покорности: онъ ему покорился. Когда Чингизъ-ханъ отправился въ походъ на Китай, Алакушъ-Тегинъ встрѣтилъ Чингизъ-хана, отворилъ ворота стѣны и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на Китай.

О народѣ Китай.

Китай два: одинъ изъ нихъ зовется Кара-Китай. Многія семейства Кара-китайскія почему-то взбунтовались противъ своихъ государей, и, убѣжавъ оттуда, перешли въ земли Киргизскія. Считая тамошнихъ жителей за пришельцевъ, они начали похищать скотъ у нихъ, а потому и тамъ не могли ужиться, перешли въ землю Индъ; основавши тамъ городъ, поселились въ немъ, стали воздѣлывать землю. Земля эта за-

селилась: отовсюду лишившіеся имѣнія, голодные, истомленные, бѣдные и всякаго сорта люди собирались въ этотъ городъ; народонаселеніе увеличилось до сорока тысячъ семействъ. Въ то время государь Джурчита, бывшаго большою областію, велъ войну съ государемъ Кара - Китайскимъ, Мингъ, побѣдилъ его, овладѣлъ его областію и его самого велѣлъ умертвить. У этого государя былъ высшій сановникъ бекъ, по имени Нуси-Танфъ; онъ со многими чиновниками и людьми убѣжалъ въ Киргизскую землю: это было въ пять сотъ тринадцатомъ году эры (1119 по Р. Х.). Оттуда онъ перешелъ въ Китайцамъ въ городъ Имилъ. Онъ былъ человѣкъ умный, разсудительный: проживъ тамъ до двухъ лѣтъ, онъ распространилъ свое имя и славу на все четыре стороны. Онъ былъ потомокъ Эфрасіаба. Въ городѣ Баласагунѣ былъ ханъ по имени Илекъ-Нукракъ. Этотъ городъ Монголы называютъ Гу-балыгъ: гу значить хорошій, балыкъ—городъ, потому въ переводѣ его имя—хорошій городъ. При этомъ укрѣпленномъ городѣ много было Тюрковъ, особливо Кангліевъ: они грабили и опустошали область его и дѣлали траву въ его поляхъ. Поэтому Илекъ-ханъ послалъ человѣка къ Беку, выходцу изъ Китая, приглашая его къ себѣ и обѣщая отдать въ его власть свое владѣніе. Тотъ пришелъ, сталъ владѣльцемъ страны, сдѣлалъ Илека своимъ нукеромъ и далъ повелѣніе, чтобы съ этого дня никто не пазывалъ его Илекъ-ханомъ, а называли бы его Илекомъ-туреманомъ; себѣ далъ имя Гуръ-ханъ. На языкѣ Китайскомъ гуръ значить великій государь. Послѣ этого онъ завоевалъ Андеджанъ, потомъ овладѣлъ Туркестаномъ и Ташкендомъ; отправясь въ походъ въ Самаркандъ, осадилъ его и, заставивъ жителей его заключить миръ съ обязательствомъ ежегодно доставлять ему положенное количество дани, возвратился домой. Одного изъ главныхъ бековъ своихъ, Эриза, поставивъ начальникомъ, послалъ на Ургенчъ; тотъ опустошилъ окрестность Ургенча, захватилъ въ плѣнъ жителей и осадилъ крѣ-

пость городскую. Государемъ Ургенческимъ былъ тогда Атсизъ, изъ династїи Харезмскихъ шаховъ: онъ принужденнымъ нашелся предложить ему ежегодную плату въ тысячу ешрефовъ. Эризъ, довольный симъ, возвратился домой, Атсизъ платилъ дань каждый годъ до самой смерти своей. По смерти Атсиза сдѣлался государемъ сынъ его Тукушъ и платилъ дань до самой смерти. Послѣ него сдѣлался государемъ сынъ его Султанъ Мохаммедъ: онъ пересталъ платить дань и взбунтовался. Султанъ Санджаръ Кази изъ Рума съ войсками государства отправился въ Туркестанъ, вступилъ въ битву съ Гуръ-ханомъ, государемъ Кара-Китайскимъ, но потерпѣлъ пораженіе; войско все было побито и самъ онъ скрылся въ Мервъ.

О родѣ Тургакъ.

Родовое происхожденіе его неизвѣстно: нѣкоторые изъ нихъ тюркскаго племени. Имя ихъ значить „сторожъ“. Государи, для охраненія своей особы, опредѣляютъ нѣсколько человекъ: они, находясь при ихъ двери, поочереди или стоять на стражѣ, или спать. Стоящіе на стражѣ бьютъ въ барабанъ или стучать въ двѣ палки, чтобы дать знать о врагѣ, если онъ идетъ. Изъ стражей тѣ, которые провели череду въ бодрствованіи на караулѣ, говорили спавшимъ: моя чередѣ кончилась, теперь ты тургакъ, стой на караулѣ. Поэтому хранителей государя называли тургакъ.

Монгольскія поколѣнія.

У сына Иль-ханова, Кыяна, и у сына младшаго Ильханова брата, Нюгуза, послѣ того какъ они ушли въ горы Эркене-конъ, было много сыновъ. Кыяновыхъ дѣтей называли Кыятъ, Нюгузовыхъ—Дерлигинъ. Со временемъ каждый родъ далъ себѣ особое имя, а оба имени, Кыятъ и Дерлигинъ, потерялись. Изъ поколѣнія Кыяна, изъ рода Курласъ, проис-

ходила женщина Алангова, которая безъ мужа родила троихъ сыновъ. Если Богъ поможетъ, мы объ этомъ расскажем послѣ; а здѣсь считаемъ приличнымъ сказать, что потомство этихъ трехъ сыновъ было чрезвычайно велико. Ихъ называли Нирунь; это названіе значитъ чистыя чресла, по тюркски: ару-тюхмъ „чистое сѣмя“. Имъ дали это имя потому, что эти три сына ея, по мнѣнію Монголовъ, зачались отъ свѣта. У Кабуль-хана, прадѣда Чингизъ-ханова, было шесть сыновъ: всѣ они были бойки, храбры, быстры, и народъ этихъ витязей называлъ Кыять, потому что Монголы ручей, стремящійся съ горы, называютъ кыянъ; отъ слова кыянъ произошло множественное число кыять. Старшій изъ сыновъ Кабуль-хана былъ Бюртанъ-ханъ; его сынъ, отецъ Чингизъ-хановъ, Исукай Багадуръ; у Исукай-Багадура глаза были каріе, у Монголовъ каріе глаза называются бурджигинъ, поэтому родъ Исукай Багадура названъ Бурчигинъ-Кыять. Прозваніе Кыять также и послѣ дѣтей Кабуль-хановыхъ было въ употребленіи. По своимъ силамъ мы о нѣкоторыхъ тюркскихъ поколѣніяхъ рассказали, что знали, теперь будемъ говорить о поколѣніяхъ Монгольскаго племени.

Поколѣніе Меркитъ.

Меркитовъ называютъ также Мекритами: это одно и то же поколѣніе. Въ Чингизъ-ханово время правителемъ этого народа былъ Токта-бийи. Это поколѣніе непрерывно было во враждѣ съ Чингизъ-ханомъ. Однажды, разграбивъ домъ Чингизъ-хана, они увели въ плѣнъ его жену; за то и Чингизъ-ханъ въ одно время, когда тотъ находился въ степи, схватилъ его, заключилъ въ оковы и отомстилъ ему кровь.

Поколѣніе Конкиратъ.

У одного человѣка изъ поколѣнія Кыянъ было три сына. Старшій сынъ назывался Чурлыкъ-Мерканъ, второй Ку-

бай-Ширя, третій Тусбудай. Чурлыкъ былъ искусный стрѣлокъ изъ лука: однажды онъ поссорился съ своимъ братомъ Кубай-Ширей; оба были на коняхъ; Чурлыкъ взялъ лукъ и пустилъ стрѣлу; Кубай-Ширя, наклонившись къ шеѣ коня, спасся отъ стрѣлы, и, тотчасъ выпрямясь, поднялъ голову. Чурлыкъ пожалѣлъ своего брата и въ душѣ своей сказалъ: я такъ стану стрѣлать, чтобы ему было только страшно, но не вредно. Въ ухѣ у Кубай-Шири было большое кольцо; мѣтя въ него, онъ такъ пустилъ стрѣлу, что она пролетѣла сквозь него. У Чурлыкъ-Меркана былъ сынъ, по имени Конкиратъ: отъ его рода произошло все поколѣнiе Конкиратъ.

Поколѣнiе Инграсъ и Олконотъ.

У Кубай-Шири было два сына: старшему имя Инграсъ, младшему Олконотъ; отъ нихъ произошли эти два поколѣнiя. Мать Чингизъ-ханова, Улунъ, которую также звали Улунъ-пге, иногда Улунъ-вучинь, была изъ племени Олконотъ.

Поколѣнiя Каранутъ, Курласъ и Ильчигинъ.

У Тусбудая было два сына: старшему имя было Каранутъ, отъ него произошло все племя Каранутъ. Второй сынъ Кунуклутъ; у него былъ сынъ Мисяръ, у котораго было два сына: старшiй, по имени Курласъ, былъ родоначальникомъ поколѣнiя Курласъ, младшiй, Ильчигинъ, родоначальникъ всѣхъ Ильчигиновъ.

Поколѣнiе Урмаутъ.

Урмаута нынѣ называютъ Уймаутъ. Все поколѣнiе Урмаутское есть потомство этого человѣка.

Поколѣніе Кунукмарь.

У одного Монгола изъ поколѣнія Урмаутъ было три сына. Старшему изъ нихъ имя неизвѣстно; но когда онъ пришелъ въ юношескій возрастъ, народъ назвалъ его Кунукмарь. Кунукъ значитъ большой: въ то время, напримѣръ, о большой воронѣ, говорили: кунукъ карга „большая ворона“; кумарь значитъ носъ. Такъ какъ у него былъ большой носъ, то ему и досталось прозваніе Кунукмарь. Все поколѣніе Кунукмарь есть потомство этого человѣка: въ нынѣшнее время они о себѣ говорятъ: „мы потомки Кумара“. Менгликъ-ичеге былъ изъ поколѣнія Кунукмарь. Имя Менгликъ даво было ему отцемъ его. Къ его имени Менгликъ приложено слово ичеге, которое на Монгольскомъ языкѣ значитъ отецъ, съ такимъ же значеніемъ, съ какимъ и Тюркскій народъ слово ата „отецъ“ прикладываетъ къ титуламъ почетныхъ людей, напримѣръ, хавимъ-ата „начальникъ - отецъ“, сеидъ-ата „господинъ - батюшка (бояринъ)“. Менгликъ былъ почтеннымъ человѣкомъ у Монголовъ, потому къ его имени присоединяли слово ичеге. Мать Чингизъ-хана, когда умеръ отецъ его, вышла за Менгликъ-ичеге; Керайтскій государь Унгъ-ханъ чрезъ посла говорилъ Менгликъ-ичеге: нападемъ на Чингизъ-хана; я съ внѣшней стороны, ты будешь дѣйствовать изнутри, и мы уничтожимъ его; что останется изъ владѣнія его, половина того будетъ твоя, половина моя. Унгъ-ханъ былъ въ дружбѣ съ отцемъ Чингизъ-хана, и этотъ совѣтъ не подозрѣвалъ въ немъ вражды къ себѣ. Онъ къ Чингизъ-хану отправилъ посла съ словами: „за твоего старшаго сына Джучи хочу выдать свою дочь, и для того пріѣзжай въ нашъ домъ. Это, говорилъ онъ, наше общее желаніе: сыграемъ свадьбу, нѣсколько дней попируемъ и повеселимся“. Чингизъ-ханъ, вѣря этимъ словамъ, отправился въ его домъ. На дорогѣ съ нимъ встрѣтился Менгликъ-ичеге и, пересказавъ ему все, что слышалъ отъ Унгъ-хана, спасъ его отъ смерти. Менгликъ-ичеге никогда не оставлялъ

службы Чингизъ-хану. Когда онъ взялъ Чингизъ-ханову мать, Чингизъ-хану было тогда тринадцать лѣтъ. Съ того времени до самой смерти своей, при всѣхъ переворотахъ судьбы, въ счастливые и несчастливые дни, онъ неотлучно былъ при ханѣ; садился съ правой стороны его выше всѣхъ.

Поколѣніе Эрлатъ и Келькитъ.

У Менгликъ-ичега отъ прежней жены было три сына: старшаго звали Кюкче; народъ называлъ его Тенгринингъ-бети „лице Божіе“. Въ исторіи воцаренія Чингизъ-хана мы скажемъ, что за человѣкъ былъ Кюкче. Второй сынъ его былъ Эрлатъ: имя его значить любимый сынъ матери. Эрлатъ было имя одного человѣка, котораго очень любила мать; а потому и его назвали Эрлатомъ. Все поколѣніе Эрлатъ происходитъ отъ него. Третій сынъ его Келькитъ. У кого языкъ бываетъ картавъ, того Тюрскій народъ называетъ билътавъ, „картавый“, а Монголы кельки; такъ какъ у этого человѣка былъ этотъ недостатокъ въ языкѣ, то его и назвали Келькитъ. Выше мы говорили, что въ Монгольскомъ языкѣ буква т выражаетъ отношеніе; значеніе этой буквы, извѣстное и ученому и неученому, то же, что окончаніе словъ въ нашемъ языкѣ: такъ какъ мы говоримъ: атлы о томъ, у кого есть конь, тунлы о томъ, у кого есть одежда, чтобы выразить то отношеніе человѣка къ симъ вещамъ, что у него есть атъ конь, тунъ одежда.

Поколѣнія Бадай и Кышлыкъ.

У одного человѣка изъ поколѣнія Келькитъ было два сына: старшему имя было Бадай, младшему Кышлыкъ. Оба они смотрѣли за табунами одного бека Унгъ-хана Керантскаго. Однажды Бадай, принеши молоко изъ табуна, подошелъ къ дверямъ дома, и услышалъ, что въ немъ князя

разговариваютъ между собою. „Что они говорятъ?“ подумалъ онъ и, приставивъ ухо, сталъ прислушиваться. Бекъ говорилъ женѣ своей, чтобы она вынула броню и кольчугу, для того, что Унгъ-ханъ собрался напасть на Чингизъ-хана въ его домѣ. Дома обоихъ хановъ были близки одинъ къ другому; Унгъ-ханъ, называя Чингизъ-хана сыномъ, и Чингизъ-ханъ, Унгъ-хана называя отцомъ, прежде жили въ согласіи между собою. Бадай внесъ молоко въ домъ, отдалъ и отправился въ табунъ. Тамъ онъ своему младшему брату говорилъ: „Эти люди—Монголы, но и Чингизъ-ханъ Монголъ. Мы никакъ не допустимъ погибнуть своему государю. Керайты-особое, чужое поколѣніе“. Братья отправились къ Чингизъ-хану и рассказали ему. Но исторія объ этомъ продолжительна; скажемъ только, что Чингизъ-ханъ этими братьями спасенъ отъ смерти, за что онъ обоихъ сдѣлалъ тарханами. Тарханъ означаетъ такого человѣка, съ котораго не берутъ дани; когда онъ приходитъ въ домъ хана, его никто не можетъ остановить; входитъ и выходитъ по своему произволу. Если онъ сдѣлаетъ преступленіе, то съ него до девяти винъ не взыскивается; послѣ девятой онъ уже подвергается взыску. Это право переходитъ и на его потомство до девятого рода.

Поколѣніе Уйшунъ.

Это поколѣніе Монгольскаго племени.

Поколѣніе Сульдусъ.

Этотъ народъ также одинъ изъ Монгольскаго племени.

Поколѣніе Ильдуркинъ.

Ильдуркинъ есть отдѣльное отъ Сульдуса поколѣніе.

Поколѣніе Кенкитъ.

Оно также есть одно монгольское колѣно.

Поколѣніе Дурбанъ.

У одного изъ государей Монгольскихъ, Бичинъ-Кыяна, было пять сыновъ. Младшій изъ нихъ былъ лучше всѣхъ. Отецъ ихъ при смерти своей завѣщаль, чтобы они младшаго сына сдѣлали правителемъ. Народъ также признавалъ способнымъ къ правленію младшаго изъ братьевъ и возвелъ его въ ханское достоинство; имя ему было Каджи-Мерканъ. Четыре старшіе его брата много разъ говорили народу: если вы котораго либо изъ насъ четырехъ изберете правителемъ, то мы этотъ выборъ признаемъ съ удовольствіемъ; но намъ не угоденъ нашъ младшій братъ. Народъ не соглашался на слова ихъ. Потому они, разсердившись на народъ, изъ своего юрта ушли въ чужой народъ, и тамъ жили. На монгольскомъ языкѣ четыре *дурбанъ*, потому въ чужомъ народѣ этимъ молодцамъ дали названіе Дурбаны. Дѣти этихъ четырехъ братьевъ, по смерти отцевъ ихъ, возвратились къ своимъ роднымъ.

Поколѣніе Баринъ и Сукутъ.

У одного человѣка изъ Дурбановъ было три сына. Старшаго звали Баринъ; весь народъ Баринъ отъ него ведетъ свой родъ. Меньшій изъ младшихъ братьевъ его былъ женатъ; но жена его не родила дѣтей и потому онъ обратилъ свой взоръ на невольницу. Невольница сдѣлалась беременною; жена каждый день била эту служанку по брюху съ тѣмъ, чтобы она выкинула, но этого не сдѣлалось. Въ полночь одной ночи невольница родила мальчика; отрѣзавъ полу у кафтана отца его, она въ него спеленала сына, отвесла его въ ку-

старникъ изъ таволги, росшей за домою, и тамъ его положила. По утру отецъ его пошелъ нарушить чистоту, услышалъ крикъ ребенка, подошелъ и, осмотрѣвъ, узналъ свою одежду, изъ чего увидѣлъ, что это дитя его сынъ; взялъ его и принесъ къ матери, которая и вскормила его. Мальчику дали имя Сузуть. Монголы таволгу называютъ сукай, потому его имя значить „найденный въ таволгѣ“.

Поколѣнія Курлауть и Буркутъ.

Эти два поколѣнія также Монгольскія. Они въ сродствѣ съ Конкиратами и живутъ въ смежности съ ними. Пренія юрты ихъ были вмѣстѣ съ Конкиратскими.

Поколѣніе Укланъ.

Они также Монгольскаго происхожденія; но не извѣстно, въ которому изъ Монгольскихъ поколѣній они близки. Ихъ также называли Джуиратъ и Хаджератъ. Ихъ родъ Монгольскій и живутъ въ Монголіи. Амангова изъ этого поколѣнія.

Поколѣніе Біауть.

Это поколѣніе дробится на много родовъ, но изъ нихъ лучшіе и многочислѣннѣе два: первый родъ называютъ Джедаинъ-Біауть, другой Мекринъ-Біауть. Джедаинъ и Мекринъ есть двѣ большія текучія рѣки, на берегахъ которыхъ они жили, оттого имъ досталось это имя. Ихъ жилище смежно съ жилищемъ Ойратовъ. Поколѣніе Біауть выдѣляется изъ Монгольскаго племени Дерлигинъ.

Джелаиры.

Это древнее поколѣніе; оно было весьма многочисленно. Рассказываютъ, что однажды, во время войны съ государемъ Ки-

тайскимъ, всѣ Джелаиры, и сановитые и простолюдины, со всѣхъ мѣстъ, гдѣ жили, собрались въ одно мѣсто; на семьдесятъ куреней (становъ) дѣлились дома ихъ. Родовъ ихъ было много; каждый изъ этихъ родовъ, поставивъ надъ собою старѣйшину, составлялъ особый юртъ (округъ). Многіе изъ нихъ жили въ Монгольскомъ юртѣ, называющемся Ононъ. Въ одно время напало Китайское войско, истребило много Джелаировъ, тутъ жившихъ вмѣстѣ, другихъ, захвативъ въ добычу, увело въ плѣнъ. Оставшимся въ опустошенной области людямъ, голоднымъ и истомленнымъ, нечего было ѣсть; они на степяхъ выкапывали луковицы и ими питались. Чингизъ-хановъ предокъ въ седьмомъ колѣнѣ, Дутумъ-Менинъ-ханъ, въ это время не былъ уже въ живыхъ; послѣ него оставалось девять сыновъ. Мать всѣхъ этихъ сыновъ, по имени Мунулунъ, за своего старшаго сына, Кайду-хана, сосватала невѣсту; потому Кайду-хана не было дома, онъ отправился къ невѣстѣ на калымное гощенье. Вблизи отъ дома Мунулуну было очень ровное поле: Дутумъ-менинъ-хановы сыновья на немъ забавлялись скачками. Въ томъ мѣстѣ много было луковицъ; потому голодные, раззоренные набѣгомъ Джелаиры такъ изрыли это поле, что по нему нельзя было ѣздить на лошади. Дѣти, увидѣвъ это, пересказали о томъ своей матери, которая въ досадѣ на это, сѣла на коня и туда поѣхала. Увидѣвъ, что нѣкоторые изъ нихъ еще копаютъ на полѣ, велѣла своимъ слугамъ напасть на нихъ, и они бросились на нихъ. Джелаиры, собравшись на томъ мѣстѣ, вступили въ жестокую битву. Нѣсколько человѣкъ изъ Джелаировъ пало; и съ другой стороны убито нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ и сама Мунулунъ. Тогда нѣкоторые изъ раззоренныхъ Джелаировъ, собравшись, разграбили домъ Мунулуну, всѣхъ людей, попавшихъ къ нимъ въ руки, вмѣстѣ съ осемью сыновьями Дутумъ-Менинъ-хана, они убили; томимые доголѣ смертельнымъ голодомъ, они чрезъ это нѣсколько насытились. Кайду-ханъ, получивъ объ этомъ вѣсть, возвра-

тился домою отъ своего тестя; всѣ ближвіе и дальніе родственники и чиновники его собрались и послали къ Джелайрамъ человѣка сказать: „такое дѣло сдѣлано вамъ: какой отвѣтъ дадите вы?“ Главные изъ Джелайровъ сосчитали тѣхъ, которые это дѣло сдѣлали; вышло ихъ всѣхъ семьдесятъ человѣкъ. Всѣхъ ихъ, съ домами, съ женами и дѣтьми, пригнали, представили къ Кайду-хану и сказали: „дѣлай съ нами, что хочешь!“ Потомъ, разсуждая въ общемъ совѣтѣ съ родственниками Кайду-хана и его людьми, они сказали: „кровь ихъ не будетъ соразмѣрнымъ возмездіемъ за кровь твою, сдѣлай ихъ рабами: каждый сынъ и каждая дочь пусть будутъ рабы“. Мнѣніе было одобрено и они были обращены въ рабство. Семейства ихъ послѣ размножились. Всѣ эти подручники не говорили о себѣ: „мы Джелайры“, но говорили: „мы потомки Монгола Кыяна“. Оттуда установился обычай освобожденнымъ рабамъ называться по роду ихъ господъ. Когда Чингизъ-ханъ былъ сильнымъ государемъ, всѣ другіе Джелайры, подвергшись жребію, одинаковому съ жребіемъ поработенныхъ, называли себя потомками Монгола Кыяна. Эти Джелайры, въ одиннадцатомъ колѣнѣ, были слугами при четвертомъ сынѣ Чингизъ-хана. При дворахъ государей, его потомковъ, они, болѣе и болѣе разъединяясь, дѣлились на отряды въ десять и двадцать домовъ. Родъ Джелайровъ идетъ отъ поколѣнія Дерлигинъ, а Дерлигины были потомки Нюгуза.

Монгольскіе государи.

Когда дѣти Кыяна и Нюгуза размножились въ Эрвене-ковѣ, каждый родъ ихъ, составивъ народъ, принялъ себѣ свое имя. Въ потомствѣ Кыяна былъ человѣкъ, по имени Курласть, котораго поколѣніе было многочисленнѣе всѣхъ поколѣній, называясь Курласами. Курласы у себя избрали одного человѣка въ цари; имя его не извѣстно; по-

слѣ того изъ Курласовъ всегда избирали правителя. По выходѣ Монголовъ изъ Эркене-кона государемъ ихъ былъ Бюрте-чино, изъ рода Курласовъ; по смерти его, его сынъ Коймеруль поставленъ былъ государемъ. Когда онъ скончался, государемъ сдѣлали сына его Бичинъ-Кыяна. По кончинѣ его сдѣлали государемъ сына его Тимача. По смерти сего возвели въ достоинство ханское сына его Кычи-мервана. По смерти его поставили ханомъ сына его, Кучумъ-Буруля. По смерти Кучумъ-Буруля сдѣлалъ ханомъ сына его Буке-Бендуна. Послѣ него возвели въ достоинство хана сына его Самъ-Саучія. По смерти его, поставили ханомъ сына его Калмачу. По смерти его ханомъ сдѣлали сына его Тимуръ-Таша. По смерти его, сдѣлали ханомъ сына его Мевгли-ходжу. Послѣ него поставили ханомъ сына его Юлдуза. У Юлдуза было два сына: оба они умерли при жизни отца; отъ одного изъ его сыновъ остался сынъ Дубунъ-Баянъ, а отъ другого осталась дочь по имени Алангова. Алангову отдали за мужъ за Дубунъ-Баяна, сдѣлавъ пышную свадьбу. Послѣ того Юлдузъ-ханъ померъ: внукъ его Дубунъ-Баянъ, вступивъ на отцовскій престолъ, сдѣлался государемъ народа Монгольскаго; но, не доживъ до тридцати лѣтъ, померъ. Послѣ него остались два маленькіе сына: одинъ шести лѣтъ, другой семи; старшему имя было Бильгедай, младшему Бекужедай; въ нѣкоторыхъ книгахъ они называются Билькенуть и Богенуть.

Необыкновенная, чудесная исторія объ Аланговѣ.

По смерти Дубунъ-Баяна, супругъ его Аланговъ каждый изъ сыновъ старшихъ и младшихъ братьевъ дѣда ея, Юлдузъ-хана, владѣтелей, спящихъ числомъ поданныхъ и нукеровъ, предлагалъ супружество съ собою, но она не соглашалась и говорила: „никогда, во всю жизнь мою, не выйду за мужъ. До совершеннолѣтія моихъ дѣтей сама буду

управлять народомъ, а послѣ того передамъ власть моимъ сыновьямъ“. Послѣ этого прошло нѣсколько годовъ. Въ одну ночь она лежала въ шатрѣ своемъ; на зарѣ она проснулась; чрезъ верхнее отверстіе шатра проникаетъ что-то свѣтлое; она какъ днемъ видѣла, что въ свѣтѣ какъ бы человѣкъ, у котораго лице блѣдное, а глаза каріе, спустился къ ней въ домъ. Алангова хотѣла закричать, чтобы разбудить женщинъ, при ней спавшихъ, но голоса у ней не было, языкъ не ворочался; хотѣла встать, руки и ноги у ней отнялись, но сознание у ней было въ полномъ состояніи. Этотъ человѣкъ тихо, тихо подошелъ къ ней, и, послѣ совокупленія съ нею, вышелъ въ отверстіе шатра. Она этого случая никому не сказала, думая, что никто не повѣритъ этому. Чрезъ пять или шесть дней онъ опять пришелъ, и потомъ сряду нѣсколько дней не переставалъ приходить. Въ ночь перваго прихода Алангова сдѣлалась беременною. По прошествіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ, родственники ея собрались и спрашивали, какъ она сдѣлалась беременною. Алангова рассказала, что видѣла, и говорила: „если бы мнѣ нуженъ былъ мужъ, то развѣ я не вышла бы за мужъ? А притомъ хотя я и женщина, но весь народъ признаетъ меня государынею: ужели я сдѣлаю столь безразсудное дѣло, къ стыду себя, и моихъ подданныхъ, и моихъ сыновей? Нѣсколько ночей стерегите мой домъ; если Всевышнему Господу не угодно подвергнуть меня посрамленію, то онъ и вамъ откроетъ это. Къ тому еще скажу: когда родится сынъ, который теперь у меня во чревѣ, онъ навѣрно не будетъ походить на обыкновеннаго человѣка“. Услышавъ эти слова, всѣ повѣрили, потому что народу извѣстно было поведеніе Аланговы. Не смотря на это, многіе при ея домѣ днемъ и ночью держали стражу, поочередно одни спали, другіе стерегли. Чрезъ нѣсколько дней, на зарѣ, въ домъ къ ней, чрезъ верхнее отверстіе что-то свѣтлое какъ солнце спустилось: люди, увидѣвши это, разбудили спавшихъ предъ ними. Всѣ караулившіе видѣли, что въ домъ Аланговы чрезъ верхнее от

верстіе то видѣніе вошло и чрезъ нѣсколько времени опять вышло. Не многіе изъ людей видѣли пришествіе, но всѣ видѣли отшествіе чего-то свѣтлаго, но не могли усмотрѣть въ немъ образа человѣческаго. Послѣ этого отерплась всѣмъ справедливость словъ Аланговы.

Дѣти Аланговы. Алангова родила троиухъ сыновей: старшему имя Бугунъ-кытыгинъ; весь народъ Кытыгинъ отъ его рода. Второму сыну имя Бускинъ-Джалчи: его потомки Джалчуты. Третій сынъ Буданчиръ-Мунакъ, котораго возвели на ханство. Родъ Чингизъ-хана и многія поколѣнія Монгольскія отъ него происходятъ. Всѣ поколѣнія, происшедшія отъ этихъ трехъ сыновъ, называютъ Нирунъ. Это имя значитъ „чистое сѣмя“, потому что онъ, по понятіямъ Монголовъ, произошелъ отъ свѣта. У Буданчира было два сына: старшій назывался Бука, младшій Тука; осталось-ли послѣ Туки потомство, неизвѣстно. По смерти Буданчира, Буку возвели на ханство. У него былъ сынъ, по имени Дутумъ-менинъ. По смерти отца, Дутумъ-менинъ-хана поставили ханомъ. У Дутумъ-менина было девять сыновъ; осьмерыхъ изъ нихъ убили Джелаиры, о чемъ мы говорили выше въ разсказѣ о Джелаирахъ. Старшій сынъ его, по имени Кайду, спасся во время истребленія, и, по смерти Дутумъ-менинъ-хана, его поставили ханомъ.

У Кайду было три сына: старшій Байсангуръ, второй Джерка-ленкумъ, отъ котораго происходятъ Тайджуты. Джерка-ленкумову старшему сыну имя Муркаду Кюджуне; у него сынъ Мемпай-каанъ; у этого сынъ Кадапъ-Тайши. Кадану прозваніе—тайши — китайское слово; того, кто знаетъ на память священную книгу и поетъ ея пѣсни хорошимъ, пріятнымъ голосомъ, называютъ тайши: потому оно означаетъ знатока и пѣвца священныхъ пѣсенъ. Его сынъ Аралъ; его сынъ Баргутай, по прозванію Кырылукъ, что значитъ: завистливый, жадный. Узбеки о человѣкѣ, у котораго, когда онъ ѣстъ, пища останавливается въ горлѣ, говорятъ: кырыл-

ди, что значить: онъ жадно ѣлъ, такъ что давился; потому слово *вырылтукъ* значить: „подавливающийся отъ жадности“. Этотъ самый Баргутаи Кырылтукъ, начальствуя надъ Тайджутами, много препирался съ Чингизъ-ханомъ. Третьему сыну Кайдугеу имя Джарчинъ; поколѣнія Джайчуть и Иртегинъ его потомки. По смерти Кайду-хана, сынъ его Джерже ленокумъ взялъ за себя свою мачиху и отъ нея было у него два сына; старшій названъ Кянду-чино, младшій Улькюджинъ-чино; *чино* значить волкъ и волчица. Когда у послѣдняго много стало дѣтей, ихъ называли Ченесъ, что есть множественное число слова *чино* и значить: волки или стая волковъ. Въ послѣдующее время этотъ родъ также называли Нюгузъ: это другой Нюгузъ, а не тотъ, о которомъ прежде говорено было; имя прежняго Нюгуза въ народѣ потерялось.

Старшаго сына (Кайду-ханова) Байсангура поставили ханомъ: онъ былъ государь умный, правосудный, добрый; поборилъ себѣ много земель. Облаготворивъ друзей своихъ и истомивъ враговъ своихъ, онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ царствования, передалъ свое мѣсто сыну своему Туменѣ и отправился въ долгій путь.

О Туменѣ-ханѣ. Тумене-ханъ былъ прекрасный, великій государь; въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ господствовалъ надъ всѣми родами Нирунъ. При немъ народъ его былъ счастливъ и спокоенъ. У него было девять сыновъ: отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ произошло по одному роду, отъ другихъ по два, по три, по четыре; въ числѣ девяти его сыновъ были два сына близнеца, Кубуль и Каджулы.

Старшему Тумене-ханову сыну было имя Джафсу, у котораго было три сына: старшій Туякинъ, второй Урутъ, третій Манкытъ; дѣти сихъ троихъ Монголовъ были родовачальниками трехъ поколѣній.

Отъ втораго изъ нихъ, по имени Яримъ-ширъ-Буганчу, происшедшее племя сдѣлалось большимъ народомъ.

Третьяго сына имя были Каджулы; а у него былъ сынъ

Примчи Барласъ: всѣ Барласы его потомки; Аксакъ Тимуръ произошелъ изъ этого рода. Имя барласъ значитъ воевода, военачальникъ (серъ-аскерь), т. е. человекъ, предводительствующій войскомъ.

Четвертый сынъ его Самкячунъ; его потомство есть поколѣние Идуркинъ.

Пятый сынъ Ятъ-кильки; все поколѣние Булатъ есть потомство его.

Шестой сынъ Кубуль-ханъ; отъ сыновъ Кубуль-хана произошли Чингизъ-ханъ и много другихъ родовъ. Если Богъ поможетъ, о всѣхъ ихъ скажемъ въ приличномъ мѣстѣ.

Седьмой сынъ Удуръ-Баянъ: поколѣние Кіюмъ отъ его рода.

Осьмой сынъ Булджаръ-Дуглапъ: Монголы называли его дуглапъ, т. е. хромымъ, потому что онъ хромалъ на одну ногу; все поколѣние Дуглапъ его потомки.

Девятый сынъ Джантай: все поколѣние Исуть есть его потомство. Онъ былъ младшій изъ своихъ братьевъ; младшаго изъ братьевъ Монголы называютъ утчинъ; утчинъ значитъ владѣтель огня или очага; ибо Монголы, когда женятъ сыновей, то каждому въ свое время отводятъ въ особый, для него приготовленный домъ, такъ что дома остается при своемъ очагѣ младшій изъ братьевъ и дѣлается хозяиномъ отцовскаго очага; по этому обычаю у Монголовъ всѣ старшіе братья питаютъ особенное уваженіе, оказываютъ большую честь младшему брату. Дѣти, родившіяся отъ Джантай-утчина, всѣ были храбры, воинственны. Чингизъ-ханъ во время похода на Мавераннегръ, далъ тридцать тысячъ войска Чепе Нойяну и послалъ его противъ Султана Мохаммеда, Ховарезмскаго шаха. Чепе-Нойянъ захватилъ семейство и казну Султана Мохаммеда, завоевалъ Иранъ, Адзербайджанъ, Грузію; перешелъ чрезъ Желѣзные Ворота, поразилъ Дагестанцевъ, Черкесовъ, Кипчаковъ, и, переправясь чрезъ рѣки Волгу и Яикъ, чрезъ четыре года, когда Чингизъ-ханъ возвращался въ Мон-

голю, явился къ нему на Ала-тагѣ. Этотъ Чепе-Нойянь былъ изъ рода Ясуть.

По смерти Тумене-хана, сдѣлали ханомъ сына его Кубуль-хана. У этого было шесть сыновъ: старшему изъ нихъ имя Укинъ-Баргакъ, второму—Бюртанъ-Багадуръ, третьему—Кутукту-менгу, четвертому—Каданъ. Всѣ эти сыновья называются) Кыять: значеніе этого слова выше мы изъяснили, и здѣсь еще скажемъ, что Монголы словомъ кыять называютъ ручей, текущій изъ горы; кыять есть множественное число слова Кыянь. Коренное значеніе слова Кыять есть сильный, стремительный; изъ горы текущій потокъ бываетъ быстръ, силенъ; по сходству съ нимъ, имъ и дали это проименованіе. Въ Эркене-конѣ дѣтси Кыяновыхъ назвали Кыять; по прошествіи многихъ лѣтъ, каждый родъ этого племени принялъ свое имя, такъ напримѣръ одинъ назвался Конкиратъ; другой говорилъ: я Курласъ; иной говорилъ: я Дурбанъ; а имени Кыять въ народѣ не осталось: оно совсѣмъ забылось, исчезло, за три или четыре тысячи до насъ. Всѣ шесть сыновъ Кубуль-хана были храбры, мужественны, смѣлы, за что ихъ и назвали Кыять. Кыяты ихъ потомки.

Кабуль-ханъ умеръ и его сына Бюртана возвели на ханство. У этого было четыре сына: старшій Мунгудай, второй Букенъ-Тайши, третій Есукай Багадуръ, четвертый Дарбутай; ихъ дѣтей называютъ также Кыять.

По смерти Бюртанъ-хана, ханомъ избрали сына его Есукай-Багадура. У Есукай-Багадура было пять сыновъ: старшій Чингивъ-ханъ, которому отцемъ дано было имя Темуджинъ; когда возвели его въ ханы, назвали его Чингизъ. Второй сынъ Джучи-касаръ; *джучи* значить гость; *касаръ* значить то же, что Арабы называютъ *слабъ*, Таджики *дадъ*; этими словами называютъ тѣ изъ четвероногихъ животныхъ, которыя питаются однимъ мясомъ, каковы волкъ, тигръ, леопардъ. Третій сынъ Каджунъ, четвертый Тимукъ, пятый Бильтутай-Утчикинъ. Пять сыновъ Есукай и весь родъ его боль-

шею частію были блѣднолицыя, и каре-глазыя; Монголы людей съ карими глазами называютъ *бурджинизъ*, и потому родъ Есукай-Багадуръ-хана называли Бурджигинъ-Кыять. Аламова говорила, что у того, кто къ ней приходилъ и съ нею совокуплялся, цвѣтъ лица былъ блѣдный, а глаза были каріе; слова эти подтверждались родовыми чертами въ предкахъ чрезъ девять колѣнъ. Также надобно здѣсь замѣтить, что глаза, въ которыхъ зрачки черны, а части глаза между зрачками и бѣлками желтоваты, Арабы называютъ *шулла*, а Монголы *бурджинизъ*: отселе произошло прозваніе Бурджигинъ-Кыять.

Глава третія.

Рожденіе Чингизъ-хана.

Чингизъ-ханъ родился въ пятьсотъ пятьдесятъ девятомъ году гиджры, въ годъ свиньи (1164, 5 г. Р. X.), въ области Булунъ-Юлдузъ. При рожденіи одна рука у него была сжата въ кулакъ; повивальная бабка, разогнувъ у него руку, увидѣла, что въ ней былъ кусокъ запекшейся крови. Объ этомъ сказали отцу его; изъ бывшихъ при немъ людей никто не понималъ, почему это такъ. Одинъ человекъ сказалъ: „этотъ младенецъ будетъ знаменитымъ государемъ, овладѣтъ всѣмъ свѣтомъ, истребитъ много народовъ и государствъ, и кровь эта предзнаменуетъ таковыя дѣла его.“ Слова того человека сбылись. Отецъ нарекъ ему имя Темуджинъ; когда онъ возведенъ на ханство, ему дали титулъ Чингизъ-хана.

О предкахъ Чингизъ-хана мы выше говорили; теперь считаемъ умѣстнымъ опять перечислить всѣхъ ихъ. Отецъ Чингизъ-хановъ Есукай-Багадуръ; Монголы отца называютъ *ичеге*. Отецъ Есукай-Багадуръ былъ Бюртанъ-ханъ; втораго отца (дѣда) называютъ *абугенъ*. Его отецъ Кубуль-ханъ; третьяго от-

ца (прадѣда) называютъ *илинджскъ*. Его отецъ Тумене-ханъ; четвертаго отца (прапрадѣда) называютъ *будатуръ*. Его отецъ Байсангуръ-ханъ; въ пятомъ колѣнѣ предка называютъ *будакуръ*. Его отецъ Кайду-ханъ; предка въ шестомъ колѣнѣ называютъ *бурти*. Его отецъ Дутумъ-Менипъ ханъ; седьмаго изъ предковъ называютъ *дутакунъ*. Монголы каждому изъ предковъ семи колѣнъ даютъ свое имя: выше седьмаго колѣна предкамъ нѣтъ особыхъ именъ; также у Тюрковъ, Таджиковъ и у другихъ народовъ есть обычай опредѣлять свое состояніе указаніемъ на состояніе предковъ семи родовъ; такъ въ Тюркскомъ народѣ говорятъ: „мой предки съ седьмаго колѣна были кузнецами, и я—кузнецъ“; или: „семеро изъ моихъ предковъ жили въ этомъ юртѣ“; или говорятъ: „я и мои семь предковъ въ глаза не видѣли нищеты“. У Таджиковъ также есть эти присловія. Но возвратимся къ нашему разсказу. У Дутумъ-Менипъ-хана отецъ былъ Бука-ханъ; у него отецъ Буданджаръ-ханъ, родившійся отъ Аланговы, которая была внука Юлдузъ-хана. Отецъ Буданджара умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; сынъ, оставшись сиротою, воспитался у дѣда своего Юлдузъ-хана: потому имя отца его въ народѣ неизвѣстно. Отецъ Юлдузъ-хана Менгли-ходжа-ханъ; его отецъ Тимуръ-ташъ-ханъ; его отецъ Калмаджу-ханъ; его отецъ Сямъ-саучи; его отецъ Буке-Бендунъ-ханъ, его отецъ Кучумъ-Бурузъ; его отецъ Кычи-Мерканъ; его отецъ Тимачъ, его отецъ Бичинъ-Кыянъ; его отецъ Кой-Мурулъ; его отецъ Бурте-чино. Отъ Бурте-чино до Кыяна прошло чотыреста пятьдесятъ лѣтъ; мы много старались узнать имена лицъ, бывшихъ между нами двумя государями, но намъ не удалось ихъ узнать: ни въ одной лѣтописи мы не нашли ихъ. Монголы, по причинѣ разстроеннаго своего состоянія въ Эркеве-конѣ, не вели записокъ. Кыяновъ отецъ былъ Иль-ханъ; его отецъ Тивгизъ-ханъ; его отецъ Менгли-ханъ; его отецъ Юлдузъ-ханъ; его отецъ Ай-ханъ; его отецъ Угузъ-ханъ; его отецъ Кара-ханъ; его отецъ Монголь-ханъ; его отецъ Алапча-ханъ; его отецъ

Кіюкь-ханъ; его отецъ Дибь-бакуй-ханъ; его отецъ Ильча-ханъ; его отецъ Тутукь-ханъ; его отецъ Тюркь; его отецъ Іафетъ; его отецъ пророкъ Ной—миръ ему!—; его отецъ Ламехъ; его отецъ Маусали; его отецъ пророкъ Идрисъ; его отецъ Іаредъ; его отецъ Малеленль; его отецъ Каинанъ; его отецъ Энось; его отецъ Сиеъ пророкъ; его отецъ Адамъ—свѣтильникъ Божій.

Когда умеръ Есукай-Багадуръ, старшему сыну его, Чингизъ-хану, было тринадцать лѣтъ; младшіе братья его были малолѣтні. Весь родъ Будапджарь-хана былъ въ зависимости отъ Исугай-Багадура; эта подчиненность, по обычаю Монгольскому, состоитъ въ томъ, что государь каждый годъ съ подвластнаго ему народа беретъ десятину изъ четырехъ породъ скота: копей, верблюдовъ, коровъ и овецъ. Если у государя есть пять, десять сыновъ, то, по смерти отца, одного изъ нихъ возводятъ въ ханское достоинство, а прочіе сыновья остаются на одной степени съ народомъ; съ имѣнія ихъ каждый годъ берутъ по одной лошади или по одному верблюду; но если дѣти остаются послѣ нихъ, то съ нихъ берется такъ же, какъ и съ другихъ людей. Платившихъ дань Есукай-Багадuru было отъ тридцати до сорока тысячъ семействъ. Всѣ они, связанные родствомъ между собою, не боялись Чингизъ-хана по молодости его. Богатство есть кумиръ сыновъ Адамовыхъ: отдавать—тягостно имъ, брать—пріятно; чтобъ не отдавать имѣнія, они отложились отъ Чингизъ-хана и, откочевавъ отъ него, ушли и стали жить въ отдаленномъ отъ него мѣстѣ. Въ числѣ поколѣній, подвластныхъ Есукай-Багадuru, было поколѣніе Тайджутское. Тайджуты, сдѣлавшись главою другихъ поколѣній, менѣе многочисленныхъ и богатыхъ, вмѣстѣ съ ними, откочевавъ, отдѣлились. Въ то время начальникомъ Тайджутовъ былъ Баргутаи-Кырылтукъ, у котораго отецъ былъ Араль, у него отецъ Каданъ-Тайши; у него отецъ Мемикай; его отецъ Мурваду-Кюндже, его отецъ Джерка-ленкумъ; его отецъ Кайду-ханъ. Такимъ обра-

вомъ весь народъ, покорный Есукай-Багадuru, раздѣлился при Чингизъ-ханѣ; три части его соединились съ Тайджутами; одна четвертая часть осталась съ Чингизъ-ханомъ. При немъ остались: половина Манкытовъ, покоренныхъ дѣдомъ Чингизъ-хановымъ, Бюрданъ-ханомъ; а изъ другихъ поколѣній осталось при немъ по двѣсти семействъ, по сту семействъ, по пятидесяти, по десяти, по пяти семействъ. Манкыты были не многочисленны; начальникомъ оставшихся при ханѣ Манкытовъ въ это время былъ Куюлдаръ. Начальникъ Кытыгиновъ, Ходжутовъ, Джуйратовъ, Кыатовъ, со всѣми ими присоединился къ Тайджутамъ. Съ Тайджутами соединились также Меркыты, которые были непріатели Есукай-Багадuru, и постоянно дрались, дѣлали набѣги, угоняли скотъ.

Дѣло Чингизъ-хана съ тринадцатаго до четырехдесятаго года его жизни.

Имя Чингизъ-хановой матери было Улунь, въ которому придавали два прозванія, называя ее Улунь-иге или Улунь-кучинь: Иге монгольское слово, значитъ великая; кучинь китайское слово, значитъ то же, что у Монголовъ хатунъ, „госпожа, почтенная женщина“; Таджики то же выражаютъ словомъ бану, Узьбеки словомъ бай-бича, что значитъ „госпожа дома и всего имѣнія“. Она была изъ поколѣнія Олзонотъ, была женщина умная, разсудительная, рѣшительная. Въ поколѣніи Кунукмаръ былъ человекъ, уважаемый всѣми Монголами за его лѣта и достоинства, по имени Менгликъ, по прозванію Ичеге. Монголы словомъ ичеге называютъ отца; народъ, чтобы выказать свое уваженіе къ нему, называлъ его ичеге, такъ, какъ Тюрки почтенныхъ людей называютъ *ата* „отцомъ“ и говорятъ: хавимъ-ата „начальникъ-отецъ“, сеидъ-ата „господинъ-отецъ“. Чингизъ-ханова мать вышла за Менгликъ-ичеге, потому все поколѣніе Кунукмаръ пристало къ сторонѣ Чингизъ-хана.

Составляя эту исторію, я предполагалъ подробно изложить генеалогію знаменитыхъ государей и правителей, бывшихъ у Монголовъ и Узь-бековъ, передать всѣ дѣла, ими сдѣланныя, и слова, ими сказанныя; но въ продолженіе этого времени я заболѣлъ, и моя болѣзнь сдѣлалась продолжительною, почему я подумалъ: если умру, то она (исторія) останется не дописанною; знающаго человѣка, каковъ я, нѣтъ; особливо событій нашего дома, отъ Ядигаръ-хана до меня убогаго, никто изъ другихъ юртовъ не знаетъ, да и въ нашемъ народѣ такого человѣка нѣтъ ни одного. Такъ если я мои свѣдѣнія унесу съ собою въ могилу, то что пользы? Потому я посадилъ четырехъ писцовъ и диктовалъ имъ событія отъ Адама до Джучи-хана, иногда заглядывая въ древнія историческія сочиненія, иногда не заглядывая, потому что всѣ событія тѣ я помнилъ. Въ исторіи отъ Шибанъ-хана до меня, я нисколько не смотрѣлъ въ книги, а сказывалъ, что у меня было въ памяти; но какъ умъ у меня утомлялся и я пересказывалъ иногда сидя, иногда лежа, то рассказъ мой кратокъ. Изложеніе его хотя и сокращенно, смыслъ его не коротокъ.

Многіе изъ поколѣнія Нирунъ, подъ вліяніемъ Тайджутовъ, возмущившись противъ тринадцатилѣтняго Чингизъ-хана, часто вступали съ нимъ въ битвы и дѣлали на него набѣги; но ни та, ни другая сторона не могла одержать верхъ. Когда же Чингизъ-хану исполнилось сорокъ лѣтъ отъ рожденія, при наступленіи гола барса, къ нему явился человѣкъ, бѣжавшій изъ племенъ враждебныхъ, и сказалъ, что все поколѣніе Нирунъ, подъ начальствомъ Тайджутовъ, выступило въ походъ противъ него; что поколѣнія Біауты, Меркиты и Татары также вмѣстѣ съ Тайджутами въ этомъ походѣ. Чингизъ-ханъ въ это время былъ уже не очень слабъ; онъ уже испыталъ и добро и зло, притерпѣлся и къ зною и холоду, вкусилъ и горькое и сладкое. Онъ собралъ въ одно мѣсто зависѣвшія отъ него поколѣнія, вмѣстѣ съ ихъ домами и

имуществомъ. Его владѣніе состояло изъ тринадцати родовъ; онъ составилъ изъ нихъ тринадцать становъ, расположивъ ихъ въ видѣ круга, такъ что одинъ ставъ примыкалъ къ другому. Оцѣпивъ ихъ крѣпкимъ валомъ, въ средину его поставилъ лучшее имущество, а худшее помѣстилъ внѣ вала. Непрiатель подошелъ; Чингизъ-ханъ, поставивъ въ боевой порядокъ свою конницу, применилъ ея тылъ къ стану; вступили въ битву. У Чингизъ-хана было десять тысячъ, у непрiателя тридцать тысячъ человѣкъ; бой былъ жестокий и продолжительный, наконецъ Всевышній Господь высоко вознесъ руку Чингизъ-хана: имъ убито было въ этотъ день до шести тысячъ человѣкъ. Саговники Тайджутовъ живые были схвачены и перевязаны: Чингизъ-ханъ велѣлъ повѣсить семьдесятъ котловъ, наполнить ихъ водою; когда вода вскипятилась, то въ каждый котель опускали по одному человѣку, связавъ ему руки и ноги; погружая его головою въ воду, держали его за ноги дотолѣ, пока онъ сварится. Послѣ того онъ поѣхалъ въ область Тайджутовъ, разграбилъ ее; дѣтей лучшихъ семействъ сдѣлалъ рабами, а худшихъ пригналъ въ свою область и расселилъ ихъ между своимъ народомъ. Его владѣніе чрезъ это присоединеніе сдѣлалось сильнѣе. Это дѣло распространило славу о немъ между Монголами.

Побѣда Чингизъ-хана въ войнѣ съ Унгъ-ханомъ Кераитскимъ.

Въ Джуйратскомъ народѣ былъ нѣкто Чамука-чеченъ. Прозваніе чеченъ значитъ умный; что Арабы выражаютъ абыль, Таджики ба-хиредъ, Монголы и Узбеки говорятъ чеченъ: и въ наше время этимъ словомъ называютъ краснорѣчиваго человѣка, а это то же значитъ, что умный, потому что если кто не будетъ умнымъ, то какъ скажетъ хорошее слово? Чамука отправился къ старшему сыну Унгъ-хана, Сянеуну, и сказалъ ему: „вы, отецъ и сынъ, Чингизъ-хана

считаете себя другомъ, а онъ тайно чрезъ посла своего ведетъ переговоры съ Найманскими ханами, Таянъ-ханомъ и Буюрукъ-ханомъ, о томъ, чтобы имъ троемъ быть за одно, изгнать Унгъ-хана и Сянкуна изъ ихъ орды. Лучше меня никто не знаетъ тайнъ Чингизъ-хановыхъ, во-первыхъ потому, что я его родственникъ, въ одномъ съ нимъ мѣстѣ я родился и выросъ; во-вторыхъ всѣмъ вамъ я извѣстенъ⁴. Причина этихъ переговоровъ его съ Найманами была та, что владѣнія Керайтскія были рядомъ съ Найманскими, между ними не было другаго народа; а потому они издавна другъ другу были врагами, то дрались, то мирились. Оба, и отецъ и сынъ, повѣрили словамъ Чамуки-чечена, но говорили: „сынъ Есукай - Багадура, Чингизъ - ханъ, сдѣлалъ для насъ много добра; его благодѣянія неисчислимы. Какъ же намъ дѣлать зло ему, когда онъ никогда намъ не дѣлалъ зла? Чамука человекъ болтливый, коварный. Не хорошо, вѣря словамъ его, сдѣлаться врагомъ другу“.

Слова Унгъ-хана, что благодѣянія, оказанныя ему Есукай-Багадуромъ, велики, указываютъ на слѣдующіе случаи: у Керайтскаго, Мергуза, было два сына, старшій Курчакуръ, младшій Кюръ-Мергузъ. По смерти хана братья раздѣлили пополамъ владѣнія, и каждый управлялъ своею частію. У Курчакура было пять сыновъ: старшій Унгъ-ханъ, второй Ирке-кара, третій Байтимуръ, четвертый Камишай, пятый Джакембу. Всѣ они были умны, храбры; Курчакуръ, женивъ своихъ сыновей, умеръ. Они послѣ отца, не раздѣлявши между собой надлежащимъ образомъ народа и имѣнія, не могли ужиться: мало было подданныхъ, а много было правителей. Унгъ-ханъ и младшій изъ братьевъ Джакембу составили партію, противъ партіи, составленной Ирке-карою, съ младшими двумя братьями. Когда произошла между ними битва, Унгъ-ханъ побѣдилъ, а Ирке-кара, убѣжавъ, ушелъ къ Найманамъ. Получивъ отъ Наймановъ помощь, онъ выгналъ Унгъ хана и сдѣлался властителемъ юрта. Унгъ-ханъ,

убѣжавъ, искалъ покровительства у Есукай-Багадура. Есукай-Багадуръ выступилъ въ походъ съ конницею и выгналъ Ирке-кару, возвелъ Унгъ-хана на престолъ отцовъ и возвратился въ свой юртъ. Ирке-кара ушелъ къ дядѣ своему Гюръ-хану, который чрезъ посла говорилъ племяннику Унгъ-хану: „Послѣ отца осталось васъ пять братьевъ, и доселѣ между вами нѣтъ мира. Разберите, что между вами хорошо и что худо, раздѣлите поровну владѣнія и живите спокойно“. Унгъ-ханъ не соглашался на слова дяди. Гюръ-ханъ разгнѣвался на то, что Унгъ-ханъ не дѣлаетъ по его совѣту и пошелъ противъ него войною. Все простолудье изъ подвластныхъ Унгъ-хану отказалось идти въ битву; Унгъ-ханъ, имѣя мало людей, не отважился сразиться и ушелъ къ Есукай-Багадуру. Есукай-Багадуръ въ другой разъ выступилъ съ конницею, въ битвѣ убилъ Ирке-кару, Унгъ-хана поставилъ ханомъ и возвратился домой. Такъ Унгъ-ханъ сдѣлался великимъ ханомъ, и могущество его, возрастая со дня на день, уже не умалялось.

Теперь, забывъ эти благодѣянія, Унгъ-ханъ отправилъ къ Чингизъ-хану Бувдай-Кенджата съ приглашеніемъ его къ себѣ, какъ бы для того, что онъ хочетъ отдать за него свою дочь, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы убить его, когда онъ пріѣдетъ къ нему. Этотъ человекъ, Бувдай, былъ при Унгъ-ханѣ букауломъ: Монголы букаула называютъ кенджатъ. Въ то время жилища ихъ были въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго; Чингизъ-ханъ, не зная внушеній Чамуки и коварства Сянкуна, отправился въ домъ Унгъ-хана, взявъ съ собою двухъ человекъ. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Менгликъ-ичеге и все пересказалъ ему объ умыслѣ Унгъ-хана. Чингизъ-ханъ сказалъ Бувдай-кенджату: „въ нынѣшніе дни скотъ у меня тощъ, исхудалъ; если Богъ благоволитъ, я чрезъ нѣсколько дней пришлю извѣстіе“. Ласково угостивъ Бувдай-кенджата, онъ спустилъ его. Спустя дней шесть послѣ этого происшествія, къ Чингизъ-хану пришли два мого-

дыхъ человѣка, — старшій изъ нихъ назывался Бадай, младшій Кышлыкъ, — съ тѣмъ, чтобы передать ему нѣкоторыя вѣсти. На распросъ Чингизъ-хана Бадай отвѣчалъ: „я былъ жонскимъ пастухомъ у Буке - Джирана Керайтскаго. Вчера изъ табуна я принесъ молоко въ домъ его, и когда остановился внѣ его, слышалъ слова младшаго брата Буке-Джиранова, Алааги; онъ говорилъ: „Букдай-Кенджатъ ѣздилъ къ Чингизъ-хану, возвратился оттуда и на совѣтъ говорилъ, что Чингизъ-ханъ узналъ о нашемъ умыслѣ. Такъ наше дѣло не можетъ придти въ исполненіе хитростью и обманомъ. Завтра ночью мы пустимся въ походъ и до восхожденія зари нападемъ на Чингизъ-хана въ его домъ“. Услышавъ эти слова, я отдалъ молоко и поспѣшилъ явиться сюда, чтобы передать тебѣ слова ихъ“. Чингизъ-ханъ, получивъ такую вѣсть, передалъ ее народу, который былъ на его сторонѣ; велѣлъ своему дому перекочевать въ другое мѣсто, и, провожая его, сказалъ: „я найду васъ на рѣчкѣ Балчунѣ“. Самъ онъ остался на мѣстѣ съ людьми, вооруженными луками и стрѣлами; ихъ было двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ; ночью они сидѣли въ юртѣ, держа за узды своихъ коней; по утру, когда солнце поднялось на два копейныя древка, явился непріатель, въ числѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Обѣ стороны стали въ боевой порядокъ. При Чингизъ-ханѣ былъ умный совѣтникъ, Маньытъ родомъ, Куюлдаръ-чеченъ; когда ханъ потребовалъ отъ него совѣта, онъ сказалъ: „я съ своимъ отрядомъ зайду въ тылъ непріателю и тамъ водружу свое знамя; а вы будьте противъ фронта его“. Куюлдаръ это выполнилъ. Чингизъ-ханъ, начавъ битву, отбивалъ нападенія. Керайты сдѣлали на него три быстрыя атаки, но въ каждую были отражены, четвертую атаку сдѣлалъ старшій сынъ Унгъ-хана, Сянкунъ; но когда онъ усиливался разбить фронтъ, его ранили въ лицо копьемъ; тутъ много Керайтовъ было убито, и нѣсколько было ранено; они отступили. Тогда Чингизъ-ханъ сказалъ: „если мы дольше будемъ здѣсь стоять, то намъ не мновать бѣды,

потому что къ нимъ много людей придуть на помощь. Теперь, пока непріятель насъ не видитъ, уйдемъ туда, куда откочевалъ нашъ юрть“. Онъ отступилъ, а непріятель остался на томъ мѣстѣ, и не могъ замѣтить его отступленія, обращенный своимъ фронтомъ къ противоположной сторонѣ.

Чингизъ-ханъ догналъ свой станъ на рѣкѣ Балчунѣ. Но такъ какъ воды въ руслѣ этой рѣки было мало, она не имѣла своей надлежащей полноты, то они, видя невыгоду остановиться при ней, перекочевали на берега рѣки Колы и подвигались далѣе вдоль берега ея. Встрѣтясь съ тамошними жителями, спросили ихъ, что они за люди; имъ отвѣчали: „мы Конкираты“. Въ то время главнымъ начальникомъ Конкиратовъ былъ Тюркъ-или. Ханъ чрезъ посла говорить ему: „между нами никогда не было вражды; потому мы, потерпѣвъ насиліе тамъ, на прежнемъ мѣстѣ, пришли сюда. Если ты будешь нашимъ другомъ, то будь союзникомъ нашей державѣ; а если хочешь быть врагомъ, вотъ я здѣсь“. Когда посланный пересказалъ имъ слова эти, тогда всѣ Конкираты явились предъ лице хана и отдались ему въ вѣрно-подданство. Послѣ того Чингизъ-ханъ перешелъ съ рѣки Колы на рѣку Конканаваръ и здѣсь остановился на отдыхъ. Отселѣ онъ отправилъ къ Унгъ-хану посломъ Аркайчуна-багадура, изъ поколѣнія Ильтуркинъ, чрезъ котораго говорилъ: „два раза лишившись своего владѣнія, ты приходишь къ двери отца моего, и въ оба раза отецъ мой, возвращая тебѣ твою область, возводилъ тебя на престолъ родительскій. И я такъ же въ пяти или шести случаяхъ дѣлалъ добро тебѣ“. Перечисливъ всѣ ихъ (если бы мы стали всѣ ихъ вносить въ книгу, то нашъ разговоръ былъ бы длиненъ), потомъ онъ продолжалъ: „я не присвоивалъ ни твоихъ подданныхъ, ни твоего имѣнія, и не сдѣлалъ никакой вины предъ тобою: зачѣмъ же ты мучишь и себя, мучишь и меня? У телъги если обѣ оглобли цѣлы, то она прямо катится: у телъги, на которой уложено твое счастье, одна оглобля — сынъ твой, Сян-

кунь; а другою оглоблею былъ я. Зачѣмъ ты разстраииваешь свое счастье?" Когда Аркай-чунъ сказалъ эти слова, Унгъ-ханъ отвѣчалъ: „Чингизъ-ханъ что ни говоритъ, всегда говорить правду. На его слова я никакого не даю отвѣта. Настоящія дѣла затѣялъ Сянкунъ, поди къ нему, пусть онъ отвѣчаетъ“. Аркайчунъ явился къ Сянкуну, и этотъ сказалъ ему: „станемъ сражаться, кому изъ насъ Богъ дастъ побѣду, тотъ и царствуй. Вотъ мой отвѣтъ!“ Чингизъ-ханъ нѣсколько разъ еще посылалъ посла съ прошеніемъ мира, Унгъ-ханъ не мирился. Когда вся надежда на примиреніе исчезла, онъ выступилъ съ войскомъ. Унгъ-ханъ, услышавъ объ этомъ, вышелъ на встрѣчу ему; они сразились, Чингизъ-ханъ остался побѣдителемъ. Унгъ-ханъ и сынъ его Сянкунъ, каждый съ челоуѣками шестью, спаслись бѣгствомъ. Область Керайтская была вторая по достоинству, многосельная и раздѣлялась на четыре удѣла: Чингизъ-ханъ сдѣлался обладателемъ всѣхъ ихъ.

Унгъ-ханъ между тѣмъ пробирался къ хану Найманскому. На пути во владѣнія Наймановъ, онъ встрѣтился съ двумя изъ главныхъ вельможъ Таянгъ-хановыхъ, Хуріемъ и Сумаджуть-Танивою; между Керайтами и Найманами издавна была вражда: вельможи, предполагая, что если они Унгъ-хана живаго приведутъ къ Таянгъ-хану, онъ не умертвитъ его, но сохранить его жизнь, убили его на томъ мѣстѣ, принесли къ Таянгъ-хану голову Унгъ-хана и все имѣніе, при немъ бывшее. Таянгъ-ханъ винилъ князей за этотъ поступокъ и сказалъ: „такого великаго государя и еще старца зачѣмъ вы убили? Вамъ должно было бы его живаго привести ко мнѣ“. Онъ велѣлъ обдѣлать серебромъ голову Унгъ-хана и поставилъ ее на тронъ, обративъ лицомъ къ двери. Однажды Унгъ-хановъ сухой черепъ, высунувъ изо рта языкъ, ворочалъ имъ и три раза въ тотъ день такъ дѣлалось; Найманскіе старики почли это дурнымъ предзнаменованіемъ. Сянкунъ же воротился въ свой юртъ, жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ; народъ задумалъ схватить и убить его. Узнавъ объ этомъ умыслѣ, онъ

скрылся и ушелъ въ землю Хотанскую. Хотанскій правитель Кылычъ-кара, изъ поколѣнія Каль-ачьскаго, схватилъ его и убилъ, а его женъ и дѣтей вмѣстѣ съ головою Санкуна ого-слалъ къ Чингизъ-хану.

Возведеніе Чингизъ-хана въ ханское достоинство.

Чингизъ-ханъ достигъ высшей степени могущества: только сильнѣйшія изъ сосѣднихъ поколѣній не признавали надъ собою его власти; слабѣйшія и малолюдныя одно за другимъ покорились ему. Въ пятьсотъ девяносто девятомъ году гиджры (1202, 3 Р. X.), въ годъ свиньи, на четырехдесятомъ году жизни, его возвели на ханство. Въ мѣстечкѣ Наманъ-кере ханъ сдѣлалъ пиръ и далъ обѣдъ: въ это время туда пришелъ Кюкче, сынъ Менглива-ичега, изъ поколѣнія Кунузмарскаго; въ народѣ Кюкче звали Тенгринингъ бети „лице Бога“. Онъ говорилъ: „мнѣ сказано было отъ Бога: поди въ Темучину, къ его подданнымъ и ко всѣмъ людямъ, и скажи имъ: отнынѣ да не называютъ Темучина этимъ именемъ; владычество надъ всею землею я отдалъ Чингизу, его дѣтямъ и потомкамъ“. Слово чингъ значитъ великій: чингизъ есть множественное число этого слова. Кюкче въ зимнее время, въ жестокіе морозы, какіе бывають въ Монголіи, ходилъ нагой и босой: онъ сказывалъ: „каждый день ко мнѣ невидимо приводятъ сѣраго коня, я сажусь на него, отправляюсь на немъ на небо и тамъ бесѣдую съ Богомъ“.

Битва Чингизъ-хана съ Найманами и его побѣда надъ ними.

Таянгъ-ханъ, государь Найманскій, отправивъ посла къ князю Унгутскому, Алагушъ-тегину, говорилъ: „Чингизъ-ханъ покоряетъ себѣ поколѣнія, которыя стояли внѣ всякихъ от-

пошений къ его подданнымъ; хорошихъ среди нихъ людей истребляетъ, а чернь подчиняетъ себѣ. Керанты были главною областью нашего юрта; всѣхъ лучшихъ людей, начиная съ хана ихъ, онъ избилъ, а простолюде подчинилъ себѣ; небольшія поколѣнія по страху сами передаются ему. Прежніе умные люди говорили: десять дервишей помѣстятся на одномъ коврѣ, а два государя не помѣстятся въ одной стѣнѣ. Теперь чреда не доходить ли и до тебя и до меня? Покуда Чингизъ-ханъ еще не напалъ на насъ, соединимся, и, призвавъ на помощь Бога, истребимъ его“. Алакушъ-тегинъ, услышавъ эти слова, послалъ къ Чингизъ-хану своего чиновника и ему велѣлъ пересказать все, что говорено было Таянъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ, какъ скоро услышалъ это, созвалъ своихъ князей и совѣтовался съ ними объ этомъ. Князья говорили: теперь кони у насъ истомлены; когда они поправятся, тогда пойдемъ въ походъ противъ Наймановъ. Младшій братъ отца Чингизъ-ханова, Дарбутай-утджинъ, сказалъ: „вы отговариваетесь изнуреніемъ коней, но кто сегодняшнее дѣло откладываетъ до завтра, тотъ никакого дѣла не кончитъ. Если тощи ваши кони, то жирные кони найдутся въ моей волости: каждому изъ васъ дамъ по коню“. Въ шестисотомъ году гиджры (1203, 4 Р. Х.), въ годъ мыши, Чингизъ-ханъ выступилъ въ походъ противъ Таянъ-хана. Въ челѣ своего войска онъ поставилъ Чепе-нойяна. Онъ взялъ языка и послалъ его къ хану. На разспросы хана онъ рассказалъ, что къ Таянъ-хану, на берегу рѣки Алтая, сверхъ Найманскаго войска, собрались войско Меркитское, войско Ойратское, Джуйратское, и всѣ, соединившись съ Таянъ-ханомъ, идутъ на Чингизъ-хана. Таянъ-ханъ узналъ о приближеніи Чингизъ-хана и вывелъ противъ него свое войско: передовая стража извѣстила объ этомъ Чингизъ-хана. Въ томъ мѣстѣ онъ устроилъ полки свои къ битвѣ: правой рукѣ поставилъ начальникомъ Джучи-касара; старшаго сына своего Джучи-хана лѣвой рукѣ, а самъ управлялъ центромъ. Съ утра до

заката солнечнаго продолжалась битва. Таянгъ-ханъ былъ тяжело раненъ, Найманское войско отступило; послали Таянгъ-хана на лошадь, но не могли ѣхать. Битва происходила у подошвы горы; они съ Таянгъ-ханомъ поднялись на гору; во сколько ни дѣлали ему вопросовъ, онъ не могъ отвѣчать. Найманскіе беки, видя хана въ безнадежномъ положеніи, сказали: „лучше умереть, чѣмъ безславно оставить своего государя, свою родину, и идти въ чужое отечество“. Оставивъ Таянгъ-хана въ томъ мѣстѣ, они спустились съ горы, сразились съ Чингизъ-ханомъ; когда ихъ осталось мало, Чингизъ-ханъ велѣлъ сказать имъ: „я прощаю васъ, оставляю мечь за кровь; такіе воины заслуживаютъ хлѣбъ и соль, положите ваши луки и идите ко мнѣ“. До шести разъ говорили имъ это, они не соглашались и бились до послѣдняго. Когда всѣ они пали въ битвѣ, люди, оставшіеся съ Таянгъ-ханомъ, посадили хана на лошадь и пустились въ бѣгъ; во время бѣгства онъ умеръ. Сынъ Таянгъ-хана, Кючлюкъ, спасшись отъ этой битвы, ушелъ къ дядѣ Таянгъ-ханову, Бююрукъ-хану.

Смерть Чамуки-чечена.

Мы рассказали выше, какъ Чамука-чеченъ, Джуйратъ, былъ виновникомъ военныхъ смуть, своими внушеніями Сявуну, сыну Унгъ-ханову. По смерти Унгъ-хана, онъ перешелъ къ хану Найманскому, а по смерти Таянгъ-хана ушелъ въ свой домъ. Джуйраты, въ общемъ совѣтѣ, разсуждали между собою: „Чингизъ-ханъ намъ властитель и одного съ нами поколѣнія; а Унгъ-ханъ карайтскій что намъ былъ? Таянгъ-ханъ Найманскій что намъ былъ? слѣдуя его внушеніямъ, мы должны были воевать съ Чингизъ-ханомъ. Всѣхъ этихъ дѣлъ затѣйщикъ Чамука-чеченъ. Если мы не избавимся отъ него, то намъ не быть уже народомъ“. Потому они схватили Чамуку, связали ему руки и ноги и представили его Чип-

гизъ-хану. Ханъ велѣлъ его умертвить, разнявъ его по суставамъ. Когда его рѣзали по суставамъ, онъ сказалъ: „скажу отъ души правду; если бы Чингизъ-ханъ попался въ мои руки, то я также велѣлъ бы разнять его по суставамъ. Мое желаніе не исполнилось!“

Покореніе Меркитовъ и Тангута.

Пораженіе Таянгъ-хава было осенью. Чингизъ-ханъ слѣдующую зиму пробылъ дома; весною выступилъ противъ Меркитовъ. Начальникомъ ихъ былъ Токта-бикъ, бывший вмѣстѣ съ Таянгъ-ханомъ, когда онъ потерпѣлъ пораженіе. Не имѣя силъ бороться съ Чингизъ-ханомъ, онъ бѣжалъ къ Найманскому хану, Буюруку. Чингизъ-ханъ покорилъ Меркитовъ и присоединилъ ихъ къ своей державѣ.

Потомъ онъ отправился въ походъ на Тангутъ. Правитель Тангута заперся въ крѣпости; Чингизъ-ханъ въ нѣсколько дней взялъ крѣпость и сравнял ее съ землею, убилъ государя Тангутскаго, и, поставивъ въ обѣихъ областяхъ правителя, возвратился домой.

Походъ Чингизъ-хана противъ Найманскаго хана, Буюрукъ хана.

Чингизъ-ханъ прожилъ въ домѣ зиму того года, въ который возвратился изъ похода Тангутскаго; весною онъ выступилъ противъ Буюрукъ-хана. Онъ былъ уже близко къ Буюруку, а этотъ, не слыша о походѣ Чингизъ-хана, съ немногими людьми выѣхалъ на охоту и встрѣтился съ Чингизъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ схватилъ его въ этомъ мѣстѣ и отрубилъ ему голову. Сынъ Таянгъ-хана, Кючлюкъ, и меркитскій ханъ Тукта-бикій съ своими сыновьями, Джелауномъ и Миджаромъ, не подверглись участи хана, ибо не поѣхали на охоту. Изъ свиты Буюрукъ-хана одинъ человѣкъ успѣлъ убѣ-

жать и извѣстить ихъ о семъ; Кючлюкъ и Токта-бикій бѣжали и ушли на Иртышъ. Чингизъ-ханъ, завладѣвъ домою и областью Буюрукъ-хана, возвратился въ орду свою.

Присоединеніе Киргизовъ къ Чингизъ-хановой державѣ.

Чингизъ-ханъ отправилъ къ Киргизамъ послами Алтана и Турамыша, съ требованіемъ покорности. Въ то время государемъ Киргизовъ былъ Урусъ-Иваль. Онъ, изъявивъ покорность Чингизъ-хану, послалъ къ нему лучшихъ людей съ дарами. Изъ даровъ самымъ лучшимъ былъ бѣлый кречеть, у котораго ноги, носъ и глаза были красные.

Чингизъ-ханъ преслѣдуетъ Кючлюка и Токта-бикія.

Пробывъ дома зиму, съ наступленіемъ весны онъ пустился преслѣдовать Кючлюка. Когда опъ приблизился къ Иртышу, ему встрѣтились Ойраты (и Карлыки); княземъ Ойратовъ былъ Кунука-бикі, ханомъ Карлыковъ—Арсланъ. Они, сознавая себя слабыми, а Чингизъ-хана сильнымъ, покорились ему. Ханъ сдѣлавъ ихъ вожаками, на берегахъ Иртыша настигъ Кючлюка и Токта-бикія; они не въ состояніи были сражаться съ нимъ и обратились въ бѣгство. Ханъ, преслѣдуя ихъ, схватилъ Токта-бикія и велѣлъ убить его. Кючлюкъ спасся и ушелъ въ Туркестанъ къ хану Кара-Китайскому, Гуръ-хану. Гуръ-ханъ принялъ его съ великою честію, отдалъ за него свою дочь и назвалъ его своимъ сыномъ. Чингизъ-ханъ же возвратился оттуда въ свою орду.

Подданство Уйгуровъ.

Государь Уйгурскій, Иди-кутъ, покорившись Гуръ-хану Кара-Китайскому, платилъ ему дань скотомъ, и Гуръ-ханъ

поставилъ даругой этому народу своего придворнаго Шадикюма. Шадикюмъ, поселившись въ этомъ народѣ, началъ дѣлать столько притѣсненій и обидъ, что Уйгуры, крайне оскорбленные имъ, не могли спосить дурныхъ его поступковъ. Въ то время походы Чингизъ-хана на Монголовъ и на Китай и всѣ его подвиги сдѣлались извѣстными между народами міра: Иди-вуть, убивъ Гуръ-хапова сановника Шадикюма, отправилъ посла къ Чингизъ-хану и говорилъ: „слыша славу твоихъ подвиговъ, раскрываю коверъ сердца моего для принятія благосклонности твоей: надѣюсь, доколѣ продолжится жизнь моя, быть покорнымъ и усердно служить тебѣ“. Посолъ когда исполнилъ свое дѣло въ Ордѣ Чингизъ-хана, Чингизъ-ханъ, избравъ въ послы Дурбая, отправилъ его къ государю Уйгурскому, Иди-вуту. Когда Иди-вуть, съ богатыми дарами явившись къ Чингизъ-хану, изъявилъ ему свою покорность, Чингизъ-ханъ съ своей стороны, оказавъ Иди-вуту вниманіе и ласку, щедро его угостилъ и честилъ. Въ это время Иди-вуть говорилъ Чингизъ-хану: „пользуясь благоволеніемъ властелина вселенной, смѣю надѣяться быть пятымъ сыномъ его“. Чингизъ-ханъ понялъ, что онъ за себя проситъ у него дочь его и выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей. Присовокупляю къ свѣдѣнію, что слово Иди-вуть на Монгольскомъ языкѣ значитъ „счастливый“.

Завоеваніе Чингизъ-ханомъ Китая, Кара-Китая и Джурджита.

Властитель земли Чингизъ-ханъ, не имѣя болѣе враговъ въ Монголіи, собралъ въ одно мѣсто всѣхъ Монголовъ и сказалъ: „Китайскій государь Алтанъ-ханъ много зла дѣлалъ моему отцу и родственникамъ моимъ. Теперь, при помощи Бога всевышняго, хочу покорить Китайское царство и надѣюсь отомстить Алтанъ-хану за моего отца и братьевъ“. Князья, вполнѣ одобревъ намѣреніе хана, сказали: „прежде

пошли къ Алтанъ-хану посла; если онъ, исполняя твое слово, подчинится тебѣ, то хорошо; а если этого не будетъ, то надобно воевать съ нимъ“. Чингизъ-ханъ, избравъ посломъ одного изъ сановниковъ своихъ, Чекаръ-ходжу, отправилъ его къ Алтанъ-хану и велѣлъ сказать: „Вѣчный Богъ даровалъ мнѣ владычество надъ землею; слава моя разносится среди народовъ міра. Ты, Алтанъ-ханъ, услышавъ эти слова мои отъ посла моего, покорись мнѣ и признавай меня верховнымъ государемъ. Если не сдѣлаешь этого, я выступлю съ многочисленнымъ войскомъ и рассчитаюсь съ тобою въ дружбѣ и враждѣ; тогда увидимъ, на чью голову Вѣчный Богъ возложитъ вѣнецъ величія и кого покроетъ ковромъ униженія?“ Чекаръ-ходжа, прибывъ въ орду Алтанъ-хана, пересказалъ всѣ слова Чингизъ-хана. Алтанъ, разгнѣванный ими, сказалъ Чекаръ-ходжѣ: „Чингизъ-ханъ не долженъ равнять меня съ другими Тюрками; а если у него есть охота драться, пусть скорѣе идегъ сюда: я не замедлю помѣриться съ нимъ силами“. Чекаръ-ходжа, принявъ отпущекъ, на обратномъ пути внимательно осмотрѣлъ и узналъ дороги, мѣста, горы, рѣки въ Китаѣ. Возвратившись къ Чингизъ-хану, онъ подробно передалъ слова Алтанъ-хана. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, объявилъ походъ и съ многочисленнымъ ополченіемъ отправился на Алтанъ-хана. Алтанъ-ханъ также вывелъ изъ владѣній своихъ безчисленную рать. При входѣ въ одну долину, по которой дорога была уже Сирата, Алтанъ-ханъ расположился со своимъ войскомъ. Чингизъ-ханъ, прибывъ въ эту страну, овладѣлъ многими областями ея; истребилъ много жителей, нѣкоторыя области ея предалъ пламени. Алтанъ-ханъ выслалъ на встрѣчу Чингизъ-хану одного изъ князей своихъ съ большими силами; изъ войска Чингизъ-хана одинъ человекъ убѣжалъ и явился къ князю Алтанъ-ханову, посланному противъ Чингизъ-хана, и сказалъ: „Чингизъ-ханъ, безчисленными силами овладѣвъ однимъ великимъ Китайскимъ городомъ, огнемъ и мечемъ истребивъ его жителей, идетъ

съ множествомъ плѣнниковъ; изъ нихъ одинъ я убѣжалъ“. Князь Алтанъ-хановъ, услышавъ это, съ большими силами выступилъ и наткнулся на войско Чингизъ-хана, который, предварительно извѣщенный о приближеніи непріателя, двинулся съ большими силами, и, положившись на Бога, встрѣтилъ лицомъ къ лицу Алтанъ-ханова князя, вступилъ съ нимъ въ жестокой бой. При помощи Бога Всевышняго, Чингизъ-ханъ поразилъ князя, истребилъ его войско и овладѣлъ многими крѣпостями Китайскими. Послѣ того съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ Чингизъ-ханъ устремился въ долину, гдѣ стоялъ Алтанъ-ханъ: здѣсь битва между ними была продолжительна; наконецъ Алтанъ-ханъ, потерявъ до тридцати тысячъ человекъ, отступилъ къ Ханъ-балыку. Въ Ханъ-балыкѣ кто дѣлался государемъ и вступалъ на царскій престолъ, титуловался Алтанъ. Послѣ этой битвы Чингизъ-ханъ овладѣлъ многими областями Китайскими.

Возвращеніе Чингизъ-хана послѣ примиренія съ Алтанъ-ханомъ и женитьбы на его дочери.

Алтанъ-ханъ, бѣжавъ отъ Чингизъ-хана, когда пришелъ въ Ханъ-балыкъ, услышалъ, что Чингизъ-ханъ, овладѣвъ многими областями, идетъ къ Ханъ-балыку, на совѣтъ со своими беками спрашивалъ: „что лучше—воевать или примириться съ Чингизъ-ханомъ?“ Везирь его Чингсанъ говорилъ: „лучше примириться; потому что Чингизъ ханъ послѣ замиренія уйдетъ назадъ въ свою державу, а мы, избаваясь отъ трудовъ военныхъ, соберемъ умныхъ людей и бековъ, и, посовѣтовавшись съ ними о вѣрныхъ способахъ къ устройству державы, позаботимся привести ихъ въ исполненіе“.—Алтанъ-ханъ, склонившись на мнѣніе везира, отправилъ посла къ Чингизъ-хану и въ даръ ему послалъ свою дочь, которая была еще подъ покрываломъ дѣвства. Чингизъ, ханъ вселенной, благосклонно принялъ посла Алтанъ-ханова,

взялъ за себя дочь его, къ нему присланную, съ удовольствіемъ помирился съ нимъ, и возвратился въ свою державу.

Алтавъ-ханъ, видя госуларство свое въ разстроенномъ положеніи, отправился въ городъ Темкинъ. Этотъ городъ построенъ былъ отцемъ Алтанъ-хана. Онъ былъ чудно укрѣпленъ; окружность его была въ сорокъ фарсанговъ; онъ стоялъ на берегу большой рѣки: если во время утренней молитвы въ лодкѣ отплывали отъ того конца его, то уже въ вечернее молитвословіе выходили на этомъ концѣ. Вокругъ города построены были еще три крѣпости: такъ укрѣпленъ былъ этотъ городъ! Алтанъ-ханъ, отдавъ Ханъ-балыкъ своему сыну, самъ отправился въ городъ Темкинъ. Алтанъ-ханъ, во время своего переѣзда изъ Ханъ-балыка, велѣлъ казнить смертію нѣкоторыхъ Кара-Китайскихъ начальниковъ за неважныя вины; поэтому нѣсколько Китайскихъ наѣзниковъ у сына Алтанъ-ханова отогнали коней, овецъ, верблюдовъ и коровъ и присоединились къ войску Чингизъ-хана. Послѣ того одинъ молодой человекъ изъ Кара-Китайцевъ произвелъ мятежъ; овладѣвъ нѣкоторыми областями Китая, онъ отправилъ посла къ Чингизъ-хану, а напоследокъ и самъ съ своимъ народомъ вступилъ въ службу этого властителя вселенной и награжденъ царскимъ благоволеніемъ и державною милостію. Такимъ образомъ многіе изъ бековъ Алтанъ-хана, единственно по благодарности къ милостямъ его, уходили отъ него и присоединялись къ ордѣ Чингизъ-хана. Алтанъ-хановъ сынъ, спустя пять мѣсяцевъ, видя непостоянство и перевороты счастья, поручилъ управленіе Ханъ-балыкомъ князьямъ, а самъ ушелъ къ отцу своему. Чингизъ-ханъ, получивъ извѣстіе о слабости Алтанъ-хана, послалъ Самукабагура и Месканъ-багура съ сильнымъ войскомъ взять Ханъ-балыкъ. На дорогѣ къ Ханъ-балыку многіе изъ Кара-Китайцевъ соединялись съ сими двумя полководцами и шли къ тому городу. Въ это время Алтанъ-ханъ услышалъ, что въ Ханъ-балыкѣ насталъ сильный голодъ; потому онъ съ

двумя князьями, подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, отправились въ Хань-балыкъ нѣсколько харваровъ хлѣба. Эти два князя, когда везли хлѣбъ, встрѣтились съ двумя Чингизьхановыми военачальниками; началась жестокая битва: Алтаньхановы князья, ихъ войско, весь хлѣбъ достались князьямъ Чингизьхановымъ. Алтаньханъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, принялъ ядъ и умеръ. Послѣ этого городъ Хань-балыкъ покорился Чингизьхановымъ вождямъ. Воеводы монгольскіе послали къ Чингизьхану извѣстіе, что они овладѣли Хань-балыкомъ, казною и великими сокровищами Алтаньхановыми. Чингизьханъ отправилъ въ Хань-балыкъ Кутукту-нойяна съ двумя князьями, приказавъ имъ перевезти къ нему казну Алтаньханову. Эти три князя, уложивъ во вьюки казну и прочія сокровища, перевезли ихъ къ Чингизьхану. Чингизьханъ, въ пять лѣтъ овладѣвъ многими областями Китая, поставилъ въ нихъ правителей и даругъ и возвратился въ свою Орду.

Потомъ онъ сдѣлалъ походъ въ область Акашинъ: въ нынѣшнее время это владѣніе называютъ Тангутъ. Онъ овладѣлъ всею этою областію.

Онъ въ своемъ умѣ предполагалъ еще разъ сдѣлать походъ на Китай и покорить всѣ остальные области его; но это намѣреніе было оставлено имъ потому, что сынъ Найманскаго хана, Кючлюкъ, по смерти своего отца, ушелъ въ Тюркестанъ. Нѣкоторые изъ враговъ Чингизьхановыхъ, по общему согласію между собою, поставили себѣ Кючлюка государемъ, и, по совѣту султана Мохаммеда, съ которымъ они сносились чрезъ посла, взбунтовались противъ Гурьхана. Въ это время Тюркестанъ былъ въ зависимости отъ Кара-Китая; Кючлюкъ захватилъ половину владѣній Гурьхановыхъ. Чингизьханъ, извѣстясь объ этомъ, связалъ; „когда столь опасный врагъ явился на одной сторонѣ моего царства, то мнѣ нельзя пускаться въ далекій походъ,“ потому отложилъ экспедицію на Китай. Въ это же время пришла вѣсть,

что младшій братъ Меркитскаго хана, Тукта-бикія, Куду, съ тремя своими сыновьями, убѣжавъ, живегъ въ Найманскомъ юртѣ; тамъ всѣ они составляютъ враждебные замыслы: Чингизъ-ханъ выслалъ на нихъ съ большимъ войскомъ Субудайбагадуръ и Тугаджаръ-Конкирата. Они въ своемъ походѣ нашли ихъ на берегу рѣки Чумъ-мурана, сразились съ ними, поразили и истребили ихъ, взявъ много въ плѣнъ и въ неволю. Такъ въ шестьсотъ тринадцатомъ году (1216 Р. Х.) прекратилась держава Меркитская.

Высылка Бургуль-нойяна противъ Туматовъ.

Туматы, во время похода Чингизъ-ханова на Китай, возмутились. Ханъ, возвратившись изъ похода, послалъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ Бургуль-нойяна. Онъ отправился, взявъ много ихъ въ плѣнъ и въ неволю, и возвратился ко двору хана.

Сыновья, жены и наложницы Чингизъ-хана.

У Чингизъ-хана много было женъ и наложницъ, будто бы больше пяти сотъ; всѣ жены его были дочери или жены хановъ: выше всѣхъ достоинствомъ было пять женъ: первая Бурте-Кучинь, мать его сыновей; вторая Кенджу, дочь Алтанъ-хана; третья Кюйсу, жена Таянгъ-хана, четвертая Милунь. пятая Сююкянь, обѣ были дочери одного Татарина; вторая изъ этихъ двухъ сестеръ взята имъ была, когда умерла первая.

Четыре сына было у Чингизъ-хана. Старшій Джучи-ханъ, второй Джагатай-ханъ, третій Огдай-каанъ, четвертый Тулиханъ. Имя Джучи значитъ гость; Огдай значитъ великій; Тули значитъ зеркало. Каждого изъ нихъ онъ опредѣлилъ къ особой должности: распоряженію Джучія поручены были аудіенціи, пиры и управленіе домою; Джагатаю судъ и расправа: Огдлю — государственная казна и администрація;

Тулп-хану—управленіе военное. Кромѣ сихъ четырехъ сыновъ. у Чингизъ-хана было еще пять сыновъ отъ другихъ жепъ: китайскую державу до земли Алмака, онъ, при возвращеніи оттуда, отдалъ въ управленіе тѣмъ пяти сыновьямъ, подчинивъ ихъ первымъ четыремъ ихъ братьямъ. Когда Чингизъ-ханъ раздѣлялъ свои владѣнія четыремъ сыновьямъ, то, посадивъ ихъ вмѣстѣ, сказалъ имъ: „будьте между собою согласны, не враждуйте другъ съ другомъ“ и, вынувъ изъ своего колчана стрѣлу, переломилъ ее; потомъ, сложивъ вмѣстѣ нѣсколько стрѣлъ, спросилъ: кто переломитъ ихъ? Никто не могъ переломить. Чингизъ-ханъ, обратясь къ своимъ сыновьямъ, сказалъ: „вы подобны этимъ стрѣламъ: если всѣ вы, избравши одного изъ среды своей, поставите его себѣ государемъ и будете неуклонно слѣдовать его повелѣніямъ, никто не сокрушитъ васъ: но если, оставивши единодушіе, отдѣлитесь одинъ отъ другого враждою, то васъ также сокрушатъ, какъ переламываютъ одну стрѣлу“. Прекрасное было дано наставленіе.

Полодъ Чепе-нойяна противъ Кючлюка и убіеніе сего послѣдняго.

Кючлюкъ, сынъ Найманскаго хана Таанга, убѣжавъ, ушелъ въ Кара-Китай и искалъ покровительства себѣ у Гуръ-хана. На послѣдокъ, разладивъ съ Гуръ-ханомъ, онъ захватилъ его владѣнія и собиралъ къ себѣ тѣхъ изъ Монголовъ и Татаръ, которые были во враждѣ съ Чингизъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, выслалъ противъ него большое войско подъ начальствомъ Чепе-нойяна, изъ поколѣнія Пешве. Чепе-нойявъ, настигнувъ его, сразился съ нимъ, разбилъ его. Кючлюкъ бѣжалъ съ немногими людьми; остальныхъ Чепе-нойявъ истребилъ, семейства ихъ взялъ въ плѣнъ, обратилъ въ рабство, и преслѣдовалъ Кючлюка. Черезъ нѣсколько дней настигнувъ его, онъ истребилъ его нукеровъ, и Кючлюкъ съ

человѣками тремя убѣжалъ въ Бедехшанъ, на долину Саригъ-кольскую. Чепе-войянь, отправясь вслѣдъ за нимъ, на пути сколько ни искалъ его и сколько о немъ ни спрашивалъ, не могъ сыскать его. Наконецъ появившійся ему человѣкъ, который гналъ пару коней, на вопросы его сказалъ: „три человѣка, съ тѣми примѣтами, которыя тобою сказаны, ушли въ эту сторону“. Чепе-войянь, получивъ эти извѣстія, ускорилъ преслѣдованіе, поймалъ Кючлюка, и, отрубивъ ему голову, возвратился къ хану, которымъ щедро былъ награжденъ и удостоился быть любимцемъ его.

Чингизъ-ханъ отправляетъ Махмудъ-илауча посломъ къ султану Мохаммеду, шаху Харезмскому.

Чингизъ-ханъ отправилъ посла своего Махмудъ-илауча къ султану Мохаммеду, шаху Харезмскому, и велѣлъ сказать ему: „Всевышній Богъ предалъ мнѣ всѣ народы, отъ востока до предѣловъ твоего царства. Теперь нужно, чтобы ты былъ мнѣ сыномъ, содѣйствовалъ общему благу, дабы Мусульмане вкусили невозмущаемый миръ“. Махмудъ-илаучъ явился къ султану и пересказалъ тѣ слова. Однажды султанъ Мохаммедъ, позвалъ къ себѣ Махмудъ-илауча, наединѣ сказалъ ему: „спрошу тебя объ одномъ, скажи правду: имѣлъ ли право твой Государь завоевать Китайское государство?“ Говоря это, онъ снялъ съ своей руки дорогую, прекрасную жемчужину и отдалъ ее Махмудъ-илаучу. Махмудъ-илаучъ сказалъ: „влянусь Богомъ, мой Государь говоритъ истину; справедливость словъ его вамъ скоро будетъ извѣстна“. Султанъ Мохаммедъ, сильно разгнѣванный этими словами, сказалъ Махмуду: „Махмудъ! или ты не знаешь, какъ обширно, какъ великое царство, какъ могущественна моя держава? Сколько подданныхъ у твоего хана, что онъ, считая себя выше меня, называетъ меня своимъ сыномъ? Сколь велико у него войско,

что онъ превозносится надо мною?" Махмудъ-илаучъ смутился отъ словъ султана Мохаммеда и почтительно сказалъ ему: „войско Чингизъ-хана предъ твоимъ войскомъ что свѣтъ луны предъ свѣтомъ солнца“. Этими словами смягчивъ гнѣвъ султана Мохаммеда, Махмудъ-илаучъ спасъ себя отъ послѣдствій ярости его. Послѣ того поставлены были мирные договоры съ обѣихъ сторонъ: чтобы друзья одного были друзьями другаго, и чтобы враги которой-либо сторонѣ были общими врагами; чтобы не дѣлать зла другъ другу. Послы Чингизъ-хана, получивъ отпускъ отъ султана, возвратились ко двору всемирнаго завоевателя. Радуюсь заключенію мира съ султаномъ Мохаммедомъ, Чингизъ-ханъ душевно увѣренъ былъ, что какъ султанъ Мохаммедъ не замыслить ничего враждебнаго ему, такъ и онъ самъ не сдѣластъ ничего зловреднаго ему, хотя въ то время халифъ Насиръ изъ Багдада присылалъ посла къ нему и усиленно старался возбудить его противъ султана Мохаммеда и открыть войну съ нимъ; онъ нисколько не уважилъ его предложенія и не думалъ нарушить миръ, до тѣхъ поръ, какъ Гаиръ-ханъ, по повелѣнію султана Мохаммеда, убилъ Чингизъ-хановыхъ купцовъ и посланника.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, по внушенію Гаиръ-хана, убиваетъ пословъ и купцовъ Чингизъ-хановыхъ.

Въ это время земли, лежащія между Ираномъ и Тураномъ, такъ были безопасны, что если бы кто пошелъ отъ запада до востока, положивъ себѣ на голову золотой какой-либо сосудъ, то ему никѣмъ не было бы сдѣлано обиды, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился. Во владѣніяхъ Монгольскихъ не было городовъ: купцы, во всякое время отправляясь къ нимъ съ юмачемъ, одеждами, бязью, съ пестрядами, получали тамъ большіе барыши. Съ этою цѣлію нѣсколько Мавераннегрскихъ купцовъ, согласившись между собою, на верблюдахъ привезли

товары въ Орду Чингизъ-ханову. Чингизъ-ханъ, призвавъ одного изъ купцовъ, велѣлъ ему опѣнить привезенные товары: этотъ человекъ опѣнивалъ въ десять золотыхъ такую вещь, которая стоила только одинъ золотой. Такой поступокъ не понравился Чингизъ-хану, и онъ сказалъ: „этотъ человекъ воображаетъ, что онъ привозитъ сюда такія вещи, какихъ намъ никогда не приводилось видѣть и какихъ у насъ не бываетъ“, и велѣлъ своему казначею принести тканей, и этотъ пошелъ и принесъ тысячу сундуковъ съ царчами. Потомъ онъ потребовалъ товары того купца, и ихъ принесли. „Теперь, сказалъ ханъ, приведите сюда другихъ купцовъ“, ихъ привели: онъ спросилъ о цѣнахъ ихъ товаровъ, они отвѣчали: „желаемъ предложить въ даръ Вашему Величеству нашу собственность, если она только достойна Васъ; а товаровъ продажныхъ для васъ нѣтъ“. Хану понравились слова ихъ; онъ взялъ себѣ всѣ ими привезенные товары; за вещь, стоящую одну монету, онъ платилъ десять монетъ, обласкалъ и угостилъ ихъ. Сверхъ того онъ повелѣлъ своимъ князьямъ, чтобы они съ каждымъ купцомъ отправили по одному человеку: всѣхъ, отправленныхъ съ купцами, было четыреста пятьдесятъ человекъ. Трехъ изъ нихъ Чингизъ-ханъ отправилъ послами въ султана Мохаммеду: одинъ изъ нихъ былъ Махмудъ изъ Харезма, другой Али-ходжа изъ Бухары, третій Юсуфъ изъ Отрара; имъ поручено было передать слѣдующія слова: „столько-то вашихъ купцовъ, бывъ у насъ, удостоились нашего благоволенія и милостей; мы такъ же отправили отъ себя къ вамъ нѣсколько человекъ, надѣясь, что примете ихъ ласково и отпустите съ милостями. Будь мнѣ сыномъ; Всевышній намъ двоимъ отдалъ вселенную: если я буду отцемъ, а ты мнѣ сыномъ, и мы другъ другу будемъ добры, то всѣ пути будутъ безопасны, всѣ будутъ жить въ покоѣ и довольствѣ“. Посланные имъ прибыли въ Отраръ. Правитель Отрара, Инальчикъ, былъ родственникъ матери султана Мохаммеда; султанъ Мохаммедъ далъ ему имя Гаиръ-

ханъ. Купцы представились ему; одинъ изъ нихъ звалъ Инальчика и назвалъ его Инальчикомъ, а не Гаиръ-ханомъ; этотъ, обидясь этимъ словомъ, велѣлъ купцовъ арестовать и послать къ султанъ Мохаммеду увѣдомленіе, что нѣсколько человѣкъ пришли въ Отраръ для шпионства. Султанъ Мохаммедъ, не рассмотрѣвъ дѣла, велѣлъ убить ихъ и забрать ихъ товары. Гаиръ-ханъ умертвилъ ихъ и взялъ ихъ товары. Одинъ изъ купцовъ бѣжалъ и, являсь къ Чингизъ-хану, рассказалъ ему какъ съ ними поступлено. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, пришелъ въ сильный гнѣвъ, позвалъ къ себѣ князей и въ совѣтѣ съ ними рѣшилъ идти войною на султана Мохаммеда, собралъ войско, и послалъ къ нему человѣка сказать: „иду на тебя: да будетъ тебѣ это извѣстно!“

Битва Джучи-хана съ султаномъ Мохаммедомъ, шахомъ Харезмскимъ.

Джучи, старшій сынъ Чингизъ-хана, отправился въ походъ противъ народовъ нѣкотораго поколѣнія, отдѣлившагося отъ Кючюка и жившаго подлѣ Тюркестана. Въ то время султанъ Мохаммедъ узналъ, что Чингизъ-ханъ рѣшилъ восвать его державу, и, собравъ войско, пошелъ въ Самарканду, а оттуда перешелъ въ Ходженду; въ этомъ мѣстѣ онъ, получивъ вѣсть, что Джучи-ханомъ сдѣлано нападеніе на поколѣнія, жившія подлѣ Тюркестана, быстро пошелъ въ страну, гдѣ жило это поколѣніе. Между двумя рѣками, Кабли и Камаджемъ, нашелъ много убитыхъ, между ними отыскавъ одного полуживаго человѣка, распросилъ его объ этомъ; онъ рассказалъ ему: „узнавъ о походѣ Джучи-хана въ нашу землю, мы хотѣли спастись отъ него бѣгствомъ; вчера въ такое-то время онъ настигъ насъ въ этомъ мѣстѣ; мы вступили въ битву, онъ насъ разбилъ, и, захвативъ многихъ въ плѣнъ, отсель удалился“. Получивъ эту вѣсть, султанъ Мохаммедъ пустился преслѣдовать Джучи-хана и на другой

день настигъ его. Джучи-ханъ, видя, что султанъ Мохаммедъ догналъ его, совѣтовался съ своими князьями, что дѣлать. Князья говорили: „Ханъ не посылалъ насъ воевать съ султаномъ Мохаммедомъ; походъ на Джабдаловъ мы сдѣлали и поворили ихъ. Такъ какъ насъ мало, а непріятелей много, то намъ лучше итти дальше; если насъ достигнетъ немного людей, то сразимся“. Джучи-ханъ сказалъ: „что же я скажу, когда приду къ моему отцу и моимъ братьямъ? Скажу, что издали видѣлъ врага и бѣжалъ?“ Онъ не принялъ совѣта князей, приготовился къ битвѣ и сразился съ султаномъ Мохаммедомъ. Джучи-ханъ, съ передовыми отрядами войска, сдѣлалъ нѣсколько атакъ; пробившись до знамени, онъ ударовъ до трехъ сдѣлалъ по щиту султана Мохаммеда. Войско султана Мохаммеда готово уже было обратиться въ бѣгство; только султанъ-Джелаль-эд-динъ своими хорошими распоряженіями остановилъ побѣгъ войска. Битва продолжалась до самаго вечера. Когда наступила ночь, Монголы на всемъ протяженіи своего стана зажгли огни, а сами ушли. По утру войско султана Мохаммеда выступило противъ Монголовъ, но какъ они еще ночью ушли, потому воротилось въ свои владѣнія. Джучи-ханъ, явившись къ отцу, рассказалъ ему дѣла свои. Чингизъ-ханъ, довольный ими, изъявилъ ему много милостей. Султанъ Мохаммедъ, по совѣту своихъ князей, изъ которыхъ каждый представлялъ неудобства войны, распустилъ войско по областямъ своей державы, разставивъ его по крѣпостямъ, и возвратился домой. Причины упадка державы султана Мохаммеда были слѣдующія: въ одинъ вечеръ онъ, въ пьяномъ состояніи, далъ повелѣніе убить Шейхъ-Мадждъ-эд-дина Багдади, подозрѣвая его въ связи съ своею матерью, Тюрянъ-хатунъ. По утру раскаяваясь въ этомъ поступкѣ, онъ послалъ къ Шейхъ-Неджмъ-эд-дину Кюбри блюдо золота и драгоценныхъ камней съ тѣмъ, чтобы онъ испросилъ ему у Бога прощеніе въ этомъ грѣхѣ. Шейхъ отвѣчалъ: „не золото и серебро могутъ быть выкупомъ за

кровь, а голова убійцы, моя голова и головы тысячи людей.⁶ Также онъ, досадуя на повелителя вѣрующихъ, халифа Насиръ-эд-дина Абуль-Аббаса, взявъ фетву отъ муфтіевъ, возвелъ на халифатство одного изъ термизскихъ сеидовъ, Али-ль-мюлька, и велѣлъ его имя поминать въ хутбѣ и выбивать на монетѣ. Потомъ, слушаясь внушеній одного изъ своихъ близкихъ, Гаиръ-хана, не уважилъ пословъ и купцовъ Чингизъ-хановыхъ и велѣлъ убить ихъ. Если-бы мы стали рассказывать о всѣхъ худыхъ дѣлахъ его, то наша повѣсть сдѣлалась бы долгою; мы изложили ихъ кратко.

Походъ Чингизъ хана въ Бухарію.

Въ шестьсотъ пятнадцатомъ году (1218 Р. Х.) Чингизъ-ханъ съ безчисленнымъ войскомъ выступилъ въ походъ изъ своихъ владѣній и пошелъ на Отрарь. На дорогѣ съ нимъ соединился карлыкскій ханъ, Арсланъ-ханъ, съ большими своими отрядами; къ нему пришелъ Иди-кутъ изъ Бишъ-балыка съ большимъ числомъ Уйгуровъ; къ нему присоединился съ своими Текинцами Сакнакъ изъ Альмалыка. Чингизъ-ханъ отрядилъ Огдай-хана и Джагатай-хана къ Отрару, Джучи-хана послалъ къ Дженду; Алакъ-нойяна и Сюкту-бузу съ пятью тысячами человекъ послалъ къ Фенакенду и Ходженду; а самъ онъ, завоеватель вселенной, съ остальными войсками, взявъ съ собою Тули-хана, пошелъ на Бухару. Имя Бухара на монгольскомъ языкѣ значитъ средоточіе учености.

Во время перехода Чингизъ-ханова отъ Отрара къ Бухарѣ, Монголы нечаянно утромъ очутились подъ крѣпостію Зернукъ, и отъ удивленія подняли сильный крикъ. Жители Зернука тотчасъ узнали, что ихъ городъ осажденъ безчисленнымъ войскомъ, пришли въ необычайный, крайній страхъ, затворились въ крѣпости, заперли ворота. При всемірномъ завоевателѣ, въ числѣ его сановниковъ, былъ человекъ, отличавшійся умомъ, по имени Хаджетъ; онъ былъ мусульма-

нивъ. Ханъ послалъ его посломъ къ жителямъ Зернука. Умный Хаджетъ, вступивъ въ городъ, внушилъ жителямъ его, что лучше дѣлать. Весь городской народъ, отложивъ страхъ, вышелъ изъ города, явился къ хану съ богатыми дарами и изъявилъ ему свою покорность. Чингизъ-ханъ оказалъ ему благоволеніе и милость, и Зернуку далъ имя Кутлукъ-балыкъ, что значитъ „счастливый городъ“. Молодыхъ людей въ городѣ онъ взялъ съ собою въ походъ, освободивъ отъ онаго стариковъ.

Выступивъ отсюда, онъ пришелъ въ Туру. Жители Тура заперлись въ крѣпости. Вслѣдствіе многихъ переговоровъ чрезъ пословъ, они всё вышли изъ крѣпости, съ большими дарами явились къ хану. Онъ, принявъ ихъ благосклонно и милостиво, далъ повелѣніе, чтобы они, соразмѣрно количеству народа, взяли себѣ съѣстныхъ припасовъ, хлѣба птичь, быковъ, и вышли изъ города, а остальное имѣніе будетъ добычею войска. Народъ, исполняя его распоряженіе, вышелъ изъ крѣпости, а прочее все было разграблено ханскимъ войскомъ.

Продолжая походъ. Чингизъ-ханъ, въ мѣсяцѣ Мохарремѣ шестьсотъ шестнадцатаго года (1219 Р. Х.), наканунѣ праздника Ашура, въ годъ змѣи, пришелъ къ Бухарѣ и осадилъ этотъ городъ. По полуночи, беки, оставленные султаномъ Мохаммедомъ для защиты Бухары, Кюкъ-ханъ, Сююнучъ-ханъ и Кючлюкъ-ханъ, съ двадцатью тысячами человекъ сдѣлали вылазку изъ города, для отраженія Чингизъ-ханова войска. Войско хана, заблаговременно узнавъ о вылазкѣ, вступило въ бой, и, крѣпкое счастіемъ властителя царствъ, поразило двадцать тысячъ человекъ и въ одну крату времени совершенно уничтожило ихъ. Когда наступило утро, всё жители Бухары, шейхи, муллы, муфтіи, и вельможи и простолюдины, отворивъ ворота, вышли изъ города, явились къ хану съ преданностію. Ханъ, сѣвъ на коня, въѣхалъ въ городъ. Осмотрѣвъ

его, онъ прибылъ къ дверямъ соборной мечети; вѣхавъ въ мечеть на конѣ, онъ вошелъ въ предверіе ея. Мечеть эта была величественное зданіе. Ханъ спросилъ: „это зданіе не домъ ли султана Мохаммеда?“ Ему сказали, что это храмъ Бога Всевышняго. Онъ слѣзъ съ коня, взошелъ на каедрю, и, приказавъ Монголамъ, улемамъ и мюджетегидамъ, держать коня, самъ сталъ пить кумизъ. Списки Корана валялись подъ ногами коней: старшій изъ тогдашнихъ сеидовъ Бухарскихъ, увидѣвъ книги Корана подъ ногами лошадей, спросилъ мюджетегида: „это какъ?“ Мюджетегидъ отвѣчалъ: „молчи, сеидъ; время гнѣва Божія теперь“. Чингизъ-ханъ слѣзъ на коня и поѣхалъ туда, гдѣ совершался праздникъ. Повелѣвъ явиться всему народу, онъ взошелъ на каедрю и сталъ перечислять вины Мусульманъ, говорилъ о нарушеніи мирнаго договора султаномъ Мохаммедомъ, о избіеніи имъ пословъ и купцовъ; въ заключеніе сказалъ: „народъ! грѣхъ твой великъ; гнѣвъ Бога Всевышняго карастъ тебя; я только орудіе казни отъ Бога; нынѣ онъ поставилъ меня властителемъ надъ вами“. Послѣ этихъ словъ онъ сказалъ: „о имуществѣ гражданъ, которое на виду, печего говорить вамъ; но вы охотно, безъ принужденія съ нашей стороны, представьте имущество, скрытое вами въ землѣ“. Горожане отдавали все свое имущество, и бывшее на виду и спрятанное. При этомъ одинъ человекъ припелъ къ хану и сказалъ, что въ городѣ укрываются нѣкоторые изъ Харезмійцевъ; услышавъ такой доносъ, ханъ велѣлъ Монголамъ зажечь городъ; отъ пожара уцѣлѣли только каменные зданія, которыхъ въ Бухарѣ было много. Нѣсколько бековъ султана Мохаммеда заперлись было въ крѣпости-аркѣ, но ханъ взялъ ихъ и велѣлъ умертвить, а крѣпость Бухары сравнять съ землею. Такимъ образомъ Бухара представляла видъ заустѣнія до временъ Каана: по его повелѣнію ея опять возобновили.

Битва Огдай-каана и Джагатай-хана съ Гаирь-ханомъ и покореніе ими Отрара.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, поставилъ Гаирь-хана съ пятьюдесятью тысячами человекъ охранять область Отрарскую; предполагая, что Монгольское войско хочетъ идти къ Отрару, султанъ послалъ на помощь Гаиру-хану своего нукера Карачу Хаджиба съ десятью тысячами воиновъ. Съ шестьюдесятью тысячами Гаирь-ханъ заперся въ Отрарѣ; Чингизъ-хановичи пять мѣсяцевъ осаждали крѣпость; народъ въ Отрарѣ началъ унывать. Карача-хаджибъ сказалъ Гаирь-хану: „сдадимъ Отраръ сыновьямъ Чингизъ-хана и отдадимся имъ въ подданство: тѣмъ мы спасемъ себя отъ тягостей осады.“ Гаирь-ханъ не соглашался на его слова, потому что его голова была причиною настоящихъ бѣдствій. Карача-хаджибъ, видя, что Гаирь-ханъ не соглашается на его мнѣніе, сколько разъ онъ ни говорилъ ему, въ одну ночь съ десятью тысячами человекъ вышелъ изъ крѣпости воротами Дервазеи-суфи и предсталъ предъ сыновьями Чингизъ-хана. Чингизъ-хановичи сказали Карача-хаджибу: ты не соблюлъ вѣрности къ своему государю, не будешь вѣренъ и намъ, и велѣли убить его вмѣстѣ съ десятью тысячами человекъ. Монголы вошли въ Отраръ тѣми же воротами Дервазеи-суфи. Всѣхъ жителей Отрара вывели въ поле и избили. При такихъ обстоятельствахъ Гаирь-ханъ съ двадцатью тысячами человекъ заперся въ цитадели городской, и, каждый день дѣлая вылазки, въ битвахъ оказалъ опыты отличной храбрости, истребилъ много людей въ Монгольскомъ войскѣ. Но какъ онъ въ этихъ битвахъ потерялъ всѣхъ своихъ людей, то Монголы ворвались въ крѣпость. Въ этой крѣпости Гаирь-ханъ съ двумя человекъами скрылся наверху одного зданія. Оба нукера его были убиты; когда у хана, который непрестанно долженъ былъ отражать отъ себя, не стало уже стрѣлъ, то невольницы его начали посить къ нему кирпичи со стѣнъ,

и онъ кирпичами отбивался. Наконецъ его окружили, схватили и живого привезли къ царевичамъ. Въ это время царевичи получили вѣсть, что Чингизъ-ханъ, взявъ Бухару, шелъ къ Самарканду. Огдай-каанъ и Джагатай-ханъ, со всѣмъ своимъ ополченіемъ, обратились къ Самарканду; на мѣстѣ, называемомъ Кювъ-Сарай, они велѣли убить Гаиръ-хана.

Походъ Джучи-хана къ Бедженду.

Джучи-ханъ, выступивъ изъ Отрара, пришелъ къ Саганаку. Въ свитѣ его былъ одинъ мусульманинъ Хасянь-хаджи; его онъ послалъ въ Саганакъ съ повелѣніемъ посоветовать жителямъ его, чтобы они явились къ нему, сдали ему крѣпость и сами покорились. Хасянь-хаджи пошелъ въ Саганакъ, совѣтовалъ жителямъ сдаться, но они, думая, что смѣлость спасетъ ихъ, съ безразсудною дерзостію бросились на него, схватили его и убили, и потомъ, заперши ворота, затворились въ крѣпости. Джучи-ханъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ сильный гнѣвъ и далъ Монголамъ повелѣніе взять крѣпость штурмомъ. Монголы сдѣлали приступъ къ крѣпости, въ одинъ часъ взяли ее, и, въ отмщеніе за кровь Хасянь-хаджи, убили десять тысячъ Мусульманъ; сына Хасянь-хаджіева поставили правителемъ Саганака.

Отселѣ Джучи-ханъ прибылъ къ Узькенду. Жители Узькенда, вышедши изъ крѣпости, съ богатыми подарками предстали предъ Джучи-хана: ханъ изъявилъ имъ благоволеніе, не коснулся ни ихъ самихъ, ни имѣнія ихъ.

Послѣ этого дѣла Монголы сдѣлали походъ къ крѣпости Аснашъ. Жители Аснаша вышли и сразились съ ними: войско Джучи-ханово, поразивъ ихъ, всѣхъ избило.

Въ это время правитель Дженда, получивъ извѣстіе о дѣлахъ Джучи-хана, бѣжалъ изъ Дженда и ушелъ въ Харезмъ. Джучи-ханъ, услышавъ это, отправилъ посломъ къ жителямъ Дженда своего нукера Джанъ-тимура. Джендцы не

захотѣли покориться, замыслили убить Джань-тимура Джань-тимуръ, употребивъ хитрость, избавился изъ рукъ ихъ, возвратился въ станъ Джучи-хана и пересказалъ хану, какъ съ нимъ тамъ поступлено было. Джучи, разгнѣванный, пошелъ въ Дженду, осадилъ его и взялъ крѣпость. Тѣхъ изъ жителей, которые составили умыселъ противъ Джань-Тимура, велѣлъ избить. Прочимъ жителямъ онъ не мстилъ смертію, а, выведши вонъ изъ крѣпости, отдалъ на разграбленіе ихъ имѣніе, и Алія-ходжу Гудждуванійца сдѣлалъ правителемъ Дженда.

Походъ Алакь-нойяна и Сюкту-буки къ Фенакенду и Ходженду, и подвиги Тимуръ-Мелика въ Ходжендѣ.

Выше мы сказали, что Чингизъ-ханъ послалъ къ Фенакенду и Ходженду Алакь-нойяна и Сюкту-бука съ пятью тысячами человекъ. Алакь-нойянъ и Сюкту-бука осадилъ Фенакендъ. Фенакендцы, затворивши ворота крѣпости, держались въ ней до трехъ дней, но на четвертый день весь народъ вышелъ изъ крѣпости къ Алакь-нойяну и Сюкту-буку съ богатыми дарами. Тогда два эти полководца отдѣлили особо ремесленниковъ и особо воиновъ султана Мохаммеда, велѣли избить воиновъ, а ремесленниковъ и Тадживовъ погнали для соединенія съ прочими къ Ходженду, куда и сами выступили въ походъ. Пришли къ Ходженду. Правителемъ Ходженда былъ Тимуръ-Меликъ, воинъ столь храбрый, что Рустемъ и Эсфендіаръ въ день битвы не устояли бы противъ него. Въ Ходжендѣ, на срединѣ рѣки, былъ островъ; на немъ Тимуръ-Меликъ построилъ крѣпость, столь твердую, что ни одна рука созданнаго не могла взять ее. Въ этой крѣпости заперся Тимуръ-Меликъ съ тысячею человекъ. Алакь-нойянъ и Сюкту-бука, увидѣвши эту крѣпость, изумились и говорили: „какъ взять ее?“ Тимуръ-Меликъ велѣлъ построить двѣнадцать судовъ,

покрыть ихъ палубами для защиты отъ стрѣлъ; а чтобы съ нихъ стрѣлять, велѣлъ прорубить въ нихъ окна; эти суда онъ такъ устроилъ, что ни стрѣлы, ни каменеметальныя орудія не могли вредить имъ: садясь на эти суда, въ продолженіе дня, воины его такъ храбро сражались, что сами Монголы одобряли ихъ. Не могли ихъ преодолѣть, напоследокъ Монголы соединили все свои силы, которыхъ было около пятидесяти тысячъ, и, поставивши въ переднихъ рядахъ Таджиковъ, стали бросать на суда камни и чурбаны, но камни и чурбаны, отбиваемые, падали въ воду. Наконецъ, когда Монгольское войско стало одолѣвать, Тимуръ-Меликъ, уложивъ багажъ на семьдесятъ лодокъ съ тысячею воиновъ сѣлъ на тѣ двѣнадцать судовъ и ночью поплылъ внизъ по срединѣ рѣки. Алакъ нойянь и Сюкту-бука дали повелѣніе Монголамъ по берегу рѣки преслѣдовать Тимуръ-Мелика; Монголы по берегу рѣки шли рядомъ съ судномъ Тимуръ-Мелика и непрестанно сражались. Тимуръ-Меликъ, когда доплылъ до города Фенакенда, сверхъ чаянія увидѣлъ, что надъ рѣкою протянута большая цѣпь. Не могли плыть далѣе, Тимуръ-Меликъ размысливъ велѣлъ разорвать эту цѣпь; она распалась на части и суда его прошли. Но Монголы, быстро продолжая преслѣдованіе, обступили рѣку на всехъ пунктахъ и грозили Тимуръ-Мелику пораженіемъ. Тимуръ-Меликъ, видя опасность, вышелъ изъ рѣки и пошелъ въ Харезмъ сухимъ путемъ. Монгольскія войска, раздѣлившись на отряды, преслѣдовали Тимуръ-Мелика, и, настигнувъ Тимуръ-Мелика, сдѣлали на него сильный натискъ. Тимуръ-Меликъ съ тысячею своихъ витазей, оказалъ большую храбрость. Напоследокъ его воины все были убиты; за Тимуръ-Меликомъ гнались три Монгола, а у него осталось только три стрѣлы; на одной изъ нихъ не было острія; этою стрѣлою безъ острія онъ попалъ въ глазъ одному изъ трехъ Монголовъ и вышибъ ему глазъ. Монголы, видя это, перестали гнаться за нимъ. Тимуръ-Меликъ пришелъ въ Харезмъ, изъ Харезма, взявъ вой-

ска, пошелъ въ Кятъ. Въ Кятъ онъ истребилъ гарнизонъ, оставленный тамъ Чингизъ-ханомъ, и возвратился въ Харезмъ, а оттуда пошелъ къ султану Мохаммеду. Султанъ Мохаммедъ изъявилъ ему много ласки и благоволенія. Отъ него онъ удалился въ Шамъ; проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ опять возвратился въ Ходжендъ. Увидѣвъ, что Чингизъ-ханъ поставилъ правителемъ Ходженда своего сына, онъ съ своимъ сыномъ, Данишменди, отправился къ Огдай-хану. На дорогѣ онъ повстрѣчался съ однимъ изъ близкихъ къ Монгольскому государю чиновниковъ. Этотъ узналъ его и, когда вступивъ съ нимъ въ разговоръ, спросилъ о битвахъ его съ Монголами, онъ отвѣчалъ ему такъ, что чиновникъ тотъ разсердился, пустилъ въ него стрѣлу, и Тимуръ-Меликъ на этомъ мѣстѣ былъ убитъ. Алакъ-нойанъ и Сювту-бука, взявши Ходжендъ, пошли къ Самарканду и соединились съ войскомъ Чингизъ-хана.

Взятіе Чингизъ-ханомъ Самарканда.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, страшась Монгольскаго войска, оставилъ въ Самаркандѣ сто десять тысячъ человекъ подъ начальствомъ тридцати хановъ. Шестьдесятъ тысячъ Турковъ и пятьдесятъ тысячъ Таджиковъ въ этомъ войскѣ были таковы, что каждый изъ нихъ въ битвѣ не отвратилъ бы своего лица отъ лютаго тигра, отъ разъяреннаго слона. При этомъ войскѣ онъ оставилъ также двадцать слоновъ. Кромѣ тѣхъ воиновъ, о которыхъ мы сказали, было много и другихъ людей, которымъ не было счета и смѣты. Они выкопали вокругъ крѣпости ровъ, проведши его до рѣки. Чингизъ-ханъ, во время похода къ Отрару, услышавъ объ укрѣпленіи Самарканда и о многочисленности тамъ силъ, отрядилъ своихъ сыновей къ Отрару, нойановъ послалъ въ окрестности Самарканда, самъ пошелъ къ Бухарѣ; взявъ Бухару, онъ подступилъ къ Самарканду. Его сыновья, покорив-

ши Отраръ, и нойны, опустошивши область Самаркандскую, при Самаркандѣ соединились съ ордою завоевателя-хана. Войско, оставленное Харезмскимъ шахомъ въ Самаркандѣ, въ безчисленныхъ силахъ вышло чрезъ городскія ворота, начало съ однимъ изъ отрядовъ Чингизъ-ханова войска битву столь жестокою, что Харезмійцы въ этой битвѣ убили нѣсколько Монголовъ, часть ихъ взяли въ плѣнъ и, возвратясь, вошли въ Самаркандъ. На другой день, завоеватель міра самъ повелъ войско въ битву: въ этотъ день сраженіе было таково, что послѣ него никто изъ Харезмійцевъ не осмѣливался выходить изъ воротъ; но они храбро бились со стѣнъ крѣпости до самаго вечера. Тогда шейхъ-уль-ислямъ и кади Самаркандскіе явились къ хану и просили пощады; ханъ, съ своей стороны, оказалъ имъ милость и благоволеніе. Шейхъ-уль-ислямъ и кади, отправясь назадъ въ городъ, отворили Намазъ-гахскія ворота. Монголы быстро подошли, вошли въ городъ и отворили всѣ другія ворота; тогда всѣ Монголы вступили въ крѣпость и бросились грабить. Схвативъ многихъ изъ сановниковъ султана Мохаммеда, они убили до тысячи человекъ изъ нихъ такихъ, которые носили титулы хановъ. Тридцать тысячъ лучшихъ гражданъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми были отданы нойянамъ; для шейхъ-уль-ислама и кадіа были пощажены пятьдесятъ тысячъ семействъ, съ прочихъ они взяли дани двѣсти тысячъ червонцевъ. Эти событія совершились въ шестьсотъ шестнадцатомъ году (1219 Р. X).

Походъ сыновъ Чингизъ-хановыхъ въ Харезмъ.

Побѣдоносный ханъ, покоривъ Самаркандъ и Бухару, отрядилъ Джучи-хана, Оздай-каана и Джагатай-хана въ Харезмъ. Царевичи съ безчисленною ратію выступили въ походъ на Ургенджъ. Въ это время въ Харезмѣ изъ бековъ шаха Харезмскаго были Хаммаръ-тегинъ, Монголь, Хаджебъ и Фе-

ридунъ-гури. Хаммаръ-тегинъ былъ братъ Тюрканъ-хатуни, матери Харезмскаго шаха. Онъ поставилъ его правителемъ въ Ургенджъ. Въ Ургенджъ было столько народа изъ придворныхъ чиновниковъ Харезмскаго шаха, изъ вельможъ и благородныхъ, что число ихъ знаетъ только Всевышній Богъ. Эти мусульмане жили, не обращая вниманія на превратности судьбы: вдругъ небольшой отрядъ конныхъ Монголовъ явился у городскихъ воротъ и угналъ стоявшихъ тамъ коней и ословъ. Около тысячи человекъ, конныхъ и пѣшихъ, пустились въ погоню за Монголами. Въ разстояніи на одинъ фарсахъ отъ Ургенджской крѣпости былъ садъ, называвшійся Баги-хорраманъ: при этомъ садѣ они настигли Монголовъ. Въ томъ мѣстѣ много Монголовъ укрывалось въ засадѣ: ихъ конница вдругъ съ двухъ сторонъ бросилась на Ургенджцевъ; битва была столь жестока, что изъ множества Ургенджцевъ возвратились въ крѣпость только человекъ десять. Монголы, преслѣдуя ихъ, дошли до предмѣстія Тенуре, напали на это предмѣстіе, до самаго вечера грабили его и, зажегши его, отступили. На слѣдующее утро, отрядъ Монголовъ подошелъ въ крѣпости, и, расположившись цѣпью вокругъ города, осматривалъ крѣпость. Князь султана Мохаммеда, шаха Харезмскаго, Феридунъ-гури, съ пятьюстами человекъ, стоялъ у городскихъ воротъ и видѣлъ, что Джучи-ханъ, Огдай-каанъ и Джагатай-ханъ, съ безчисленнымъ коннымъ войскомъ, подошли къ Ургенджу и осадили его со всѣхъ сторонъ. Царевичи прислали въ Ургендж посла и говорили: „если вы, покорившись намъ, будете нашими подданными, то сами вы будете спасены, ваши семейные не будутъ плѣнниками и рабами“. Ургенджцы не согласились на это и не преклонили выи своей для покорности. Послѣ того Харезмское войско, въ продолженіе семи мѣсяцевъ, каждый день съ утра до вечера, сражалось. Монголы, вокругъ Ургенджа не находя камней для катапультъ, рубили стволы тutowыхъ деревьевъ, вляли ихъ въ катапульты и бросали въ осажденный городъ. Монголы

зadумали отвести въ сторону рѣку Джейхунъ, чтобы отнять воду у Ургендцевъ. Для отведенія Джейхуна три тысячи Монгольскаго войска заняли то мѣсто, гдѣ хотѣли остановить рѣку. Ургендцы узнали объ этомъ дѣлѣ, вышли изъ города, и, окружавши тѣ три тысячи Монголовъ, такъ сильно ударили на нихъ, что изъ трехъ тысячъ не спасся ни одинъ человѣкъ. Монголы никакъ не могли взять Ургенджа, потому что между царевичами возникнулъ раздоръ. Чингизъ-ханъ, услышавъ, что они не могли взять Ургенджа въ продолженіе семи мѣсяцевъ, чрезъ посла сказалъ: „Джучи-ханъ и Джагатай-ханъ должны Окладъ-каана считать своимъ вождемъ и подчиняться его распоряженіямъ, другъ другу не противиться, и, при такомъ единодушіи, храбро биться съ Хarezміяцами.“ Царевичи, получивши такой приказъ отъ отца, подчинились Окладю, прекратили между собою ссоры, и мужественно противопоставили Хarezмскому войску, давали жестокія битвы. Наконецъ, взявши Ургенджъ, во всѣхъ частяхъ зажгли его, всѣхъ жителей выгнали въ поле; изъ нихъ выбрали до ста тысячъ семействъ, занимавшихся какими-нибудь ремеслами; молодыхъ людей, женщинъ и дѣтей взяли въ рабство; а остальныхъ жителей раздѣлили между воинами: каждому въ войскѣ досталось по двадцати четыре человѣка; царевичами данъ приказъ убить ихъ и Монголы всѣхъ ихъ перебили.

Разсказываютъ, что какъ слава господина шейха Неджмъ-уд-дина разносилась въ мірѣ, то царевичи послали человѣка сказать шейху, чтобы онъ съ своимъ семействомъ вышелъ изъ крѣпости и пришелъ къ нимъ, дабы ему не подвергнуться участи растаптываемыхъ копытами Монгольскими. Шейхъ имъ отвѣчалъ: „я не одинъ; при мнѣ есть родственники и ученики“. Царевичи сказали: съ десятью человѣками пусть придетъ; шейхъ отвѣчалъ, что при немъ болѣе десяти; царевичи сказали: пусть съ сотнею человѣкъ идетъ; шейхъ отвѣчалъ, что у него больше сотни; царевичи сказали: съ тысячею человѣкъ можетъ прійти. Шейхъ послалъ имъ отвѣтъ: „въ счаст-

ливое время я былъ всѣмъ этимъ людямъ пріателемъ, другомъ, помощникомъ: какъ же мнѣ бросить ихъ въ день бѣдствія? не могу идти отъ нихъ“. Въ это время Монголы нахлынули на часть города, гдѣ былъ шейхъ. Шейхъ своими руками нѣсколькихъ Монголовъ проводилъ въ глубину геены и самъ въ то же время былъ убитъ; сказано: „мы Божіи и къ Богу возвратимся“.

Походъ Чингизъ-хана на Нахшебъ, Термизъ и Балхъ.

Чингизъ-ханъ, покоривъ Мавераннегръ, послалъ царевичей къ Харезму, а самъ пошелъ въ Самаркандъ. Пробывъ весну въ Самаркандѣ, онъ приступилъ къ Нахшебу, отъ Нахшеба перешелъ къ Термизу. Жители Термиза, не покоряясь ему, выставили свои ополченія и сразились съ нимъ. Напослѣдокъ Чингизъ-ханъ взялъ Термизъ и истребилъ жителей его. Въ это время Монголы захватили одну женщину и хотѣли убить ее. Женщина сказала: „не убивайте меня, я вамъ дамъ прекрасную жемчужину“. Они спросили: гдѣ же эта жемчужина? Женщина отвѣчала: „жемчужину я проглотила; она у меня въ брюхѣ“. Монголы распоролы брюхо женщины, взяли жемчужину. Поэтому не осталось ни одного убитаго, у котораго они не распоролы бы брюха.

Побѣдоносный ханъ, выступивъ изъ Термиза, пошелъ къ Балху. Въ то время Балхъ былъ столько благоустроенъ, что въ немъ было тысяча двѣсти главныхъ мечетей и тысяча двѣсти бань. Дѣло началось тѣмъ, что жители Балха и чиновники ихъ предстали предъ хана и просили пощады: ханъ не согласился, потому что султанъ Джелаль-эд-динъ былъ живъ, а доколѣ онъ живъ, эти люди не переставутъ противодѣйствовать хану. Послѣ того ханъ вступилъ въ жестокую борьбу съ жителями Балха и овладѣлъ городомъ. Избивъ жителей, крѣпость Балхскую онъ сравнялъ съ землею.

Кончивъ покореніе Балха, онъ послалъ въ Хорасанъ Тули-хана съ нѣсколькими войнами, а самъ приступилъ къ Талкану. Городъ Талканъ былъ сильно укрѣпленъ; жители его не хотѣли покориться, заготовивъ все нужное для войны, они начали борьбу съ завоевателемъ міра. Ратоборствовали семь мѣсяцевъ. Въ теченіи этого времени Тули-ханъ покорилъ Хорасанъ, и, съ многочисленною ратію своею, соединился съ отцемъ своимъ подъ Талканомъ. Соединенныя ихъ войска вступили въ жестокую битву съ Талканцами, поразили ихъ и всѣхъ избили, не оставивъ ни одного человѣка, даже грудныхъ дѣтей, и крѣпость сравняли съ землею.

Перешедши къ Андерабу, онъ взяли этотъ городъ, умертвили жителей его и раззорили крѣпость.

Оттуда они перешли къ Баміану. Баміанцы заперлись въ городѣ, дали много сраженій и оказали большое мужество. Въ одну изъ этихъ битвъ Джагатай-хановъ сынъ пораженъ стрѣлою и умеръ. Побѣдоносный ханъ любилъ этого сына его; огорченный симъ событіемъ, онъ, испуская изъ гор-тани своей дымъ гнѣва, далъ приказъ, чтобы Монголы взяли крѣпость штурмомъ. Монголы бросились на крѣпость, овладѣли ею, избили великихъ и малыхъ, хорошихъ и худыхъ, мужчинъ и женщинъ, не оставивъ ни одного человѣка, и крѣпость сравняли съ землею. Чингизъ-ханъ эту крѣпость назвалъ Мау-балыгъ, что значить „злой городъ“.

Битва Чингизъ-хана съ султаномъ Джелаль-эд-диномъ и бѣгство послѣдняго за рѣку Синдъ.

Въ это время Чепе-войнянъ, Субудай-багадуръ и Тугаджаръ-конкиратъ посланы были Чингизъ-ханомъ преслѣдовать султана Мохаммеда; Хавъ-меликъ, государь Гератскій, чрезъ посла, изъявилъ свою готовность покориться имъ и ждалъ отвѣта. Тугаджаръ, не вѣря его словамъ, вступилъ въ битву

съ нимъ, но былъ убитъ стрѣлою, пущенною изъ города. По этой причинѣ Ханъ-меликъ сталъ бояться Чингизъ-хана, и въ то же время услышавъ, что султанъ Желалъ-эд-динъ пришелъ въ Газнинъ, отправилъ къ нему посла сказать: „я иду служить тебѣ; не теряй мужества!“ Чингизъ-ханъ съ своей стороны, для наблюденія, выслалъ на дороги Газнина, Гурчистана, Забиля и Кабула тридцать тысячъ воиновъ подъ начальствомъ Шенки, Кутуку-нойяна, Текеджава, Мулки и Уваръ-калчава: имя Калдчавъ будто значить „шутникъ“. Кутуку-нойянъ, услышавъ, что Ханъ-меликъ идетъ на соединеніе съ султаномъ Желалъ-эд-диномъ, быстро погнался въ слѣдъ за нимъ и вечеромъ настигъ его: не имѣя возможности вступить въ битву ночью, отложилъ сраженіе до утра и провелъ тутъ ночь. Но Ханъ-меликъ ночью шелъ далѣе и соединился съ султаномъ. Текеджавъ и Мулка, съ отрядомъ войска, отдѣлившись отъ Кутуку-нойяна, осадили крепость Даліанъ и надѣялись уже ее взять: тогда султанъ Желалъ-эд-динъ, соединивъ многочисленныя войска свои, быстро пришелъ къ Даліану, захватилъ и убилъ тысячу человекъ изъ сторожеваго отряда Монгольскаго; остальные обратились въ бѣгство и присоединились къ Кутуку-нойяну. Султанъ-Желалъ-эд-динъ, поставивъ Ханъ-мелика на правомъ крылѣ, Сейфъ-эд-дина-мелика на лѣвомъ, а самъ, составляя центръ арміи, пошелъ на Монголовъ; Монголы, также построившись въ боевой порядокъ, вступили въ битву: султанскаго войска было много—вся его пѣхота, Монголовъ было мало; сраженіе продолжалось до самаго вечера. Вечеромъ Монголы надѣлали чучелъ изъ войлока, изъ платковъ, усадили ихъ на лошадей, на верблюдовъ, и поставили ихъ позади себя въ боевомъ порядкѣ, какъ будто бы къ нимъ пришло войско и на слѣдующее утро готово дать сраженіе. Воины султана Желалъ-эд-дина, не понимая этой хитрости, подумали, что къ неприятелю пришли вспомогательныя войска и хотѣли бѣжать; султана Желалъ-эд-динъ кричалъ: „Монголы хитрятъ; не бой-

тесъ!“ Послѣ того они, ободривши свои сердца, дружно напали на Монголовъ и обхватили ихъ со всѣхъ сторонъ. Монголы не выдержали нападенія и обратились въ бѣгство: Монголовъ много было убито. Шенки-кутуку, убѣжавъ съ немногими людьми, пришелъ къ хану. Чингизъ-ханъ, раздраженный этимъ, повелѣлъ собрать войско.

Султанъ Джелаль-эд-динъ обратно отправился домой. Монголовъ много взято было въ плѣнъ: раздѣливъ добычу, Ханъ-меликъ и Сейфъ-уд-динъ-меликъ въ дорогѣ поссорились между собою за одну лошадь. Ханъ-меликъ плетью ударилъ по головѣ Сейфъ-уд-дина, онъ жаловался на это султану; султанъ не разобралъ этого судебнымъ порядкомъ; потому Сейфъ-эд-динъ-меликъ, озлобясь, ночью отдѣлился со всѣми Кангійцами и ушелъ въ горы Керманскія. Въ это время султанъ Джелаль-эд-динъ услышалъ, что Чингизъ-ханъ идетъ на него съ безчисленнымъ войскомъ, и, не надѣясь устоять противъ него, рѣшилъ отступить и переправиться чрезъ рѣку Синдъ. Съ своей стороны Чингизъ-ханъ, совершая походъ и ночью и днемъ, пришелъ въ Газнинъ; тамъ онъ получилъ вѣсть, что султанъ Джелаль-эд-динъ находится отсель на разстояніи пятнадцатидневнаго пути. Оставивъ въ Газнинѣ правителя, онъ устремился къ берегамъ Синда, преслѣдуя султана. Султанъ же, приказавъ приготовить лодки, хотѣлъ на утро переправиться и уйти. Ханъ увидѣлъ, что если онъ въ эту ночь замедлитъ нападеніемъ, то непріятель на утро переправится и уйдетъ; со всѣхъ сторонъ онъ окружилъ войско султана, построясь въ три или четыре линіи. Монголовъ было вдвое или втрое больше Таджиковъ. Султанъ, при восхожденіи солнца, увидѣлъ, что онъ стоитъ между огнемъ и водою. Чингизъ-ханъ, сказавъ: „Султана схватите живаго“, отрядилъ въ авангардъ Угяръ-калчава и Кутуръ-калчава и велѣлъ конницѣ сдѣлать атаку; нападеніе сдѣлано съ правой и лѣвой стороны; султанъ, съ пятью или шестьюстами челоувѣкъ конницы, отражая на той и другой сторонѣ, съ утра до

полудня бился съ многочисленнымъ врагомъ и оказалъ много храбрости. Наконецъ, когда Монголы пробились въ самую средину его войска и ему оставалось только отдаться въ плѣнъ, онъ, спасаясь отъ бѣды, бросился въ рѣку и переплылъ черезъ нее. Чингизъ-ханъ, видя этотъ подвигъ султана, похвалилъ его, и, обративъ рѣчь къ своимъ дѣтямъ, сказалъ: „таковыми дѣтьми да награждаетъ отецъ природа!“ Чингизъ-ханъ захватилъ семейство и казну султана; послалъ Дурбай-нойяна и Бала-нойяна преслѣдовать султана; они проникли до средины Индостана, но, потерявши слѣды его и не получая вѣсти о немъ, возвратились. Чингизъ-ханъ отправился назадъ изъ этой страны, подчинивъ себѣ сосѣднія области и во всѣхъ ихъ поставивъ своихъ правителей, возвратился въ Самаркандъ и тамъ провелъ зиму.

Преслѣдованіе султана Мохаммеда войскомъ Чингизъ-хановымъ.

Чингизъ-ханъ, осаждая Балхъ, когда услышалъ, что султанъ Мохаммедъ съ немногими людьми вышелъ изъ Термиза и перешелъ на другую сторону рѣки Аму, послалъ Чепе-нойяна, Субудай-багадура и Тугаджаръ-конкирата въ слѣдъ за нимъ, давъ каждому изъ нихъ по десяти тысячъ челоувѣкъ, и сказавъ, чтобы они нигдѣ не останавливались, пока не схватятъ султана Мохаммеда. „Каждой изъ державъ, которая, покорившись вамъ, будетъ просить пощады, давайте пощаду; если же какіе народы не станутъ поворяться, тѣхъ истребляйте, семейства и имущества ихъ берите въ плѣнъ, города ихъ сожигайте. Надѣюсь, что, до истеченія трехъ лѣтъ, эти дѣла должны быть окончены. Я не останусь здѣсь и отправлюсь въ свой юртъ; кончивъ ваше дѣло, вы въ этомъ же походѣ должны пройти по Дешти (Кипчаку)“. Князья, получивши отпущеніе отъ Хана, переправились черезъ рѣку и вступили въ Балхъ; изъ него пошли въ область Гератскую. Государь Гератскій, по

имени Ханъ-меликъ, вмѣстѣ съ подданными, встрѣтилъ ихъ съ дарами и изъявилъ свою покорность. Чепе ноянъ, не встрѣчая препятствій, отправился далѣе на преслѣдованіе султана Мохаммеда. Тугаджаръ-конкиратъ оставался назадъ; онъ, прибывъ къ Герату, не принялъ предложеній его жителей и съ ними началъ битву; Гератцы принуждены были отбиваться. Тугаджаръ, раненый стрѣлою, пущенною изъ города, умеръ; войско его отступило и соединилось съ Чепе-ноянью. Послѣ этого они дошли до Ясава. Ясавійцы не оказали имъ уваженія; они заперли ворота города; когда Монголы, не рѣшаясь останавливаться на своемъ походѣ, проходили мимо его, Ясавійцы, въ безразсудствѣ насмѣхаясь надъ Монголами, начали ругать ихъ. Послѣдніе, бывши раздражены ими, воротились, подступили къ крѣпости, три дня держали ее въ осадѣ, въ четвертый взяли, избили всѣхъ людей, не оставивши въ живыхъ ни одного человѣка; отселѣ пошли къ Нишабуру.

Въ то время султанъ Мохаммедъ получилъ вѣсть, что тридцать тысячъ Монголовъ, перешедши рѣку, несутся подобно бурѣ и ищутъ одного только султана, созвалъ своихъ князей, совѣтовался съ ними; по совѣту ихъ отправилъ свое семейство въ крѣпость Карундеръ, а самъ отступилъ къ Ираку; поручивъ защиту Нишабура Фахръ-эль-мюльку, Низамъ-эд-дину, Абуль-магалья-Кетибу и Зіа-уль-мюльку съ нѣсколькими другими князьями, онъ чрезъ Рей пошелъ въ Казвинъ. Въ немъ находится его сынъ султанъ Рукнъ-эд-динъ съ тридцатью тысячами человѣкъ; услышавъ о приближеніи отца, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу; отселѣ султанъ Мохаммедъ другаго сына своего, султана Мохаммедъ-гайясъ-эд-дина, вмѣстѣ съ матерью его, отправилъ въ Карундеръ.

Между тѣмъ Чепе-ноянъ и Субудай-багадуръ, съ пути къ Нишабуру, отправили посла къ бекамъ, оставленнымъ тамъ султаномъ Мохаммедомъ, съ требованіемъ сдачи города; беки отъ себя послали трехъ человѣкъ съ богатыми да-

рами и говорили: „пусть представятъ намъ султана Мохаммеда; тогда все государство отдастся имъ“. Чепе-нойанъ послалъ къ нимъ письмо на уйгурскомъ языкѣ за печатію Чингизъ-хана; содержаніе его такое: „Всесильный Господь отдалъ мнѣ владычество надъ міромъ: кто мнѣ покорится, тотъ будетъ счастливъ; а кто не будетъ повиноваться, тотъ будетъ уничтоженъ“. Беки не замедлили сдать городъ.

Монголы, взявши изъ Нишабура проводниковъ, пошли далѣе по слѣдамъ султана Мохаммеда. Перешедши въ Мазандеранъ, они въ немъ умертвили много жителей, сравняли крѣпость съ землею и выстунили на дорогу къ Асфарайну. Встрѣчавшихся имъ на этомъ пути городовъ они не тревожили, когда они покорялись имъ; разоряли до основанія тѣ, которые имъ не покорялись. Обложивъ отрядомъ войска крѣпость Иланъ, въ которой находилась мать султана, они пошли къ Рею; овладѣвъ Реемъ, истребили жителей его, разорили до основанія крѣпость его. Харезмскій шахъ, получивъ вѣсть объ этомъ, не зная куда дѣться, совѣтовался со всѣми князьями, и въ страхѣ, нигдѣ не находя себѣ убѣжища, ушелъ въ Карундеръ; а изъ людей, при немъ бывшихъ, каждый бѣжалъ въ свою сторону. Когда Харезмскій шахъ шелъ къ Карундеру, встрѣтился съ отрядомъ Монголовъ; началась битва, султанъ Мохаммедъ, когда конь подъ нимъ раненъ былъ стрѣлою, обратился въ бѣгство и пошелъ въ Карундеръ, но, не смѣя остановиться и тутъ, принялъ направленіе къ Гилану; Монголы, преслѣдуя его, вступали въ жаркія битвы съ нимъ; они гнали за султаномъ Мохаммедомъ не со всѣми силами, оставивъ часть ихъ подъ Карундеромъ. Султанъ Мохаммедъ, семь дней пробывъ въ Гилянѣ, выступилъ къ Истидару; на дорогѣ онъ потерялъ свою казну и отселъ пошелъ къ Каспійскому морю, переправился на одинъ изъ острововъ его, Абискунъ, но и на немъ не смѣлъ остановиться. Въ то время, какъ султанъ вышелъ изъ Гилана, Монголы также пошли за нимъ, но, не нашедши его, повертели

и пришли къ Карундеру: въ немъ были нѣкоторые изъ женъ и дѣтей султана; Монголы захватили здѣсь ихъ въ плѣнъ. Младшія изъ дѣтей его были въ крѣпости Иланъ; Монголы пошли къ ней и осадили ее. Говорятъ, что отъ Адама до настоящаго времени здѣсь не было недостатка въ дождѣ; жители города, выкапывая водохранилища, собирали въ нихъ столько воды, что не имѣли въ ней недостатка, хотя бы имъ приводилось цѣлые годы сидѣть въ осадѣ; но въ это время, къ счастью Чингизъ-хана и злополучію султана Мохаммеда, шаха Харезмскаго, не упало ни одной капли дождя; чрезъ пятнадцать дней воды не стало. Визирь султана Мохаммеда, Насръ-эд-динъ, вышелъ изъ крѣпости, явился предъ Чепе-войяномъ и—тотчасъ пролился такой дождь, что потекли ручьи. Монголы взяли казну и сокровища, какія тамъ были; визира, мать и дѣтей султана отослали къ Чингизъ-хану. Чингизъ-ханъ велѣлъ убить визира и дѣтей султана. Султанъ Мохаммедъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, пораженъ былъ скорбію, упалъ безъ-чувствъ, и уже не приходилъ въ себя. „Мы Божіи, и къ Богу возвратимся“. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, не нашли полстна для савана, и въ одеждѣ, какая была на немъ, похоронили его. Это событіе совершилось въ годъ змѣи, въ шестьсотъ семнадцатомъ году гиджры (1220 Р. Х.). Султанъ Мохаммедъ царствовалъ двадцать одинъ годъ.

Монголы вступили въ области Нахичеванскую и Адзербайджанскую, и, опустошивши ихъ, вошли въ Ширванъ. Взявши десять проводниковъ изъ Шамахи, они одного изъ нихъ убили, чтобы устрашить остальныхъ, и этимъ послѣднимъ сказали: „если вы не поведете насъ по хорошей дорогѣ, то мы то же съ вами сдѣлаемъ, что сдѣлали съ вашими товарищами“, и приказали имъ вести себя; они повели ихъ по Дербендской дорогѣ. Въ то время эти пути были занаты Кипчаками и Аланами. Субудай-багадуръ, отправивъ человѣка къ Кипчакамъ, говорилъ имъ: „вы намъ братья, а Аланы

вамъ чужіе; не помогайте имъ, а будьте дружны съ нами“. При этомъ посланы были богатые подарки. Кипчаки, склонившись на слова Монголовъ, отдѣлились отъ Аланъ. Когда эти остались безпомощными, Монголы напали на нихъ, поразили, разграбили и плѣнили. Кипчаки обратились къ Руси и, получивъ отъ нея вспомогательную рать, пошли на Монголовъ. Монголы, увидѣвши ихъ, захотѣли обмануть ихъ ложнымъ отступленіемъ; Кипчаки подумали, что они бѣгутъ отъ страха, погвалясь за ними, двѣнадцать дней преслѣдовали ихъ. Тогда Монголы вернулись назадъ, напали на нихъ: въ продолженіе семи дней бились съ ними; напоследокъ ихъ одолѣли, поразили, истребили. Захвативъ много добычи и плѣнниковъ, они съ весельемъ и торжествомъ возвратились ко двору Чингизъ-хана. Доставивъ богатую добычу, они представили отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; ханъ, съ своей стороны, похваливъ ихъ подвиги, осыпалъ ихъ наградами и милостями.

Отправленіе Тули-хана Чингизъ-ханомъ въ Хорасанъ.

Ханъ, покоривъ Балхъ, послалъ Тули-хана въ Хорасанъ. Тули-ханъ, взявъ восемьдесятъ тысячъ человекъ Чингизъ-ханова войска, выступилъ къ Мерву. Въ то время Хорасанъ былъ въ самомъ отличномъ состояніи, такъ что Мервскіе поселяне, гордясь своимъ большимъ богатствомъ и изобиліемъ, считали себя лучшими подданными государя и ставили себя выше бековъ. Предъ тѣмъ временемъ султанъ Мохаммедъ поставилъ Мервскимъ правителемъ Медждъ-уль-мюлька; но когда въ Медждъ-уль-мюльковомъ управленіи открылась нѣкоторая неисправность, то султанъ Мохаммедъ, отрѣшивъ Медждъ-уль-мюлька отъ должности, поставилъ правителемъ Мерву Бегаръ-эль-мюлька. Когда султанъ Мохаммедъ удался въ Иракъ, а Медждъ-уль-мюлькъ шелъ для соединенія

съ султаномъ, въ Иракѣ разнесся слухъ, что Монгольское войско вступило въ Хорасанъ. Султанъ Мохаммедъ послалъ правителю Мерва такой приказъ: „когда придетъ на тебя Монгольское войско, ты не вступай съ нимъ въ битву, но покорись ему и слай Мервъ“. Когда это повелѣніе пришло къ правителю Мерва, Бегаръ-эль-мюльку, онъ, не считая для себя хорошимъ оставаться въ Мервѣ, перешелъ въ крѣпость Изеръ и въ ней заперся, а изъ жителей Мерва нѣкоторые удалились въ другія области, иные, которыхъ жизнь достигла своего предѣла, остались въ Мервѣ. Въ это время два военачальника изъ войска Тули-хапова съ большими силами пришли къ Мерву. Намѣстникъ Бегаръ-эль-мюлька, Шейхъ-уль-ислямъ и всѣ жители вышли изъ города, явились къ военачальникамъ и, изъявивши имъ свою покорность, отдали имъ имущество. Нойяны, удовольствовавшись этимъ имуществомъ, отступили отъ Мерва. Въ это время одинъ чиновникъ султана Мохаммеда, по имени Бука-тюрманъ, съ нѣсколькими Тюркманами скрывался въ одной безлюдной, дикой степи, лежащей въ окрестностяхъ Мервскихъ; по отшествіи Монгольскаго войска, онъ изъ этого убѣжища выступилъ и, согласившись съ Тюркманами, вошелъ въ Мервъ. Тогда разбѣжавшіеся и скрывавшіеся по сторонамъ Тюркманы, Таджики, слуги султана Мохаммеда, собрались къ Бука-тюрману, и, препоясавши чресла свои поясомъ службы, составили безчисленную рать при Бука-тюрманѣ. Въ то самое время, какъ распространилась вѣсть, что султанъ Мохаммедъ на островѣ Абискувѣ перешелъ изъ тѣннаго жилища въ вѣчное, прежній правитель Мерва, Медждъ-уль-мюлькъ сѣлъ на мула и пріѣхалъ изъ Ирака въ Мервъ. Бука-тюрманъ, по пристрастію къ власти, не пустилъ Медждъ-уль-мюлька въ Мервъ; черезъ нѣсколько дней Медждъ-уль-мюлькъ, употребивъ хитрость, вошелъ въ городъ; всѣ Мервцы, находившіеся подъ властію Буки, предалися Медждъ-уль-мюльку и поставили его правителемъ. Предъ этимъ временемъ жители Сар-

хаса покорились Монголамъ, и шейхъ-уль-ислама Сярхасскаго поставили правителемъ въ Сярхасѣ. Шейхъ-уль-исламу Мервскій послалъ письмо къ шейхъ-уль-исламу Сярхасскому съ жалобами на Медждъ-уль-мюльба. Гоицы Медждъ-уль-мюльба схватили людей-шейхъ-уль-исламовыхъ, отняли письмо и представили его Медждъ-уль-мюльбу. Медждъ-уль-мюлькъ, прочитавъ это письмо, велѣлъ убить шейхъ-уль-ислама и трупъ его стащить за ноги и бросить въ рѣку. Выше мы сказали, что послѣдній изъ Мервскихъ правителей, Бегаръ-уль-мюлькъ, заперся въ крѣпости Язерѣ; онъ вышелъ изъ Язера, пошелъ въ Мазадеранъ къ воеводамъ Монгольскимъ и, рассказавъ, что дѣлается въ Мервѣ, говорилъ: „дайте мнѣ войска; я пойду и повою вамъ Мервцевъ. На каждый годъ буду доставлять въ дань тканей, каждому изъ васъ на одинъ кафтанъ“. Монгольскіе князья согласились на его предложеніе, дали ему семь тысячъ человѣкъ войска и послали къ Мерву. Бегаръ-уль-мюлькъ съ семью тысячами Монголовъ отправился въ походъ и прибылъ въ мѣстечко Шагрисанъ. Тутъ онъ узналъ, что Медждъ-уль-мюлькъ сдѣлался правителемъ Мерва; что при немъ осемьдесятъ тысячъ человѣкъ войска; съ однимъ Монголомъ и Календеромъ послалъ отъ себя Медждъ-уль-мюльбу письмо, въ которомъ писалъ: „съ Монголами воевать вамъ не должно. Такъ какъ при мнѣ семь тысячъ Монголовъ, то лучше всего, чтобы вы намъ предались и покорились“. Пришедши въ Мервъ, Монголы отдали письмо Медждъ-уль-мюльбу. Медждъ-уль-мюлькъ, вникнувъ въ смыслъ этого письма, велѣлъ обонхъ этихъ посланцевъ убить и на дорогѣ поставилъ стражу. Когда это услышали семь тысячъ Монголовъ, шедшихъ съ Бегаръ-уль-мюлькомъ, то они его убили и ушли назадъ. Медждъ-уль-мюлькъ, услышавъ объ этомъ поступкѣ Монголовъ, почелъ свое положеніе безопаснымъ и съ лучшими изъ Мервцевъ предался пьянству и веселостямъ; но въ это время правитель Амувию, Ихтіяръ-эддинъ, Тюркманъ, съ нѣсколькими Тюркманами пришелъ въ

Мервъ и сказалъ Медждъ-уль-мюльку, что Монгольское войско идетъ для осады Мерва, что одинъ отрядъ этого войска пришелъ къ Амугиѣ и что съ минуты на минуту надобно ждать прихода Монголовъ къ Мерву. Медждъ-уль-мюлькъ сильно встревожился, велѣлъ народу приготовить нужное въ случаѣ осады крѣпости; а Ихтияръ-эд-динъ съ нѣсколькими Тюреманамъ, по общему соглашенію между ними, расположился станомъ на берегу одной большой рѣки, между Монгольскимъ войскомъ и Мервомъ. Отрядъ Монгольскаго войска въ восемьсотъ человекъ подошелъ къ стану Тюремановъ, пустилъ на него свою конницу, разграбилъ весь станъ, людей избилъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ взялъ въ плѣнъ. Въ это время Тулиханъ, завоевавъ Нишабуръ, Сярахъ и нѣсколько другихъ городовъ въ Хорасанѣ, съ безчисленнымъ, съ несмѣтнымъ войскомъ пришелъ и обложилъ Мервъ, въ началѣ мѣсяца Мохаррема, въ шестьсотъ осьмнадцатомъ году (1221 Р. X.). Мервское войско сдѣлало вылазку, бросилось въ бой и въ одинъ часъ убито было до тысячи Монголовъ. Двадцать дней продолжались битвы; наконецъ, Тулиханъ, озлобясь, слѣзъ съ коня и пѣшій, прикрывъ голову щитомъ, побѣжалъ къ воротамъ Мерва: всѣ Монголы устремились вслѣдъ за ханомъ. Въ этотъ разъ Мервцевъ, вышедшихъ изъ крѣпости и сражавшихся, было семьдесятъ тысячъ: всѣ они побѣжали и ушли въ крѣпость; около двухсотъ полковъ Монгольскихъ обступило крѣпость. Медждъ-уль-мюлькъ увидѣлъ, что онъ не можетъ противоборствовать такому войску; въ этой крайности выслалъ посла къ Тулихану съ словами: „отдаюсь и покоряюсь“. Послѣ того Медждъ-уль-мюлькъ съ богатыми дарами вышелъ изъ крѣпости, смѣло предсталъ предъ лице хана. Ханъ потребовалъ отъ Медждъ-уль-мюлька имущества и сокровищъ города, отпустивъ правителя подъ прикрытіемъ двухсотъ Монголовъ. Послѣ того дано повелѣніе жителей городскихъ вывести въ поле; четыре дня выводили горожанъ въ поле, оставили въ немъ только четыреста человекъ ремес-

денниковъ. Исключая сихъ послѣднихъ, всѣхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей раздѣлили войску, на каждаго Монгола пришлось по четыреста человѣкъ, и каждый доставшуюся ему часть людей убилъ. Нѣкто Сеидъ-Газзъ-уд-динъ съ нѣсколькими писцами вышелъ изъ города, переписалъ убитыхъ людей. Тринадцать дней они перечисляли погибшихъ подъ стѣнами города, кромѣ убитыхъ въ полѣ ихъ было миллионъ триста тысячъ человѣкъ. На послѣдокъ, по распоряженію хана, Монголы разрушили Мервскую крѣпость и всѣ въ немъ зданія, такъ что не осталось и слѣдовъ ихъ. Одного изъ вельможъ Мерва, эмира Зія-уд-дина поставилъ въ Мервѣ правителемъ, сказавъ, чтобы народъ, спасшійся чрезъ побѣгъ и укрывательство, занялся земледѣліемъ, и Ярмета поставилъ надъ ними даругою, а самъ выступилъ изъ Мерва и быстро пошелъ къ Нишабуру. Послѣ этого народъ три раза собирался въ Мервѣ, но находилъ тамъ гибель. Въ одномъ изъ этихъ истребленій было убито народа до шестидесяти тысячъ.

Походъ Тули-хана къ Нишабуру.

Тули-ханъ, покоривъ Мервѣ, отправился къ Нишабуру. Нишабурцы послали къ хану своихъ судей и просили пощады; онъ ея не далъ; произошла упорная битва; Нишабуръ былъ взятъ и жители его избиты. Въ немъ убито тысяча семьсотъ сорокъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей.

Походъ Тули-хана къ Герату.

Тули-ханъ, опустошивъ Нишабуръ, пошелъ къ Герату. Когда онъ приблизился къ Герату, послалъ въ первымъ вельможамъ Гератскимъ своего чиновника, по имени Зенбура, и велѣлъ сказать: „покоритесь намъ, чтобы самимъ вамъ избавиться отъ смерти и вашимъ семействамъ отъ плѣна и

рабства". Предъ этимъ временемъ султанъ Мохаммедъ Желаль-эд-динъ поставилъ правителемъ Герата Меликъ-шемсъ-уд-дина Мохаммеда, и, ввѣривъ ему сто тысячъ человѣкъ, самъ улетѣлъ. Меликъ-шемсъ-эд-динъ Мохаммедъ велѣлъ убить посла Тули-ханова, заперъ крѣпость и началъ поспѣшно готовить все нужное къ отраженію врага. Тули-ханъ, услышавъ, что посолъ его убитъ, въ гнѣвъ двинулъ войско къ Герату и осадилъ его. Въ продолженіе семи дней происходили битвы столь жестокия, что въ рѣкѣ текла не вода, а кровь; на Тули-хановой сторонѣ убито было до тысячи семисотъ бековъ. Въ осьмой день Монголы сдѣлали приступъ къ крѣпости и войско Меликъ-шемсъ-эд-дина Мохаммеда сдѣлало вылазку; произошелъ жестокой бой. Въ этой битвѣ Меликъ-шемсъ-эд-динъ Мохаммедъ, пораженный стрѣлою, былъ убитъ. Тули-ханъ съ двумястами человѣкъ подкавалъ къ воротамъ Герата, и, снявъ съ головы своей шлемъ, кричалъ городскимъ жителямъ: „жители Герата! знайте и вѣдайте: я сынъ Чингизъ-хановъ, Тули-ханъ; если не хотите себѣ смерти, а дѣтей и семейства ваши видѣть въ плѣну и рабствѣ и желаете покоя, выходите изъ города, явитесь ко мнѣ, и, поборившись мнѣ, доставляйте Чингизъ-хану въ каждый годъ половину того, что вы давали султану Желаль-эд-дину". Гератцы, выслушавши эти слова, раздѣлялись на двѣ партіи; приверженцы султана Желаль-эд-дина говорили: „не вступимъ въ подданство; не станемъ сдавать города!“ Но горожане отворили ворота, вышли и явились предъ Тули-ханомъ. Ханъ, вступивъ въ городъ, велѣлъ избить двѣнадцать тысячъ человѣкъ изъ войска султана Желаль-эд-дина; и, простивъ городскимъ жителямъ вину ихъ, далъ имъ правителя Меликъ-Абу-бекра, даруяго сдѣлалъ одного изъ своей свиты, Монгола Мангатая, а самъ отправился къ своему отцу и соединился съ нимъ въ Талканѣ.

По выходѣ Тули-хана, Меликъ-Абу-бекръ и Мангатай вмѣстѣ правили и судили. Въ это время произошла великая

битва у Чингизъ-хановыхъ поймаповъ съ султаномъ Джелаль-эд-диномъ, между Газниномъ и Маміаномъ, и какъ поймапы худо дѣйствовали, то изъ Монголовъ много было убито въ этомъ сраженіи. Молва объ этой битвѣ разнеслась вездѣ, въ обоихъ Иракахъ, въ Хорасанѣ и въ Мавераннегрѣ. Народъ вообразилъ себѣ, что Чингизъ ханъ не можетъ стать лицомъ къ лицу противъ султана Джелаль-эд-дина; поэтому жители Герата съ Меликъ-Абубекромъ убили даругу Мангкатая, взбунтовались противъ Чингизъ-хана и сдѣлали своимъ правителемъ Меликъ-Мубаризъ-эд-дина. Всемирный властитель, получивъ объ этомъ извѣстіе, не одобрилъ распоряженія Тули-хапова; онъ сказалъ ему: „если бы ты избилъ этотъ народъ, то такого бунта не было бы!“ и, разгнѣванный, послалъ на Гератъ Ильчиктай-пойяпа съ восьмьюдесятью тысячами человекъ. „Возьми Гератъ, сказалъ ханъ, и не оставь въ немъ ни одного живаго человека!“ Ильчиктай-пойяпъ отправился въ походъ и, прибывъ къ Герату, осадилъ его. Жители Герата до шести дней жестоко дрались съ нимъ: много пало и мусульманъ и невѣрныхъ. Наконецъ двадцать тысячъ воиновъ со всѣхъ четырехъ сторонъ устремились на городъ, вошли въ него и овладѣли имъ; избили весь народъ; шестьсотъ тысячъ человекъ было истреблено. Разрушивъ крепость Гератскую, Монголы сравняли ее съ землею. Въ Гератѣ только пятнадцать человекъ осталось живыхъ, кромѣ ихъ ни одной души не осталось.

Совѣщаніе Чингизъ-хана съ своими братьями и сыновьями о возвращеніи въ Монголію.

Чингизъ-ханъ покорилъ Иранъ и Туранъ, и одни изъ враговъ его погибли, другіе, убѣжавъ, трепетали предъ его грознымъ могуществомъ: при такомъ положеніи его дѣлъ, изъ Китая получена вѣсть, что Китайцы возмущались и отложились отъ Чингизъ-хана. Ханъ, получивъ это извѣстіе, при-

звалъ къ себѣ своихъ дѣтей и бековъ и сдѣлать такое распоряженіе: Джагатай послалъ къ Гилянцу для того, чтобы онъ отыскалъ и захватилъ въ руки султана Джелаль-эд-дина; Оздай послалъ къ Газпину, съ тѣмъ, чтобы онъ разорилъ юрть султана Мохаммеда Субектекина, а самъ захотѣлъ идти въ Туранъ. Оздай-баанъ, по распоряженію отца, отправясь въ Газпину, покорилъ юрть Субектекиновъ и возвратился въ Туранъ. Также и Джагатай-ханъ, отправясь въ Мекранъ, разорилъ тамошніе города, жителей взялъ въ плѣнъ и, не получивъ никакого свѣдѣнія о султанѣ Джелаль-эд-динѣ, возвратился въ области Бухары, Ташкента, Самарканда.

Возвращеніе Чингизъ-хана въ свой юрть.

Чингизъ-ханъ весною отправился обратно въ свой юрть. Переходя по областямъ и укрѣпленнымъ мѣстечкамъ, онъ поставилъ правителей и даругъ. Перешедъ чрезъ рѣку Аму, вступилъ въ Бухару. Здѣсь съ нимъ соединились царевичи и войяцы, которыхъ онъ посылалъ на сторону.

Завоеватель страны Чингизъ-ханъ послалъ отъ себя къ жителямъ Бухары человека съ приказомъ: „пришлите ко мнѣ кого-нибудь изъ ученыхъ муллъ; я хочу кое-о-чемъ спросить его“. Бухарцы послали къ нему кадія, по имени Эшрефа, и одного ваиза (проповѣдника). Чингизъ-ханъ спросилъ ихъ: „что значитъ ваше имя: мусульмане?“ Они отвѣчали: слово мусульмане значитъ: рабы Божіи. Господь одинъ; онъ ни съ чѣмъ не имѣетъ сходства, не имѣетъ вида. Чингизъ-ханъ сказалъ: „и я знаю, что Богъ одинъ“. Они дальше говорили:—Былъ пророкъ-посланникъ Божій; Всевышній Господь прислалъ его для того, чтобы рабамъ Своимъ дать повелѣнія и запрещенія.—Чингизъ-ханъ одобрилъ и эти слова. Потомъ говорили они: каждадневно совершая пятиременную молитву, мы тѣмъ совершаемъ наше служеніе Богу.—Это онъ также похвалилъ.—Въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ мы

ѣдимъ, когда только хотимъ; но въ одинъ мѣсяць мы не вкушаемъ пищу днемъ, а ѣдимъ только ночью. И это онъ почелъ хорошимъ. Потомъ они говорили: есть городъ Мекка: туда мы ходимъ, если позволятъ силы, на поклоненіе Богу. Чингизъ-ханъ не одобрилъ этого, и сказалъ: „весь міръ есть обитель Бога: зачѣмъ ходить для этого въ одно только мѣсто!“ Послѣ того Чингизъ-ханъ отпустилъ ихъ отъ себя. Граждане и сановники Бухары просили себѣ у хана тарканнаго ярлыка, и ханъ благословенно пожаловалъ народу тарканный ярлыкъ.

Изъ Бухары Чингизъ-ханъ перешелъ въ Самаркандъ. Оттуда онъ отправилъ посла къ Джучи-хану въ Кипчакъ, и говорилъ: „любезный сынъ! выѣзжай со всѣмъ своимъ войскомъ и пригони къ нашей сторонѣ звѣрей Дешть-кипчацкихъ: я хочу охотиться“. Выше было сказано, что, когда царевичи были въ походѣ на Харезмъ, Чингизъ-ханъ послалъ къ нимъ приказъ, чтобы Джучи и Джагатай считали Окдая главнымъ своимъ начальникомъ и не выходили изъ-подъ его распоряженій. По этой причинѣ Джучи-ханъ, послѣ завоеванія Харезма, тяготясь этимъ распоряженіемъ, отправился въ Дешть-кипчацъ, подчинилъ себѣ всѣхъ жителей этой степи и проводилъ время тамъ въ охотѣ за звѣрьми и птицами. Какъ скоро отъ отца его пришелъ посланный и пересказалъ его слова, Джучи-ханъ выѣхалъ со всѣмъ своимъ войскомъ и, гоня предъ собою всѣхъ звѣрей степныхъ, прибылъ къ отцу своему. Тогда же онъ привезъ ему богатые дары; коней доставилъ онъ въ даръ сто тысячъ: изъ нихъ двадцать тысячъ были сѣрые, двадцать тысячъ были сивые, двадцать тысячъ гнѣдые, двадцать тысячъ вороные и двадцать тысячъ чубарые. Ханъ съ своей стороны изъявилъ свою любовь и ласку къ Джучію. Джучи-ханъ къ своимъ младшимъ братьямъ показалъ полную и нѣжную привязанность. Тогда Чингизъ-ханъ вмѣстѣ съ своими сыновьями весело охотился. Возвратившись въ свой юрть и увидѣвши свои семейства, они радовались своему счастью.

Въ это время получено извѣстіе, что правитель Тангута, Шидурку, возмущился. Ханъ выступилъ въ походъ съ большими силами противъ Шидурку; и Шидурку съ своей стороны съ многочисленною арміею вышелъ и сталъ лицомъ къ лицу предъ ханомъ. Началась жестокая битва. Шидурку наконецъ обратился въ бѣгство и заперся въ одномъ укрѣпленномъ городѣ. Чингизъ-ханъ разграбилъ и опустошилъ область его, и съ побѣдою возвратился въ свою Орду. Вслѣдъ за симъ прибылъ посоль отъ Шидурку, который чрезъ него говорилъ: „я готовъ явиться къ хану, если онъ проститъ мнѣ мою вину и приметъ меня въ число сыновъ своихъ, клятвою увѣривъ меня въ моей безопасности“. Чингизъ-ханъ согласился на это предложеніе и отпустилъ посла, щедро осыпавъ его милостями. Когда посоль Шидурку выѣхалъ отъ двора ханова, ханъ заболѣлъ и слегъ въ постель.

Болѣзнь Чингизъ-хана, наставленіе его своимъ дѣтямъ и смерть его.

Чингизъ-ханъ, во время похода въ Китай, видѣлъ сонъ и отъ того спяный страхъ овладѣлъ имъ. Теперь вообразивъ, что онъ скоро умретъ, вдругъ сдѣлался боленъ. Чувствуя свою слабость, онъ созвалъ къ себѣ дѣтей и вельможъ. Джучи-хана какъ въ это время уже не было въ живыхъ, то онъ велѣлъ представить къ себѣ его дѣтей. Далъ имъ наставленіе и говорилъ своимъ дѣтямъ: „смотрите, другъ друга не обижайте изъ-за временныхъ выгодъ. Если въ сердце кому изъ васъ упадетъ самое малое подозрѣніе, изгоните его изъ сердца, дабы вамъ избавиться отъ коварства врага. Оудая поставьте государемъ вмѣсто меня, всѣ будьте покорны ему, выполняя всѣ его распоряженія“. Дѣтямъ и вельможамъ онъ велѣлъ написать актъ о избраніи Оудая на престолъ. Также онъ завѣщалъ: „о моей смерти никому не открывайте, доколѣ не придетъ сюда Шидурку съ своими людьми; когда

онъ придетъ, убейте его и всѣхъ кто съ нимъ будетъ. Послѣ того объявите о моей смерти“. Тутъ птичка души его улетѣла изъ клѣтки его тѣла. Царевичи, согласно завѣщанію отца своего, никому не давали знать о смерти хана. Черезъ нѣсколько времени пришелъ Шидурку съ войскомъ; царевичи, схвативъ Шидурку, убили его и перебили также войско его; потомъ объявили о смерти Чингизъ-хана и предались глубокой горести и скорби. Однажды Чингизъ-ханъ, бывъ на охотѣ, остановился подъ высокимъ деревомъ и сказалъ: „когда я умру, то похороните меня подъ этимъ деревомъ“. Когда Чингизъ-ханъ умеръ, его тѣло положили въ ящикъ и похоронили подъ тѣмъ деревомъ; это урочище называютъ Бурханъ-калунъ. На этомъ мѣстѣ, послѣ того какъ тутъ похороненъ былъ ханъ, выросъ столь густой лѣсъ, что стрѣла, пущенная изъ лука, не могла пролетѣть черезъ него. Это мѣсто сдѣлалось кладбищемъ всѣхъ государей и князей. Чингизъ-ханъ преставился изъ этого міра въ шестьсотъ двадцать четвертомъ году (1227 Р. Х.), въ годъ свиньи; родился въ годъ свиньи и въ годъ свиньи сдѣлался ханомъ. Всѣхъ лѣтъ жизни хана было семьдесятъ три; царствовалъ двадцать пять лѣтъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со всѣхъ сторонъ приходилъ народъ, чтобы раздѣлить скорбь свою съ царевичами; по окончаніи траура, каждый пошелъ въ станъ свой, а о средствахъ къ государственному устройству никто не помыслилъ.

Чингизъ-ханъ управленіе десятью тысячами человѣкъ возлагалъ на одного человѣка и называлъ его темникомъ; начальство надъ тысячею человѣкъ поручалъ человѣку съ именемъ тысячника; сто человѣкъ поручивъ кому либо въ управленіе, называлъ того сотникомъ; управленіе надъ пятьюдесятью человѣками поручалъ начальнику съ именемъ пятидесятника; управленіе десятью человѣками поручалъ человѣку съ именемъ десятника, и далъ законъ, чтобы ничья тма, тысяча, сотня, пятидесятокъ, десятокъ, не смѣшивались съ тмою, тысячею, сотнею, пятидесяткомъ, десяткомъ другаго; и у кого изъ на-

рода, состоящаго въ какой-либо тмѣ, тысячѣ, сотнѣ, пятидесять, десятѣ, будетъ какое дѣло, тотъ съ нимъ относился бы къ своему темнику, тысячнику, сотнику, пятидесятнику, десятнику. Онъ также узаконилъ, чтобы муштина, жезлица хранили при себѣ все нужное, даже шило, иглу; чтобы всякое военное оружіе, какое требуется въ сраженіи, держали при себѣ въ полномъ количествѣ; а кто нарушалъ этотъ уставъ, тотъ подвергался царскому гнѣву и наказывался. Чингизъ-ханъ строго требовалъ, чтобы сынъ повиновался приказамъ отца своего, младшій братъ словамъ старшаго брата; жена была согласна съ своимъ мужемъ; зять не оскорблялъ своего тестя; запретилъ ворахъ промыслять воровствомъ; негодяю дѣлать негодныя дѣла: въ Чингизъ-ханово время не смѣли дѣлать поступковъ противныхъ этимъ правиламъ. Въ комъ замѣчалъ умъ, храбрость, того дѣлалъ начальникомъ въ войскѣ; проворнаго и быстрого послалъ смотрѣть за табунами; малосмысленныхъ, вялыхъ дѣлалъ пастухами стадъ. Потому дѣла Чингизъ-хана со дня на день улучшались и могущество его увеличивалось.—Онъ говорилъ: темникъ, тысячникъ, сотникъ, даже десятникъ, если старается видѣть меня въ началѣ или концѣ года и знать мои намѣренія, можетъ быть начальникомъ большого войска; а кто не дѣлаетъ этого, тотъ не годится въ начальники и мужикамъ. Таковаго человѣка онъ сравнивалъ съ камнемъ, который бросаютъ въ воду, и котораго, когда упадетъ на дно, не видно больше. Онъ также говорилъ: кто хорошо держитъ свой домъ, тотъ хорошо будетъ управлять и царствомъ. Также его слова: кто десять человѣкъ въ войскѣ хорошо устроить, тотъ слумѣетъ управлять большою арміею.—Кто у себя удаляетъ все дурное, тотъ способствуетъ государственному благосостоянію.—Еще: кто приходитъ къ начальнику, тотъ не долженъ говорить съ нимъ, не испросивъ позволенія; а если заговоришь о чемъ-нибудь, не спросившись, и другіе будутъ слушать слова его—что хорошаго? а если слушать не стануть, то онъ будетъ подобенъ кузнецу, который бьетъ молотомъ холодное желѣзо.

Такихъ присловій у Чингизъ-хана было много; если намъ здѣсь писать ихъ всѣ, то наше сочиненіе будетъ велико; потому мы здѣсь вписали не многія.

Глава четвертая.

Исторія Окдая-каана, третьяго сына Чингизъ ханова, и всѣхъ государей изъ рода Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ Монголіи.

Слустя два года послѣ смерти Чингизъ-хана, сыновья его Джагатай-ханъ и Тули-ханъ съ своими дѣтьми, сыновья Джучи-хановы, прибывшіе изъ Дешть-кипчака, правители восточной стороны Бильгедай-нойянь и Ильчидай-нойянь и другіе всѣ князья, собравшись вмѣстѣ, вынудили данную Чингизъ-ханомъ грамоту о наслѣдованіи престола, и, исполняя слѣланное ханомъ завѣщаніе, сказали Окдаю: „ханство тебѣ предоставлено“. Окдай сказалъ: „есть другіе старше меня: возведите на ханство моего дядю, или моего старшаго брата Джагатая, или младшаго моего брата Тулія“. Сорокъ дней продолжался споръ по этому дѣлу. По истеченіи сорока дней, всѣ они сказали: „мы не хотимъ перемѣнить распоряженія Чингизъ-ханова“, и Джагатай-ханъ, взявъ Окдай-каана за правую руку, а Тули-ханъ за лѣвую, возвели его на престолъ. По обычаю Монгольскому, они, взявши чаши, сдѣлали большой пиръ, народу роздали щедрые подарки. Это было въ шестьсотъ двадцать седьмомъ году (1229—30 Р. Х.).

Послѣ Чингизъ-хана въ нѣкоторыхъ областяхъ открылись возмущенія: Окдай усмирилъ ихъ. Для пораженія султана Джелаль-эд-дина, онъ послалъ Джирмагунъ-бека и Ит-маса съ тремя тмами чловѣкъ войска въ Иранъ. Султанъ Джелаль-эддинъ, пришедъ туда изъ Индіи, завладѣлъ Керманомъ, Ширазомъ, Адзербайджаномъ и Гебризомъ, и поворилъ другіе города; привлекъ на свою сторону много людей, казал-

ся свальнымъ и вѣрнымъ. Джирмагунъ-бекъ послалъ въ эту область Итмаса съ отрядомъ войска: въ жестокихъ битвахъ часть жителей была истреблена, другая взята въ плѣнъ. Султанъ Джелаль-эд-динъ, узнавъ о нашествіи Монголовъ, обратился въ бѣгство и ушелъ въ Діарбекиръ, потомъ въ Курдистанъ. Курды отняли у него коней, разграбили имѣніе и самого его убили. Нѣкоторые говорятъ, что онъ сдѣлался календеромъ и въ этомъ состояніи умеръ: Богъ знаетъ лучше. Изъ царей Харезмскихъ не осталось въ мірѣ ни одного человѣка.

Походъ Окдай-каана въ Китай.

Въ шестьсотъ двадцать седьмомъ году (1229—30 Р. Х.) въ мѣсяцѣ Раби-эль-эувваль, Окдай-каанъ, Джагадай-ханъ и Тули-ханъ съ безчисленнымъ войскомъ предпріяли походъ въ Китай. На берегу рѣки Кара-мурана они осадили одинъ городъ; жители его, стѣсненные осадюю, въ продолженіе сорока дней сражались съ Монголами; наконецъ, совершенно ослабѣвши, просили пощады и сдали городъ. Изъ войска Китайскаго двѣнадцать тысячъ человѣкъ сѣли на суда и убѣжали; изъ прочихъ жителей большая часть избита, а малолѣтніе взяты въ рабство. Отселѣ Монголы обратили силы къ другому Китайскому городу. Окдай-каанъ впередъ себя отправилъ Тули-хана съ десятью тысячами человѣкъ, и самъ медленно подвигался въ слѣдъ за нимъ. Въ это время Китайскій царь Алтанъ-ханъ, получивъ извѣстіе о Тули-ханѣ, выслалъ противъ него одного изъ своихъ эмировъ съ сотнею тысячъ человѣкъ; эти сто тысячъ, встрѣтаясь съ Тули-ханомъ, усмотрѣвши малочисленность войска Тули-ханова, окружили его съ фланговъ. Тули-ханъ увидѣлъ свое затруднительное положеніе, и, въ заботѣ о своемъ спасеніи, далъ повелѣніе волхвамъ (шаманамъ) совершить волхованіе. Въ продолженіе трехъ сутокъ совершались волхованія: въ знойный лѣтній

день пошелъ дождь со спѣгомъ и сдѣлалось такъ холодно, что многіе не могли вынуть рукъ изъ пазухи. Тули-ханъ, увидѣвъ, что войско Китайское ослабѣло отъ холода, далъ приказъ своему войску ударить на Китайское войско съ обоихъ боковъ. Монгольская конница съ обѣихъ сторонъ напала и смяла Китайское войско. Изъ ста тысячъ только пять тысячъ спаслись бѣгствомъ, прочіе всѣ были побиты. Алтанъ-ханъ, услышавъ объ этомъ поражениі, обратился въ бѣгство, и куда бѣжалъ—объ этомъ никто не зналъ. Въ нѣкоторыхъ хроникахъ сказано, что онъ велѣлъ развести большой огонь и, вмѣстѣ съ своими дѣтьми бросившись въ него, сгорѣлъ. Тули-ханъ извѣстилъ каана о смерти хана Китайскаго и о покореніи Китая: каанъ самъ прибылъ въ Китай, подчинилъ себѣ всѣ области его, и, поставивъ тамъ даругой Махмудъ Илауча, возвратился домой. Въ это время Тули-ханъ заболѣлъ и умеръ: онъ ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ, царствовавъ послѣ него четырнадцать лѣтъ.

Отправленіе царевичей Окдай-кааномъ для завоеванія Руси, Черкесовъ, Болгаръ, Туры, Башкурдовъ и другихъ народовъ.

Окдай-каанъ, по завоеваніи Китая, возвратившись въ Монголію въ шестьсотъ тридцать третьемъ году (1235—36 Р. Х.), въ годъ обезьяны, послалъ Джучи-ханова сына Бату, своего сына Кіюка, Тули-ханова сына Менгу и Джагатай-хановыхъ дѣтей, для завоеванія Руси, Черкесовъ, Болгара, Туры, Башкурдовъ и другихъ народовъ; самъ онъ, оставшись въ Кара-кorumъ, призвалъ къ себѣ плотниковъ и живописцевъ, привезенныхъ изъ Китая, велѣлъ имъ построить прекрасные дома и дворцы; также всѣ царевичи и беки около его дворца построили дома для себя. Послѣ того онъ велѣлъ мастерамъ золотыхъ дѣлъ извѣять изъ золота и серебра статую слона и статую тигра, и предъ тѣмъ и другимъ сковать

серебряные водоемы, въ которые пѣ пастей слова и тигра лились питья. Также онъ велѣлъ построить изъ дерева и дерева квадратную огородку, въ которой каждая стѣна была длиною на двухдневный путь: въ стѣнахъ ея велѣлъ сдѣлать ворота. Ханъ, каждый разъ, какъ хотѣлъ забавляться охотою, съ своими придворными садился на коня; съ пространства, переѣзжаемаго въ десять дней, пригоняли звѣрей во внутренность той ограды: Окдай-каанъ охотился за ними. Между тѣмъ царевичи, въ продолженіе семи лѣтъ, завоевавъ тѣ государства, для покоренія которыхъ были посланы, возвратились въ отечество. Такъ какъ Гератъ былъ разрушенъ, то ханъ велѣлъ снова построить этотъ городъ, и, возобновленный, онъ сдѣлался лучше прежняго.

Смерть Окдай-каана.

Когда повелитель вселенной Окдай-каанъ завоевалъ Китай, а царевичи завоевали другія государства и возвратились въ отечество, тогда каанъ во всѣ стороны отправилъ пословъ съ приказаніемъ, чтобы всѣ братья и родные прибыли къ нему: „пусты они, говорилъ онъ, отъ меня примутъ награды, и нѣсколько дней веселятся и празднуютъ смѣстѣ со мною“. Тогда со всѣхъ сторонъ его подданные толпами приходили къ нему, и въ ордѣ Окдай-каана собралось столь великое число ихъ, что въ мірѣ никогда такого не бывало. Предаваясь удовольствіямъ вмѣстѣ съ подданными, онъ щедро награждалъ ихъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ отпустилъ отъ себя народъ: каждый возвратился въ свою сторону. По отбытіи народа, хану внезапно приключилась болѣзнь, и онъ изъ тѣннаго сего міра переселился въ вѣчный.

Разсказъ о нѣкоторыхъ поступкахъ Окдай-каана, властителя Ирана и Турана.

Одинъ человекъ враждовалъ прогивъ религіи пророка Мохаммеда—миръ и благословеніе Божіе ему! Въ одинъ день онъ пришелъ къ каану и сказалъ: въ ныѣшнюю ночь во снѣ я видѣлъ Чингизъ-хана; онъ мнѣ сказалъ: сважи Оулаю, чтобы онъ избилъ мусульманъ. Ханъ спросилъ: „это тебѣ говорилъ самъ Чингизъ-ханъ, или переводчикъ?“ Тотъ отвѣчалъ: самъ ханъ мнѣ говорилъ. Послѣ того каанъ спросилъ: „монгольскій языкъ знаешь?“ Онъ отвѣчалъ: не знаю. Каанъ сказалъ: „убейте этого человека; онъ лжетъ, ибо Чингизъ-ханъ не зналъ другого языка, кромѣ монгольскаго“.

Оулай выдалъ ярлыкъ, чтобы никто, когда будетъ рѣзать овецъ, не рѣзалъ имъ горла, а распарывалъ бы у нихъ грудь. Одинъ мусульманинъ, купивъ на базарѣ овцу, привелъ ее домой, заперъ двери, сталъ ее рѣзать. Въ это время одинъ Монголъ, смѣкнувъ о дѣлѣ мусульманина, спустился въ его домъ сквозь отверстіе въ крышѣ и, связавъ ему руки и зацѣпивъ веревку къ шеѣ, привелъ его къ каану. Каанъ прекрасное сдѣлалъ рѣшеніе: онъ велѣлъ убить этого монгола, сказавъ: „этотъ мусульманинъ, исполняя повелѣніе, заперъ двери своего дома; а ты не соблюлъ закона, безъ позволенія вошедъ въ чужой домъ“.

Другой поступокъ каана: одинъ бѣдный кузнецъ сковалъ четыре или пять шилевъ, и, взявъ ихъ себѣ въ руки, вышелъ на базаръ продать ихъ; онъ стоялъ съ ними на томъ мѣстѣ, гдѣ проѣзжалъ каанъ. Каанъ, проѣзжая тутъ, ненамѣренно увидѣлъ кузнеца и сказалъ есаулу: поди, узнай, что это за человекъ? Эсаулъ, спросивъ его объ этомъ, принесъ къ каану шилы, которыя тотъ отдалъ въ подарокъ ему. Каанъ за каждое шило далъ кузнецу по эпрефу.

Еще было: одинъ старикъ, у котораго не было ни дѣтей, ни родственниковъ, однажды пришелъ во дворецъ каана и

говорилъ: если бы у меня было имѣніе, то я занялся бы торговлей. Каанъ сказалъ: „дайте ему двѣсти кошельковъ золота“. Каану говорили, что этотъ старикъ близокъ къ смерти, и ему не должно давать денегъ; что у него нѣтъ ни дѣтей, ни сродниковъ. Каанъ на это сказалъ: „онъ пришелъ сюда съ надеждою получить что-нибудь; намъ не прилично отказать ему въ томъ; пока онъ еще не умеръ, дайте ему золота, послѣ того пусть умираетъ“. Казначей тотчасъ отсчитали ему сто червонныхъ. Получивъ ихъ, старикъ въ тотъ же часъ умеръ.

Подобнымъ образомъ другой бѣднякъ пришелъ къ каану и объяснилъ, что у него нѣтъ никакого имѣнія. Каанъ далъ ему пятьсотъ червонцевъ, чтобы онъ поправилъ на нихъ свое состояніе. Этотъ человекъ, получивъ пятьсотъ червонныхъ, пошелъ и истратилъ ихъ, и опять пришелъ къ каану съ словами, что у него нѣтъ имѣнія. Каанъ еще далъ ему пятьсотъ червонцевъ. По прошествіи немногаго времени, когда онъ опять пришелъ и говорилъ, что у него нѣтъ состоянія, придворные сказали каану: сколько разъ ты, Государь, ни давалъ ему денегъ, онъ постоянно ихъ истративалъ: лучше бы было не давать ему. Каанъ спросилъ: „какъ онъ ихъ истративаетъ?“ Ему отвѣчали:—золото продаетъ онъ подданнымъ твоего государства, истратывая по одному пулу на свою пищу, питье и одежду. „Если такъ, сказалъ ханъ, то онъ опять придутъ въ казну мою“; и еще далъ ему пятьсотъ червонныхъ, сказавъ: „теперь уже много не трать!“

Если бы мы хотѣли передать всѣ таковыя поступки Окдайкаана, то они не помѣстились бы въ одну книгу: потому мы пересказали здѣсь только нѣкоторые изъ нихъ.

Жены и сыновья Окдая-каана.

У Окдайкаана было четыре жены и шестьдесятъ наложницъ. Имя старшей женъ было Тура-вучинь; имя второй Ту-

ракиня, изъ племени Меркитскаго, нѣкоторые говорятъ, что Туракиня была женою Ойратскаго начальника Таирсуна: Окдаи каанъ, убивъ Таирсуна, взялъ се въ плѣнъ; Туракиня была не красива, но поправилась Окдаи-каану. Третья жена его была Мунга; четвертая жена была Джачинъ. У каана было семь сыновъ: пятеро отъ жены Туракини, а два сына отъ наложницы. Имя старшему изъ сыновей каановыхъ Кіюкъ; его юртъ былъ въ землѣ Камакъ, нѣкоторые называютъ ее Мунгракъ и Ималь. Наслѣдникомъ престола послѣ Окдаи назначался внукъ его Ширамунъ, по дѣти Окдаевы отъ Туракини, вопреки распоряженію своего отца, провозгласили кааномъ Кіюкъ-хана и возвели его на престоль отцевъ, не смотря на то, что онъ разбитъ былъ параличемъ. У него было три сына въ такомъ порядкѣ: старшій назывался Ходжагуль, имя его матери было Камышь; второй сынъ назывался Багу, родившійся также отъ жены Камышь и имѣвшій у себя одного сына по имени Хабалъ; третій сынъ назывался Уку, у котораго было десять сыновъ. Второму Окдаи-каанову сыну имя было Кутанъ, его юртомъ былъ Тангутъ; имя третьяго сына Куджу: этотъ былъ очень умелъ, но умеръ еще при жизни Окдаи-каана; имя четвертаго сына было Карачаръ; имя пятаго сына Каши; имя Каши ему дали потому, что словомъ Каши называли Тангутъ; когда онъ родился, Чингизъ-ханъ тогда завоевалъ Каши, въ память этого и дали ему имя Каши. Онъ былъ предавъ пьянству и былъ развратенъ, потому умеръ въ молодости.

Кіюкъ-ханъ, при вступленіи на престоль отцовскій, отворивъ двери казнохранилища, роздалъ столь щедрыя дары родственникамъ и чужимъ, нищимъ и бѣднымъ, большимъ и малымъ, что никто никогда не дѣлалъ такихъ даровъ. Онъ благопріятствовалъ христіанской вѣрѣ; черезъ годъ своего царствованія, онъ перешелъ изъ этого міра въ другой.

Менгу-каанъ.

По смерти Кіюкь-хана, всё принадлежавшіе въ роду Чингизъ-хана, тѣсно соединившись съ подданными Сююркуктай-бикъ, жены Тули-хановой, согласились сдѣлать царемъ одного изъ сыновей Тули-хановыхъ; соглашались также доставить царство сыну Джучи-ханову, Бату-хану, особенно потому, что изъ внуковъ Чингизъ-хановыхъ никто не превосходилъ Бату-хана въ искусствѣ правленія и въ благоразуміи. Бату былъ въ Дешть-кипчакъ; онъ прислалъ человека къ царевичамъ, нойянамъ и князьямъ съ приглашеніемъ прибыть имъ въ Кипчакъ, дабы единодушно избрать кого-либо въ ханы и возвести на престолъ. Нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли идти и чрезъ своихъ пословъ сказали: „Чингизъ-хановъ юртъ есть Келурашъ, а потому мы не пойдемъ въ Кипчакъ“. Тогда Сююркуктай-бикъ сказала своимъ дѣтямъ: „вашъ дядя, Бату-ханъ, нездоровъ ногами, лежитъ неподвиженъ; пойдите къ нему и спросите о семь дѣлѣ“. Сыновья Сююркуктай-бикъ, Менгу-каанъ, Гулагу-ханъ, Кублай-каанъ и Мунка-угуль отправились въ Дешть-кипчакъ, прибыли къ Бату-хану. Бату, увидѣвъ Менгу-каана, сказалъ царевичамъ, нойянамъ и князьямъ: „Менгу-каана я считаю достойнымъ престола, вы что скажете на это?“ Всѣ признали за нимъ это достоинство и, объявивши его ханомъ, сказали: „въ слѣдующій годъ, мы со всѣмъ народомъ соберемся въ Келурашъ и возведемъ Менгу-каана на ханскій престолъ. По прошествіи года всѣ подданные собрались въ Келурашъ и возвели Менгу-каана на ханство. Семь дней продолжался пиръ: въ каждый день для угощенія истрачивалось по двѣ тысячи телѣгъ вина и другихъ напитковъ, по триста лошадей и коровъ и по двѣ тысячи овецъ на жареное. Въ шестьсотъ сорокъ восьмой году (1250—51 Р. X.) онъ сдѣлался ханомъ.

Дѣти Кіюкь-хана, руководимые Ширамуномъ, умислились убить Менгу-каана. Они, уложивши оружіе на нѣсколько те-

лѣтъ, подѣ распоряженіемъ Ширамуна, послали впередъ пять-сотъ человѣкъ, а сами съ другими должны были отправиться вслѣдъ за ними, чтобы, улучивши время, напасть на каана. Каанъ въ это время предавался утѣхамъ и не зналъ того, что въ мірѣ дѣлалось. Случилось, что у одного изъ каановыхъ чиновниковъ потерялся верблюдъ; этотъ человѣкъ выѣхалъ отыскивать своего верблюда; отыскивая его, онъ нечаянно пріѣхалъ въ станъ Ширамуновъ; увидѣвъ лежавшее въ телѣгѣ оружіе, возвратился къ каану съ извѣстіемъ объ этомъ. Каанъ послалъ Мингарь-нойяна съ двумя тысячами человѣкъ развѣдать о томъ. Мингарь-нойянъ пріѣхалъ въ военный станъ Ширамуновъ. Ширамунъ, увидѣвъ его, смутился и говорилъ: „мы ѣдемъ повидаться съ кааномъ“.—Если ты ѣхалъ на свиданіе съ кааномъ, отвѣчалъ Мингарь-нойянъ, то поѣзжай вмѣстѣ со мною.—Ширамунъ противъ воли, вмѣстѣ съ Мингарь-нойяномъ, отправился въ орду ханову и увидѣлся съ кааномъ. Каанъ три дня угощалъ Ширамуна; въ четвертый день, возсѣдъ на престолъ, пыталъ Ширамуна и всѣхъ его спутниковъ; они всѣ признались въ своемъ умыслѣ. Изъ людей Ширамуновыхъ онъ велѣлъ казнить смертію восемьдесятъ человѣкъ, но простилъ, ради родства, дѣтей Ширамуна и Кіюкъ-хана. Послѣ того онъ, роздавъ подарки всѣмъ царевичамъ, нойянамъ и князьямъ, позволилъ каждому изъ нихъ возвратиться на мѣсто своего жительства.

Отправленіе Менгу-кааномъ Кублай-каана въ восточныя царства, а Гулагу-хана въ западныя государства.

Менгу-каанъ, воссѣдъ на престолъ содѣйствіемъ Бату или Сайнъ-хана, какъ его иначе называютъ, занялся дѣлами государственными. На восточной сторонѣ было нѣсколько царствъ, которыя не были подѣ властію Каана; на западной сторонѣ также были нѣкоторые царства, которыя не были

подвластны: Менгу-каанъ послалъ Кублай-каана на востокъ, Гугагу-хана на западъ, а самъ съ безчисленнымъ войскомъ отправился въ походъ на Чипъ-Мачинъ. Завоевавъ государство Чинское, онъ осадилъ одну большую и сильную крѣпость, но сколько ни было употреблено старанія, не могъ взять ее. Мировала зима, наступило лѣто, и время настало чрезвычайно знойное. Князья представляли, что, по причинѣ наставшихъ жаровъ, много людей въ войскѣ умерло отъ цынги, и потому предлагали мѣнѣе пристуить къ войнѣ, когда наступитъ зима. Каанъ не согласился на это, сказавъ: „не отожду, не взявъ крѣпости“. Послѣ того ему приключилась болѣзнь; восемь дней онъ лежалъ на ложѣ страданій, и въ девятый день умеръ.

Ханствованіе Кублай-каана.

Кублай-каанъ, четвертый сынъ Тули-хана, во время смерти Менгу-каана, былъ въ Китаѣ. Услышавъ о смерти Менгу-каана, онъ впалъ въ большую печаль. По прошествіи дней сѣтованія, онъ, по согласному избранію царевичей и нойяновъ, бывшихъ съ нимъ, восшелъ на престолъ ханскій и обратилъ свою дѣятельность на устройство государства. У него былъ младшій братъ Артукъ-бука. Менгу-кааномъ онъ поставленъ былъ правителемъ Орды въ Кара-корумъ; послѣ Менгу-каана, онъ вступилъ на ханскій престолъ, и, возмущившись противъ Кублай-каана, умертвилъ пословъ его. Въ Дешть-кыпчакъ, по смерти Сайнъ-хана, младшій его братъ, Бурке-угуль возсѣлъ на ханскій престолъ. Артукъ-бука съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ прогнвъ Бурке; они сразились. Артукъ-бука, разбитый Бурке-ханомъ, убѣжалъ въ Кара-корумъ. Въ это время Кублай-каанъ, получивъ извѣстіе о Артукъ-Букѣ, пошелъ въ Кара-корумъ, и Артукъ-Бука, узнавъ о движеніи Каана, обратился въ бѣгство. Черезъ нѣсколько времени, когда конь подъ нимъ истомился, когда плащъ

на немъ износился, онъ пришелъ во дворець Кублай-каана, просилъ прощенія, и ханъ простилъ ему вину.

Въ то время отъ Гулагу, Бурке и Алгу прибылъ посоль съ словами: „мы повинуемся Кублай-каану и согласны на утвержденіе за нимъ ханства“. Каанъ, съ своей стороны, отдалъ Гулагу-хану страну отъ Джейхуна до Египта и Сирія; Дештъ-кипчавъ и всѣ области, которыя зависѣли отъ Сайнь-хана, предоставилъ Бурке; страну отъ Алтая до берега рѣки Аму отдалъ Алгу (Алгу былъ внукъ Джагатай-хана). Послѣ того Кублай-каанъ завоевалъ все государство Чинь. Онъ царствовалъ тридцать пять лѣтъ; жизни его было восемьдесятъ три года. Онъ много совершилъ дѣлъ чудесныхъ и необыкновенныхъ; если бы намъ всѣ ихъ описывать, то они не вмѣстидись бы въ книгу; потому мы описали ихъ кратко.

Глава пятая.

Исторія Джагатай-хана, втораго сына Чингизъ-ханова, и его потомковъ, царствовавшихъ въ Мавераннегрѣ.

Джагатай-ханъ былъ государь суровый и строгій, но умный и разсудительный. Чингизъ-ханъ отдалъ ему Мавераннегръ, часть Харезма, страну Уйгуровъ, также Кашгаръ, Бедешпанъ, Балхъ и Газнинъ до рѣки Синдъ. Джагатай-ханъ не жилъ ни въ одномъ изъ сказанныхъ городовъ, но, поставивъ надъ ними даругъ, самъ находился при Овдаѣ. Въ числѣ его придворныхъ былъ мулла Севаки: однажды, во время чтенія молитвы, Севаки показалъ войско, у котораго оружіе, какъ и само оно, было изъ огня, но этимъ произвелъ въ Джагатаѣ нерасположеніе къ себѣ. Визирь Джагатай-хана, злобясь на Севаки, при представившемся случаѣ, выставилъ его съ худой стороны предъ ханомъ, который сковалъ его и по-

садилъ въ темницу, гдѣ онъ наконецъ и умеръ. Этотъ судъ хана встревожилъ всѣхъ. Вскорѣ послѣ этого происшествія, ханъ впалъ въ такую болѣзнь, что врачи не могли помочь ему, и онъ, въ шестьсотъ сорокатымъ году (1242 — 3 г. Р. Х.) переселился изъ видимаго міра.

У Джагатай-хана было много женъ и наложницъ. Двѣ изъ женъ его были достоинствомъ выше другихъ: одна изъ нихъ звалась Ясулунь, дочь Конкиратскаго государя, Кабанояна; отъ нея были законные сыновья Джагатаевы. Имя другой жены его было Тарканъ-хатунь, младшая сестра первой его жены Ясулуни; она была взята имъ по смерти Ясулуни. У Джагатай-хана было семь сыновъ въ семь порядкѣ: старшій былъ Мутукинъ, родившійся отъ Ясулуни; второй сынъ былъ Муджи; третій сынъ назывался Бильдаши; четвертый Сабинъ-Билька; пятый Сарманъ; шестому сыну имя было Ясумунка, седьмому Байдаръ.

Дѣти и потомки Джагатай хановъ, царствовавшіе въ Мавераннегрѣ.

По смерти Джагатай-хана, былъ государемъ Кара-Гулагу, сынъ Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него царствовалъ Мубарекъ-шахъ, сынъ Кара-Гулагу, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова. Какъ Мубарекъ-шахъ былъ дитя, то благопріятными и неблагопріятными дѣлами государства распорядилась его мать, Аргуна-хатунь.

Послѣ Мубарекъ-шаха былъ государемъ Алгу, сынъ Байдара, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него былъ государемъ Баракъ-ханъ, сынъ Ясумунки, сына Джагатай-ханова. Послѣ двухъ лѣтъ царствованія, онъ сдѣлался мусульманиномъ; ему дали прозваніе сultanъ Гайясъ-эд-динъ; изъ членовъ, принадлежащихъ къ роду Джагатай хана, онъ первый озарился свѣтомъ вѣры.

Послѣ него былъ государемъ Бикій, сынъ Сармана, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него царствовалъ Буга-тимуръ-ханъ, сынъ Курагая, сына Бузая, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него былъ ханомъ Дуи-ходжепъ, сынъ Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него сдѣлался ханомъ Кюнъче-ханъ, сынъ Дуи-ходжена, сына Баракъ-ханова.

Послѣ него царствовалъ Балга, сынъ Курагая, сына Бузая, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него былъ ханомъ Исепъ-буга, сынъ Дуи-ходжена.

Послѣ него ханствовалъ Кюбюкъ, сынъ Дуи-ходжена.

Послѣ него былъ ханомъ Дуи-тимуръ ханъ, сынъ Дуи-ходженовъ.

Послѣ него былъ ханомъ Тармаширъ, сынъ Дуи-ходженовъ: онъ также сдѣлался мусульманиномъ и весь Мавераннегрскій улусъ, послѣдуя ему, принялъ мусульманство. Выше сказано, что Баракъ ханъ, сдѣлавшись мусульманиномъ, первый вводилъ здѣсь мусульманскую вѣру, но, по смерти Барака, всѣ, принявшіе мусульманство, возвратились къ прежнимъ своимъ вѣрамъ; принявшіе мусульманство при Тармаширѣ уже никогда не оставляли его.

Буранъ, сынъ Дуи-тимура, сына Дуи-ходженова, убилъ Тармашира и самъ воцарился.

Послѣ него царствовалъ Джавгши, сынъ Абукава, сына Дуи-ходженова.

Послѣ него былъ государемъ Ясунъ-Тимуръ, сынъ Абукава, сына Дуи-ходженова. Джавгши и Ясунъ-Тимуръ родились отъ одного отца и одной матери. Ясунъ-тимуръ замыслилъ убить Джавгшиа; мать его, услышавъ объ этомъ, извѣстила сына сего. Джавгши и Ясунъ-Тимуръ собрали войска и вступили въ битву; Ясунъ-Тимуръ одержалъ побѣду, убилъ брата и истребилъ его войско, и у матери своей отрѣзалъ груди.

Послѣ этого происшествія, Али-Султанъ, изъ рода Овдай-каана, побѣдилъ потомковъ Джагатаевыхъ и сдѣлался государемъ въ Мавераннегрѣ.

Послѣ него былъ государемъ Мохаммедъ, сынъ Булада, сына Кюпчака, сына Дуи-ходженова.

Послѣ него царствовалъ Казанъ Султанъ-ханъ, сынъ Ясуна, сына Урюкъ-тимура, сына Буга-тимура, сына Курагая, сына Бузая, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Извѣстно, что изъ потомковъ Джагатай-хановыхъ, царствовавшихъ въ Мавераннегрѣ, двадцать одинъ чедовѣкъ были полновластными государями; послѣ нихъ цари изъ дома Джагатаева, кого только изъ нихъ дѣлали ханомъ и возводили на ханскій престолъ эмиры, были ханами только по имени, но нимало не имѣли свободы распоряжаться государственными дѣлами. Въ истинѣ этого свидѣтельствуеетъ слѣдующее событіе. Казанъ Султанъ-ханъ былъ государь легковѣрный. Эмиры всякій разъ какъ прїѣзжали представляться ему, ласкательствомъ его избалованнымъ дѣтямъ выпрашивали себѣ прощеніе въ винахъ: это возбудило подданныхъ къ бунту противъ него. Одинъ изъ его эмировъ, по имени Кузгунъ, возсталъ противъ Казанъ Султанъ-хана и обнажилъ мечъ. Открылась междоусобная война; Казанъ Султанъ-ханъ разбилъ войско эмира Кузгуна, истребилъ его участниковъ, разграбилъ ихъ имѣніе и, прибывъ въ Карши, здѣсь остановился зимовать. Между тѣмъ эмиръ Кузгунъ спасся. Въ Карши выналъ большой снѣгъ, и въ войскѣ Казанъ Султанъ-хана погибли всѣ лошади. Эмиръ Кузгунъ, узнавъ о его положеніи, собралъ многочисленную рать, напалъ на Казанъ Султанъ-хана, вступилъ съ нимъ въ битву, и, одержавъ надъ нимъ побѣду, велѣлъ умертвить его. Родъ Джагатай-хана, сына Чингизъ-ханова, до смерти Казанъ-Султанъ-хана, царствовалъ въ Мавераннегрѣ сто тридцать лѣтъ: всѣхъ государей этого дома было двадцать одинъ. Эмиръ Кузгунъ, низложивъ Казана, поставилъ ханомъ Давишмендча-хана, сына Кайду-хана, сына

Тайшія, сына Огдай-каана, сына Чингизъ-ханова. По прошествіи двухъ лѣтъ онъ предалъ его смерти.

Послѣ него сдѣлали ханомъ Баянъ-кулы-хана, сына Сургу, сына Дуи-ходжена, сына Барака, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-хана, сына Чингизъ-ханова. По смерти эмира Кузгуна, сынъ его, Абдуллахъ, влюбился въ жепу Баянъ-кулы-ханову и предалъ смерти невиннаго Баянъ-кулы-хана.

Онъ поставилъ ханомъ Тимуръ-шаха, сына Ясунъ-Тимура, сына Абукана, сына Дуи-ходжена, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

По смерти эмира Абдуллаха, племянникъ его эмиръ Хусейнъ, сынъ Беслая, сына Эмиръ-Кузгунова, поставилъ ханомъ Адиль-Султана, сына Мохаммеда, (сына) Булада, сына Кюнчека, сына Дуи-ходжена, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова. Но какъ скоро эмиръ Тимуръ открылъ войну прогивъ эмира Хусейна, эмиръ хусейнъ, подозрѣвая въ этомъ хана, связалъ ему руки и ноги и утопилъ его въ рѣкѣ.

Послѣ того онъ поставилъ ханомъ Кабуль-Султана, сына Дорджи, сына Ильчидая, сына Дуи-Ходжень-ханова.

Послѣ сего эмиръ Тимуръ, сынъ эмира Турагая, изъ поколѣнія Берласъ, вступилъ въ сраженіе съ эмиромъ Хусейномъ при Балхѣ. Эмиръ Тимуръ одержалъ побѣду и предалъ смерти хана и эмира Хусейна. Эмиръ Тимуръ возвелъ въ ханы Сююргатмышъ-хана, сына Данишмендча-хана, сына Кайду, сына Тайшія, сына Огдай-Каана, сына Чингизъ-ханова.

Когда Сююргатмышъ-ханъ отошелъ въ Божию милосердію, на мѣсто его возвели въ ханское достоинство сына его, Махмудъ-Султана.

Со времени Казань-Султанъ-хана изчисленные ханы были ханами только по одному имени, но не имѣли никакой

власти въ дѣлахъ; въ каждой землѣ лица, значительнѣйшія въ народѣ, ставили себѣ хановъ по своему произволу: областныхъ царей было тогда много.

Эмиръ Тимуръ, сынъ Турагая, изъ поколѣнія Берласть, собравъ вокругъ себя своихъ однородцевъ, на одинъ часъ не останавливалъ войскъ и битвъ. Въ его время въ Кашгарѣ сдѣлался сильнымъ ханомъ Туклукъ-Тимуръ-ханъ, потомокъ Джатагай-хана. Узнавъ о положеніи дѣлъ въ Мавераннегрѣ, онъ, желая завоеваній, собралъ многочисленное войско и вступилъ въ Мавераннегръ. Одна часть жителей ему покорилась, другая осталась подъ властію хана, а нѣкоторые изъ нихъ бѣжали. Эмиръ Тимуръ и эмиръ Хусейнъ, убѣжавши, ушли въ Никудеръ-гезаръ. Туклукъ-Тимуръ-ханъ пробылъ въ Мавераннегрѣ одинъ годъ; у него былъ сынъ, по имени Шьясь-Ходжа, ему онъ поручилъ управленіе Мавераннегромъ, а самъ возвратился въ Кашгаръ. Черезъ годъ онъ умеръ. Эмиръ-Тимуръ и эмиръ Хусейнъ, узнавши о его смерти, пришли въ Мавераннегръ и открыли войну съ Шьясь-Ходжа-ханомъ. Шьясь-Ходжа бѣжалъ въ Кашгаръ. Съ этого времени въ Мавераннегрѣ не было никого сильнѣе этихъ двухъ эмировъ. На послѣдствъ между обоими эмирами началась война. Въ сраженіи при Балхѣ эмиръ Тимуръ одержалъ побѣду надъ эмиромъ Хусейномъ, убилъ его и одинъ сдѣлался обладателемъ Мавераннегра.

Эмиръ Тимуръ, возведя Сюргатмыша на престолъ, оставилъ за нимъ только наружность ханскаго достоинства, а въ существѣ былъ ханомъ самъ. Въ хутбѣ провозглашалось имя хана. Сюргатмышъ-ханъ, послѣ двадцати-двухлѣтняго мнимаго владычества, отошелъ къ милосердію Божію.

Послѣ него сынъ его, султанъ Махмудъ-ханъ получилъ отъ эмира титулъ хана. Султанъ Махмудъ-ханъ такъ чтилъ и уважалъ эмира Тимура и его дѣтей, что не давалъ одной пылинкѣ недовѣрія упасть на душу эмира Тимура. Ночи и дни онъ проводилъ въ томъ, что читалъ Коранъ, и намазы, постился, молясь о благополучномъ правленіи эмира

Тимура. Эмиръ Тимуръ въ тугрѣ ярлыковъ велѣлъ писать такъ: „правосудный Махмудъ-ханъ и вонитель за вѣру эмиръ—наше слово.“ На пирахъ, на праздникахъ ханъ, предоставляя первенство эмиру Тимуру, самъ скромно сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги; также когда приходили послы, онъ, предоставляя пріемъ ихъ эмиру Тимуру, самъ сидѣлъ тутъ въ скромномъ положеніи.

Эмиръ Тимуръ, когда минуло тридцать лѣтъ его правленія и шестьдесятъ лѣтъ его жизни, предпринялъ походъ въ Румъ. Ставъ съ Баязидомъ Ильдеримомъ лицомъ къ лицу, онъ началъ съ нимъ битву, продолжавшуюся съ утра до половины ночи. Баязидъ Ильдеримъ обратился въ бѣгство. Махмудъ-ханъ погнался въ слѣдъ за нимъ, и на слѣдующій день, въ заповѣдь, настигъ его и, взявъ въ плѣнъ, представилъ его эмиру Тимуру. Тимуръ годъ пробылъ въ Румѣ; предавъ смерти Ильдеримъ Баязида и Махмудъ-хана, онъ велѣлъ провозглашать въ хутбѣ свое имя, и свое имя выбивать на монетѣ. Оттуда онъ возвратился въ Самаркандъ. Потомъ онъ предпринялъ походъ въ государство Китайское, и, по приходѣ въ Отраръ, переселился изъ тѣпнаго жилища въ вѣчное. Жизни его было семьдесятъ одинъ годъ; государствовалъ онъ тридцать шесть лѣтъ. Онъ умеръ въ восемьсотъ седьмомъ годѣ (1404 Р. X.).

Принятіе мусульманской вѣры Туклукъ-Тимуръ-ханомъ.

Потомокъ Джагатай-хана Иль-ходжа, которому прозваніе было Исень-буга-ханъ, сынъ Дуи-Ходжена, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова, родился въ Мавераннегрѣ. Въ Кашгарѣ, Яркендѣ, Ала-тагѣ и въ землѣ Уйгуровъ не было полновластнаго государя изъ рода Джагатай-ханова. По этой причинѣ Монгольскіе эмиры, сдѣлавъ между собою совѣщаніе, призвали изъ Бухары Исень-

бугу и поставили его государемъ Кашгара, Иркенда, Ала-тага и земли Уйгурской. Такъ онъ сдѣлался высокодержавнымъ государемъ. У него была жена, по имени Сатылмышь-хатунь, но отъ нея не было у него дѣтей. Поэтому онъ обратилъ взоръ на одну изъ прислужницъ, по имени Менгли, и держалъ ее при своемъ дворѣ (Ордѣ). Со временемъ эта прислужница сдѣлалась беременною. Когда ханъ отправился на охоту, Сатылмышь-хатунь ту прислужницу выдала въ замужество за одного монгола, по имени Ширя-угуль, и сказала ему: „ты не оставайся въ этомъ государствѣ, но перейди отсель въ землю Монгольскую и живи тамъ“. Монголь, исполняя этотъ приказъ, переселился оттуда. Но между тѣмъ весь народъ зналъ, что та невольница была беременна отъ хана. Ханъ, возвратившись съ охоты, спросилъ невольницу, и ему рассказали подробно поступокъ съ нею. Ханъ ни одного слова не сказалъ Сатылмышь-хатунѣ, потому что у Монголовъ есть обычай, что, если у государя будетъ нѣсколько женъ, то одна изъ нихъ полновластно управляетъ другими: она что ни прикажетъ имъ, онѣ противъ нея слова не скажутъ. Потому ханъ не сказалъ ей ни слова. По прошествіи нѣкотораго времени Псень-буга-ханъ умеръ. Изъ потомковъ Джагатай-хановыхъ не оставалось ни одного, который бы способенъ былъ царствовать, хотя каждое поколѣніе ставило для себя своего хана и царей областныхъ было много. У Псень-буги-хана былъ эмиръ, по имени Эмиръ-Юлаучій; онъ зналъ, что Менгли-хатунь во время удаленія была беременна, а потому онъ одному изъ людей, Ташъ-Тимуръ, давъ сто овецъ на путевое содержаніе, сказалъ: „если ты во сколько бы ни было времени развѣдаешь о Менгли-хатунѣ, о томъ, кого она родила, и принесешь ко мнѣ о томъ извѣстіе, то я дамъ тебѣ за то безсчетное количество денегъ.“ Съ этимъ общаніемъ онъ послалъ Ташъ-Тимура, и Ташъ-Тимуръ, скитаясь и переходя изъ одного жительства въ другое, пришелъ въ одинъ юртъ Монгольскій. Ему случайно привелось войти въ одинъ участокъ его, и когда онъ

спросилъ: чье это жительство? ему сказали, что тутъ живетъ Ширя-угуль. Ташъ-Тимуръ, собирая свѣдѣнія, спросилъ о дѣтяхъ Менгли-хатуни. Ему сказали, что у Менгли-хатуни отъ Буга-хана родился сынъ, которому дано имя Туклукъ-Тимуръ, и что у ней также отъ Ширя-Угула есть сынъ по имени Тимуръ-Меликъ; оба они въ это время играли при своемъ кочевьѣ. Послѣ того Ташъ-Тимуръ, употребивъ много хитростей, доставилъ Туклукъ-Тимуръ-хана къ эмиру Юлаучю. Тогда эмиръ Юлаучій возвелъ Туклукъ-Тимуръ-хана на ханство, давъ пиръ по монгольскому обычаю. Туклукъ-Тимуръ въ непродолжительномъ времени подчинилъ себѣ Кашгаръ, Яркендъ, Алатагъ и Уйгурію. Потомъ подчинивъ своему владычеству Мавераннегръ, онъ поставилъ правителемъ Самарканду сына своего Ильяса-ходжу. Возвратившись въ свою державу, онъ вскорѣ отошелъ къ Божію милосердію. Въ Кашгарѣ онъ былъ первый человекъ изъ Чингизъ-хановыхъ потомковъ, сдѣлавшійся мусульманиномъ.

Случай, по которому онъ сдѣлался мусульманиномъ, былъ такой. Въ одинъ день онъ велѣлъ быть охотѣ, а потому, когда онъ, охотясь, ѣздилъ, неожиданно увидѣлъ тамъ толпу людей, которые во время своего переѣзда тутъ остановились. Ханъ далъ приказъ привести къ нему тѣхъ людей, перевязавъ имъ руки; его есаулы перевязали ихъ и привели ихъ къ нему. Ханъ сказалъ имъ: „зачѣмъ вы не соблюдаете моего повелѣнія, и ѣздите на мѣстахъ, отведенныхъ для охоты?“ Ханъ прежде того далъ повелѣніе, чтобы въ ловищѣ его никто не ѣздилъ, и, если кто тамъ поѣдетъ, тѣхъ вязать и представлять ему. Наибольшимъ надъ людьми, къ нему приведенными, былъ шейхъ Джемаль-уд-динъ, уроженецъ Бухарскій, человекъ состоятельный и уважаемый по роду отца и матери. Этотъ шейхъ ему отвѣчалъ: „мы путешественники, и не знали, что государемъ дано было такое повелѣніе: мы пріѣхали сюда изъ земли Китая“. Ханъ спросилъ: „вы Таджики?“ На отвѣтъ его, что они Таджики, ханъ сказалъ: „со-

бака лучше Таджики“. — „Если бы мы, сказали шейхъ, были люди безъ вѣры, то были бы ничтожныя собаки.“ — Эти слова сдѣлали впечатлѣніе на сердце хана и онъ сказалъ одному изъ есауловъ: „когда я возвращусь домой, тогда приведи ко мнѣ этого Таджики. Когда ханъ воевалъ съ ологы, есаулы представили къ нему шейха. Ханъ былъ одинъ; онъ спросилъ: „ты сказалъ, что невѣрующій человѣкъ хуже самой собаки, что значатъ эти слова? что такое вѣра?“ шейхъ далъ столь ясное понятіе о вѣрѣ, что сердце хана, которое было жестче камня, сдѣлалось мягко какъ воскъ а невѣріе представилъ столь презрительнымъ, что ханъ получилъ отвращеніе отъ него. Онъ много плакалъ и сказалъ шейху: „хотя бы я и объявилъ теперь о мусульманствѣ, но былъ бы не въ состояніи поставить народъ на прямой путь; потерпи немного, со временемъ я получу полную власть въ послѣдственныхъ мѣсахъ владѣніяхъ, тогда непременно, непременно приходи ко мнѣ?“ Говоря это, онъ показалъ въ себѣ ревность о вѣрѣ. Шейхъ возвратился въ страну своего жительства (кошъ). По прошествіи нѣкотораго времени, шейхъ сдѣлался боленъ, и, дѣлая предсмертное завѣщаніе своему сыну, сказалъ: „Этотъ ханъ будетъ великимъ государемъ; тогда ты, не боясь, сходи къ нему: скажи ему отъ меня привѣтствіе мира, и напомани ему объ обѣтѣ, данномъ имъ при мнѣ. Смотри, не бойся этого дѣла!“ Сказавъ это, онъ перешелъ изъ тѣннаго міра въ вѣчный. Имя сыну шейха было Рашидъ-эд-динъ; его поставилъ шейхъ преемникомъ себѣ. Прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ и ханъ получилъ въ свою власть Кашгаръ, Ташкендъ, Уркендъ, Уйгурію, Андежанъ, Самаркандъ, Бухару и весь Мавераннегръ. Шейхъ Рашидъ-эд-динъ, чтобы исполнить завѣщаніе своего отца, пришелъ въ орду хана, но, сколько ни старался, не могъ увидѣть хана. Въ одинъ день, рано утромъ, подошедъ ко дворцу, онъ громко сталъ возглашать *азанъ* (призывъ на молитву); ханъ, услышавъ голосъ, послалъ человѣка, съ приказаніемъ, чтобы онъ привелъ къ нему того

крикнува. Тотъ пошелъ и привелъ къ нему шейха. Ханъ сказалъ ему: „зачѣмъ ты пробудилъ меня отъ сладкаго сна?“ Шейхъ Рашидъ-эд-динъ подробно пересказалъ хану всѣ слова, какія говорилъ отецъ его: ханъ, произнесши слова исповѣданія, сдѣлался мусульманиномъ, и потомъ призывая къ себѣ порознь своихъ эмировъ, дѣлалъ ихъ мусульманами. Но одинъ изъ бековъ, по имени Чурасъ, сказалъ: „здѣсь есть одинъ силачъ; пусть этотъ Таижикъ поборется съ нимъ: если онъ поборетъ его, я сдѣлаюсь мусульманиномъ. Ханъ сколько ни отклонялъ его, онъ не соглашался. Шейхъ Рашидъ-эд-динъ сказалъ: „условіе, предложенное эмиромъ Чурасомъ, хорошо; приведите сюда богатыря, я готовъ съ нимъ бороться“. Привели силача Монгола; шейхъ взялся бороться съ нимъ, и когда этотъ силачъ сильно разъяренный ходилъ, онъ ударилъ его въ грудь такъ сильно, что онъ повалился безъ чувствъ. Прележавъ нѣсколько времени, силачъ пришелъ въ себя и, повторяя нѣсколько разъ слова исповѣданія вѣру, всталъ съ земли. Шейхъ припалъ къ ногамъ его. Эмиръ Чурасъ, увидѣвъ такой оборотъ дѣлу, сдѣлался также мусульманиномъ. Въ этотъ день сто шестьдесятъ тысячъ человекъ приняли мусульманскую вѣру. Съ этого времени въ удѣлѣ Джагатая исламъ объявленъ господствующею вѣрою.

По прошествіи нѣкотораго времени эмиръ Юлаучій умеръ. Когда Туклукъ-Тимуръ-хана возвели въ ханское достоинство, онъ сдѣланъ при немъ эмиромъ эмировъ (эмиръ-уль-умара). Послѣ него остался сынъ семи лѣтъ, по имени Ходайдадъ; ему дано достоинство отца его. У эмира Юлаучія было пять братьевъ; третій изъ младшихъ его братьевъ былъ Камаръ-уд-динъ, человекъ дерзкій, но сильный и храбрый. Однажды, когда ханъ сидѣлъ въ пріемной залѣ, Камаръ-уд-динъ сдѣлалъ ему предложеніе въ такихъ словахъ: „Эмиръ Ходайдадъ по молодости своей не можетъ надлежащимъ образомъ управлять дѣлами столь великаго государства; передай мнѣ его должность, а онъ пусть находится при мнѣ до того

времени, какъ будетъ въ состояніи править дѣлами“. Ханъ не принялъ его предложенія, и по этой причинѣ Камаръ-уд-динъ послалъ въ своемъ сердцѣ неудовольствіе къ хану. Туклукъ-Тимуръ-ханъ родился въ семьсотъ тридцатомъ году (1329. Р. X), на шестнадцатомъ году своего возраста онъ сдѣлался ханомъ, при содѣйствіи Юлаучія Дуглата; на двадцать четвертомъ году жизни онъ, озарившись свѣтомъ вѣры, сдѣлался мусульманомъ; на тридцать четвертомъ году жизни, онъ, исполняя судьбы Божіи, перешелъ изъ временнаго жилища въ вѣчное.

По смерти хана, Камаръ-уд-динъ Дуглатъ возмущился и убилъ Ильясъ-ходжу, сына Туклукъ-Тимуръ ханова. Въ это время предано было мученической смерти осемнадцатъ тысячъ человекъ, и большихъ и малыхъ, принадлежавшихъ къ роду Туклукъ-Тимуръ-хана. При этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ приставниковъ изъ довѣренныхъ лицъ, и поручилъ имъ убивать всѣхъ, когорые найдутся гдѣ изъ рода Туклукъ-Тимуръ-ханова. Послѣ того Камаръ-уд-динъ присвоилъ себѣ имя хана, велѣлъ свое имя возглашать въ хутбѣ и выбивать на монетѣ.

Но послѣ Туклукъ-Тимуръ-хана остался сынъ, кормившійся еще грудью; мать его звали Амръ-ага. Амръ-ага-хатунъ съ этимъ своимъ сыномъ ушла къ Ходайдаду; эмиръ Ходайдадъ скрылъ его у себя. Сколько разъ ни прислалъ за нимъ Камаръ-уд-динъ, онъ не отдалъ ему его. Къ этому времени эмиръ Тимуръ съ многочисленными силами приходилъ воевать съ Камаръ-уд-диномъ; и въ то время, какъ они заняты были спорами и битвами, эмиръ Ходайдадъ для сына Туклукъ-Тимуръ-ханова, назначивъ воспитателей и поручивъ его имъ, отправилъ его съ ними въ горы Бедехшана, въ сопровожденіи нѣсколькихъ надежныхъ людей, и велѣлъ имъ тамъ жить. Между тѣмъ эмиръ Тимуръ сдѣлалъ пять походовъ противъ Камаръ-уд-дина, въ каждый походъ, они, устроивъ полки къ битвѣ, сражались между собою. Въ послѣдній изъ сихъ походовъ Камаръ-уд-динъ, съ давняго времени страдав-

шій водяною болѣзнію, когда услышалъ, что эмиръ Тимуръ идетъ на него, съ нѣсколькими человекѣми скрылся, потому что въ Камаръ-уд-динѣ кромѣ поклонности къ чувственнымъ удовольствіямъ не было другихъ чувствованій и наклонностей. При такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, Камаръ-уд-дина, снабдивъ съѣстными припасами на нѣсколько дней и поручивъ его одной невольницѣ, отправили въ одинъ большой и дикій лѣсъ, какой въ той сторонѣ былъ. Черезъ нѣсколько дней стали говорить, что слухъ о пашествіи эмира Тимура ложень, и потому жители стали возвращаться—каждый въ свою землю; за Камаръ-уд-диномъ послали въ лѣсъ людей, но посланные, сколько ни искали его тамъ, не нашли ни слѣда, ни признака его и воротились назадъ. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Камаръ-уд-динъ поступилъ на службу къ Маликъ-Халжиму. При такихъ обстоятельствахъ, сына Туклукъ-Тимурова, который отправленъ былъ въ Бедехшавъ, и которому имя было Хызръ-ходжа, возвратили изъ Бедехшана, и возвели на ханскій престолъ, на мѣсто отца. Съ этого времени и до настоящаго, всѣ государи въ Кашгарѣ и Яркендѣ ведутъ родъ свой отъ Хызръ-Ходжа-хана, сына Туклукъ-Тимура, сына Исавъ-буги-хана, сына Ди-ходженъ-хана, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукана, сына Джагатай-хана, сына Чингизъ-ханова.

Въ поколѣніи Акъ-манкыть былъ человекъ, по имени Кутлукъ-Кыя. У него были сынъ и дочь. Дочь его взялъ за себя сынъ Тимуръ-бека, у котораго родился Тимуръ-Кутлукъ ханъ. Сынь его (Кутлукъ-Кыя) былъ Идигей, который поступилъ на службу къ Токтамышъ-хану. Въ то время, когда Токтамышъ-ханъ, говимый Урусъ-ханомъ, ушелъ къ Тимуръ-беку въ Самаркандъ, въ слѣдъ за нимъ пришелъ туда и Идигей Манкыть, сказывая, что Урусъ-ханъ, собравъ войско, идетъ въ эту сторону. При помощи Тимуръ-бека, Токтамышъ ханъ, усмиривъ Урусъ-хана, сдѣлался властителемъ Джучій-хановой державы и въ городъ Сараѣ вступилъ на ханскій

престолъ. Когда Тимуръ-Кутлукъ-ханъ пришелъ въ полную силу, то Идигей Манкытъ оставилъ Токтамышъ-хана и присталъ къ Тимуръ-Кутлукъ-хану, потому что въ сердцѣ Тимуръ-Кутлукъ-хана запала мысль сдѣлаться государемъ по этому онъ произвелъ мятежъ противъ Токтамышъ-хана. Токтамышъ-ханъ схватилъ его и намѣревался убить, но Тимуръ Кутлукъ-ханъ, бѣжавъ, ушелъ къ Тимуръ-беку; Идигей Манкытъ остался отъ него. Черезъ шесть мѣсяцевъ Идигей Манкытъ перешелъ къ Тимуръ-Кутлuku. По прошествіи нѣкотораго времени эмиръ Тимуръ пошелъ воевать Иранское царство; Токтамышъ-ханъ, зная, что Мавераннегръ остался безъ защиты, вторгнулся въ Самаркандъ, избилъ въ немъ нѣсколько мусульманъ; разграбилъ его и возвратился назадъ. Эмиръ Тимуръ, получивъ извѣстіе объ этомъ, возвратился въ Самаркандъ и, не останавливаясь въ немъ, повелъ войско противъ Токтамышъ-хана. На берегу рѣки Идиля (Волги) онъ сражался съ Токтамышемъ. Эмиръ Тимуръ одержалъ побѣду, а Токтамышъ-ханъ обратился въ бѣгство. Эмиръ Тимуръ истребилъ много народа. Выше мы говорили, что Тимуръ-Кутлукъ-ханъ убѣжалъ отъ Токтамышъ-хана и ушелъ къ эмиру Тимуръ: этотъ самый Тимуръ-Кутлукъ былъ вмѣстѣ съ эмиромъ Тимуромъ въ этомъ походѣ. Представъ предъ эмира Тимура, онъ сказалъ ему: „Токтамышъ-ханъ силою завладѣлъ моимъ наследственнымъ удѣломъ; жители его, какъ слышу, всѣ нынѣ благоденствуютъ. Если ты позволишь, я всѣхъ ихъ приведу сюда, для служенія тебѣ“. Эмиръ Тимуръ далъ ему позволеніе. Тимуръ Кутлукъ, отыскавъ жителей на берегу рѣки Идиля, немедленно сталъ переселять ихъ въ области эмира Тимура. Когда они прошли нѣсколько становищъ, Идигей Манкытъ сказалъ Тимуръ-Кутлuku: „какая тебѣ польза отъ того, что ты этихъ людей переведешь къ Тимуръ-бію? Тимуръ-бій разошлетъ ихъ изъ Самарканда по разнымъ мѣстамъ; а ты останешься, какъ и прежде, только слугою Тимуръ-бію.“ Тимуръ Кутлукъ-Угланъ, дѣйствуя соотвѣтственно словамъ Идигей Манкыга, собралъ

стариковъ изъ этихъ людей и сказалъ имъ: „Тимуръ бій васъ предасть смерти, а вашихъ дѣтей сдѣластъ невольниками“. На это они сказали ему: мы только для тебя идемъ туда, а Тимуръ бій намъ незнакомъ. Тогда Тимуръ-Кутлукъ-Угланъ воротился назадъ съ этими людьми, и, удалившись въ одинъ укромный уголокъ, тамъ жилъ.

Глава шестая.

Исторія потомковъ Тули-хана, младшаго сына Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ юртѣ Иранскомъ.

По смерти Гююкъ-хана, сына Огдай-каанова, сдѣлался ханомъ Менгу-каанъ, сынъ Тули-хана. Да будетъ извѣстно, что званіе каанъ имѣетъ такое значеніе: того человека, котораго достоинство и честь считаются выше хакскихъ, эмиры и народъ называютъ хаканомъ; а того, котораго достоинство выше, чѣмъ хакана, народъ титулуетъ кааномъ. Почетнѣе титула каанъ нѣтъ титула. Менгу-каанъ послалъ въ Хорасанъ для управленія имъ Аргунъ-агу, происходившаго изъ народа Ойратъ. Аргунъ-ага десять лѣтъ управлялъ имъ. По смерти его, Менгу-каанъ управленіе Иранскимъ царствомъ поручилъ своему младшему брату, Гулагу-хану, давъ ему пятую часть своихъ войскъ. Гулагу-ханъ, пришедъ въ Иранъ, истребилъ еретическую общину Мюльхидовъ и предалъ смерти халифа Мотасема, а владѣнія ихъ подчинилъ своему престолу. Оттуда онъ ходилъ въ Сирію и покорилъ это царство. Царствовалъ девять лѣтъ, онъ отошелъ изъ сего міра.

Послѣ сего Абака-ханъ, сынъ Гулагу-хана, вступилъ на мѣсто своего отца, по повелѣнію своего дяди Кублай-каана. Ханствовалъ семнадцать лѣтъ, онъ ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ.

Послѣ него былъ государемъ Ахмедъ-ханъ, сынъ Гулагу-хана. По прошествіи двухъ лѣтъ его царствованія, его убилъ Аргунъ, сынъ Абака-хана, сына Гулагу-ханова, и заступилъ его мѣсто.

Аргунъ царствовалъ семь лѣтъ и переселился изъ сего міра.

Послѣ него сдѣлался ханомъ Кенджайту, сынъ Абака-хана, сына Гулагу-ханова. Его царствованіе продолжалось четыре года.

Байду, сынъ Тургая, сына Гулагу-ханова, убилъ Кенджайту и вмѣсто его сдѣлался ханомъ: царствовалъ только восемь мѣсяцевъ.

Газанъ-ханъ, сынъ Аргунъ-хана, сына Абака-хана, сына Гулагу-ханова, убивъ Байду, сдѣлался вмѣсто его государемъ. Онъ первый изъ потомковъ Тули-хановыхъ въ Иранѣ облагородился вѣрою ислама. Онъ ревностно содѣйствовалъ къ распространенію ислама; невѣріе притамлось; идольскія капища онъ сожигалъ: вліяніемъ его всѣ Монголы Иранскіе приняли исламскую вѣру. Послѣ девятилѣтняго царствованія, въ семьсотъ первомъ году гиджры (1301 Р. Х.), онъ изъ тлѣннаго жилища перешелъ въ вѣчное; онъ жилъ тридцать лѣтъ.

Послѣ него былъ государемъ Олджайту, сынъ Аргунъ-хана, сына Абака-хана, сына Гулагу-ханова. Умеръ, царствовалъ тринадцать лѣтъ.

Послѣ него былъ государемъ Абу-Саидъ-ханъ, сынъ Олджайту. Абу-Саидъ-ханъ, когда умеръ отецъ его, былъ двѣнадцати лѣтъ; по этой причинѣ бразды правленія вручены были на нѣсколько лѣтъ эмиру Чупанъ-Сюльдуру. Послѣ девятнадцати лѣтъ своего царствованія, онъ перешелъ къ Бо-жю милосердію.

Ханы изъ потомковъ Гулагу-хана въ царствѣ Иранскомъ, возводимые на престолъ эмирами, послѣ Абу-Саидъ-хана.

Да будетъ извѣстно, что эти ханы были только по имени ханами, но не имѣли никакой силы въ государственномъ управленіи. Эмиры изъ рода Сюльдуръ, которымъ общее названіе было Чупанъ, послѣ Абу-Саидъ-хана возвели на ханскій престолъ Арба-хана, потомка Арикъ буги, сына Тули-ханова.

Въ то же время Алій Ойратъ, который былъ правителемъ Багдада, поставилъ ханомъ Мусу, сына Алиа, сына Байду, сына Турагая, сына Гулагу-ханова. Онъ вступилъ въ битву съ Арба-ханомъ и, одержавъ надъ нимъ побѣду, убилъ его, и привелъ государство подъ власть своего престола.

Въ то время Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ, котораго звали также Шейхъ-Хасанъ Бузургъ (Старшій), былъ правителемъ Рума. Онъ когда услышалъ, что Муса сдѣлался ханомъ, возвелъ въ ханы Мохаммеда, сына Юль-Кутлука, сына Тимура, сына Анбаджара, сына Менгу, сына Гулагу-ханова. Собравъ большое войско, онъ изъ Рума и Грузіи пошелъ въ Иранъ; при Тебризѣ онъ сразился съ Муса-ханомъ и одержалъ надъ нимъ побѣду. Алій Ойратъ, который былъ первенствующимъ лицомъ въ Ойратскомъ народѣ, лишился жизни. Муса ханъ, обратившись въ бѣгство, ушелъ въ Ойратамъ.

Тогда Шейхъ-Алій, сынъ эмира Алиа Кушчія, бывшій правителемъ Хорасана, услышавъ объ оныхъ происшествіяхъ, собралъ всѣхъ Монголовъ, жившихъ въ Хорасанѣ, и съ ними перешелъ въ Бастамъ; они призвали къ себѣ Тугай-Тимура, потомка Джучи Касара, младшаго брата Чингизъ-ханова, изъ Мазандерана, гдѣ онъ былъ правителемъ, и поставили его ханомъ; и потомъ пошли противъ Мохаммеда-хана, возведеннаго въ ханство Шейхъ-Хасаномъ Джелаиромъ. Къ Тугай-Тимуру присоединился и Муса-ханъ, пришелъ къ нему съ народомъ Ойратскимъ. Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ, получивъ

извѣстіе объ этомъ, выступилъ имъ на встрѣчу. Два войска вступили въ битву на поляхъ Гермъ-Рудскихъ; Шейхъ-Хасанъ Джелайръ остался побѣдителемъ. Муса ханъ убитъ въ битвѣ; Тугай-Тимуръ-ханъ и Шейхъ-Алій, сынъ эмира Алія, бѣжали въ Хорасанъ.

Шейхъ-Хасанъ, сынъ Тимуръ-Таша, сына эмира Чубанъ-Сюльдура, извѣстный также подъ именемъ Шейхъ-Хасанъ-Кючукъ младшій, былъ правителемъ въ области Рума, поставленный на эту должность еще Абу-Сандъ-Ханомъ. Онъ также, услышавъ о тѣхъ происшествіяхъ, съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ противъ Шейха-Хасана Джелайра, оба войска сразились при Нахичеванѣ. Шейхъ Хасанъ-Кючукъ остался побѣдителемъ; Мохаммедъ-Ханъ убитъ въ сраженіи. Шейхъ-Хасанъ Джелайръ, бѣжавъ, ушелъ въ Султанію. Шейхъ Хасанъ-Кючукъ въ Тебризѣ возвелъ на престолъ Сати-Бика-Хатунъ, дочь султана Мохаммеда Харъ-бенде, и пошелъ на преслѣдованіе Шейхъ-Хасана Джелайра; но Джелайръ самъ напередъ пришелъ и предался Шейхъ-Хасанъ Кючку: они помирились.

По прошествіи одного года, Шейхъ-Хасанъ Кючукъ лишилъ престола Сати-бика-хатунъ и поставилъ Ханомъ Сулеймана, сына Мохаммеда, сына Севке, сына Яшмута, сына Гулагу-ханова, и Сати-бика-хатунъ отдалъ за него въ замужество. Черезъ нѣсколько времени Шейхъ-Хасанъ-Бузургъ, отставъ отъ эмира Шейхъ-Хасанъ-Кючюва, ушелъ въ Багдадъ и поставилъ ханомъ Джеганъ Тимуръ-хана, сына Алафиренка, сына Кенджайту-хана, сына Абака-хана, сына Гулагу-ханова. Собравъ войско, онъ пошелъ и вступилъ въ битву съ Шейхъ-Хасанъ Кючукъ-Сюлдуромъ. Шейхъ-Хасанъ-Кючукъ побѣдилъ, а Шейхъ-Бузургъ Джелайръ убѣжалъ въ Багдадъ, и, низложивъ хана, самъ сдѣлался ханомъ. Послѣ сего дѣло Шейхъ-Хасана-Сюльдура получило блескъ.—У Шейхъ-Хасана-Кючюва была жена арабка. Въ эту женщину влюбился нѣкто Явубъ-Шахъ, и жена эта взаимно полюбила его. Явубъ-Шахъ

однажды сдѣлалъ проступокъ, и за него Шейхъ-Хасанъ посадилъ его въ темницу. Женщина та вообразила, что Шейхъ посадилъ его въ темницу за то, что онъ находится въ связи съ нею. Поэтому, въ одну ночь, когда Эмиръ Шейхъ-Хасанъ, будучи пьянъ, легъ въ постель, эта женщина—арабка схватила Шейхъ-Хасанъ-Кючюка за ядра, и сжавши ихъ, умертвила его.

У Шейхъ-Хасана Кючюка былъ младшій братъ, по имени Меликъ-Эшрефъ; онъ, заступивъ мѣсто своего старшаго брата, поставилъ ханомъ потомка Гулагу-ханова Ануширвана; но чрезъ нѣсколько времени, низложивъ его, самъ сдѣлался ханомъ, и велѣлъ возглашать свое имя въ хутбѣ и выбивать на монетѣ. Меликъ-Эшрефъ былъ чрезвычайно жестокой государь. Потому мусульмане бѣжали отсюда въ разныя стороны. Кадій-Мюхьи-ддинъ, малоизвѣстный по своему происхожденію, бѣжавъ отсюда, перешелъ въ Дештъ-Кипчакъ къ Джани-бекъ-хану. Предъ Джани-бекъ-ханомъ онъ такъ ясно представилъ безчеловѣчіе Меликъ-Эшрефа, что Джани-бекъ-ханъ и всѣ люди горько заплакали. Вслѣдствіе этого, Джани-бекъ-ханъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на Меликъ-Эшрефа. Вступивъ въ Адзербайджанъ, онъ при Хоѣ сразился съ Меликъ-Эшрефъ-Сюльдуромъ. Одержавъ побѣду, онъ предалъ смерти Меликъ-Эшрефа и овладѣлъ всей казной и всѣми его драгоценностями. Это событіе было въ семьсотъ пятьдесятъ девятомъ году (1358 Р. Х.).

Глава седьмая.

Исторія потомковъ Джучи-хановыхъ, царствовавшихъ въ Дештъ-Кипчакѣ.

Сначала скажемъ о Джучи-ханѣ. Имя Джучи-хановой матери было Бурте-Кучинь. Бурте-Кучинь была беременна. Въ одно время, когда Чингизъ-хана не было дома, ханъ

Меркитскаго народа сдѣлалъ набѣгъ на Чингизъ-хановъ домъ, и, захвативъ въ плѣнъ Бурте-Кучинь, увелъ ее съ собой. Старшая сестра Бурте-Кучини была женой Унгъ-хана (Керантскаго). Унгъ-ханъ былъ въ дружбѣ съ ханомъ Меркитскимъ, по этой причинѣ Унгъ-ханъ выпросилъ себѣ Бурте-Кучинь и отправилъ ее къ Чингизъ-хану, потому что Унгъ-ханъ былъ другомъ отцу Чингизъ-ханову, Исукей-багадuru. Бурте-Кучинь, находясь въ пути, родила Джучи-хана. Такъ какъ въ томъ мѣстѣ не было колыбели, въ которую бы положить его, то изъ опасенія, чтобы онъ не занемогъ, велѣли сдѣлать изъ тѣста корзину, и въ нее положили его и принесли домой. Чингизъ-ханъ, увидѣвъ этого своего сына, сказалъ: „къ намъ благополучно прибылъ новый гость!“ Монголы на своемъ языкѣ гостя, въ первый разъ пришедшаго, называютъ словомъ *джучи*. По такому обстоятельству дано этому сыну имя Джучи. Извѣстно, что Джучи-ханъ умеръ прежде своего отца. Главныя обстоятельства его жизни описаны въ исторіи Чингизъ-хана, а потому нашъ рассказъ о немъ здѣсь коротокъ.

Исторія Бату-хана, сына Джучи-ханова.

Чингизъ-ханъ, услышавъ о смерти Джучи-хана, крайне опечалился, и носилъ трауръ. Въ это время онъ высказалъ своимъ дѣтямъ и эмирамъ свои желанія и мысли о мѣрахъ къ государственному благоустройству, и передалъ слова, составляющія его завѣщаніе. По окончаніи траурныхъ дней, онъ сказалъ Утчиину: „отправься въ Дештѣ-Кипчакъ и второго Джучи-ханова сына, Бату-Сайнъ-хана, какъ его прозвали, возведи на отцевскій престолъ; младшимъ его братьямъ и эмирамъ вели быть въ повиновеніи у него. Если его братья и эмиры не будутъ держаться этого распоряженія, то ты останься тамъ и мнѣ доноси о тамошнихъ дѣлахъ; мы примемъ на себя заботы о устройствѣ ихъ“. Съ такимъ прика-

зомъ онъ послалъ его. Утчикинъ, когда приближался къ удѣлу Бату-ханову, Бату, узнавъ о томъ, выслалъ для встрѣчи его своихъ дѣтей и младшихъ братьевъ, а вслѣдъ за ними и самъ выѣхалъ для его встрѣчи. Свиданіе съ Утчикиномъ возобновило скорбь ихъ. По прошествіи трехъ дней Утчикинъ посадилъ Бату-хана на отцевскомъ престолѣ, младшимъ братьямъ и эмирамъ Бату-хановымъ передалъ слова, сказанныя Чингизъ-ханомъ; весь народъ изъявилъ покорность имъ. При этомъ сдѣлали большой пиръ: по монгольскому обычаю Бату-хану поднесли чашу, и также Бату-ханъ подалъ имъ чашу, и роздалъ много даровъ.

Въ это время сверхъ ожиданія прибылъ изъ Чингизъ-хановой орлы человекъ съ извѣстіемъ, что ханъ умеръ; вдругъ, объятые скорбію, такъ сильно плакали, что вопли далеко неслись за стѣнами жилищъ. По прошествіи дней сѣтованія, Бату-ханъ, поручивъ свое царство младшему своему брату, Тукай-Тимуру, отправился въ Кара-корумъ, столицу Чингизъ-Ханову, взявъ съ собой пятерыхъ своихъ братьевъ, Орду, Шибана, Бергая, Джамбая, Бергчара; съ ними также былъ Утчикинъ. Прибывши въ Кара-корумъ и увидѣвшись со всѣми эмирами и лицами царскаго дома, они совершили обряды поминовенія въ память умершаго. По окончаніи ихъ, Бату ханъ и всѣ царевичи, сообразно завѣщанію Чингизъ-хана, посадили на престолъ Огдай-каана; устроивъ большой пиръ, подали каану чашу и каанъ также далъ пиръ царскому дому и эмирамъ, и, отворивъ двери казнохранилища, роздалъ столь много даровъ, что никто не остался бѣднымъ, всѣ сдѣлались богачами.

Нѣкоторые изъ государей, имѣвшихъ владѣнія свои въ Китайскомъ государствѣ, возмутились. Каанъ долженъ былъ предпринять походъ въ ту страну. При этомъ случаѣ, онъ далъ повелѣніе, чтобы и Бату-ханъ былъ вмѣстѣ съ нимъ въ этомъ походѣ. Бату-ханъ съ пятью своими младшими брать-

ами участвовалъ въ этомъ походѣ. Каанъ, поразивъ и разоривъ всѣ тѣ царства, возвратился въ Кара корумъ.

Послѣ сего онъ указалъ Бату-хану покорить для себя Русь, Черкесовъ, Болгаръ и другіе города. Онъ приказалъ, чтобы его сынъ Кіюжъ-ханъ, Тули-хановъ сынъ, Менгу-каанъ, и Джагатай-хановъ сынъ, Байдаръ, служили и помогали Бату-хану въ этомъ походѣ. Бату-ханъ, взявъ ихъ съ собой, отправился въ путь, прибылъ въ свою столицу. Бату-хановъ братъ, Тувай-Тимуръ-ханъ, гостепріимно встрѣтилъ ихъ всѣхъ, угощалъ ихъ трое сутокъ. Потомъ Бату-ханъ въ продолженіе сорока сутокъ угощалъ все это собраніе: во всѣ эти сорокъ сутокъ на одну минуту не были они свободны отъ утѣхъ и удовольствій. Послѣ сего Бату разослалъ по областямъ знаменщиковъ для набора войска; на этотъ разъ собралось войска такъ много, что ему не было счета. Замѣчаемъ, что резиденція Джучи-хана была въ Дешть-Кипчакъ, въ странѣ, которая называется Синяя Орда. О томъ, какъ Бату-ханъ завоевалъ Маджаровъ, Башкурдовъ, Русь, Корелу и Нѣмцевъ, и о его смерти будетъ сказано ниже сего.

Ханствованіе Берке-хана, сына Джучи-ханова въ Дешть-Кипчакъ.

По смерти Бату-хана, Менгу-каанъ сдѣлалъ Кипчакскимъ ханомъ Сартака, сына Бату-ханова: но онъ умеръ прежде вступленія на престолъ ханства. Послѣ него избрали въ ханы младшаго его брата Улакыча, но и Улакычъ въ скоромъ времени умеръ. Послѣ него Менгу-каанъ сдѣлалъ ханомъ Берке-хана, сына Джучи-ханова.

Берке-ханъ, сдѣлавшись ханомъ, сдѣлалъ большой пиръ, роздалъ много даровъ, за всѣми старшими и младшими своими братьями утвердилъ тѣ удѣлы, которые далъ имъ Бату-ханъ. Къ каану послалъ большіе дары. Послѣ сего, въ одинъ изъ

дней, Всевышній Господь вложилъ въ сердце Берке-хана любовь къ мусульманству, и онъ узналъ, что его вѣра была неистинна. Это было такъ: въ одно время Берке-ханъ отправился въ городъ Сарайчикъ, основанный старшимъ его братомъ; здѣсь онъ увидѣлъ большой караванъ, прибывшій изъ Бухары. Изъ этого каравана онъ призвалъ къ себѣ, въ уединенное отъ людей мѣсто, двухъ хорошихъ человѣкъ, и спросилъ у нихъ объ ученіи и правилахъ мусульманства. Эти люди хорошо объяснили ему, въ чемъ состоитъ мусульманство. Счастливецъ государь, этотъ Берке-ханъ, отъ искреннаго сердца, сдѣлался мусульманиномъ. Призвавъ послѣ сего младшаго изъ своихъ братьевъ, Тугай-Тимура, онъ пересказалъ ему свою тайну, и этотъ также сдѣлался Мусульманиномъ. Потомъ онъ объявилъ народу вѣру ислама и, какъ скоро узнавалъ гдѣ невѣрующихъ, поступалъ съ ними жестоко, притѣснялъ ихъ. На послѣдокъ въ его благородномъ тѣлѣ открылась болѣзнь волика, и отъ нея онъ, въ шестьсотъ шестьдесятъ четвертомъ году (1265—6 Р. Х.), перешелъ къ милосердію Божію. Царствованіе его продолжалось двадцать пять лѣтъ.

Исторія Менгу-Тимуръ-хана, сына Тукая, сына Бату-ханова; потомъ исторія Туда-Менгу, сына Тукая, сына Бату-ханова, послѣ того исторія Токтагу-хана, сына Менгу-Тимуръ-ханова.

По смерти Берке-хана сдѣлался ханомъ Менгу-Тимуръ-ханъ, и занялся управленіемъ народа въ своемъ удѣлѣ; въ отношеніи родственниковъ своихъ, какъ старшихъ такъ и младшихъ въ родѣ, онъ дѣйствовалъ согласно распоряженіямъ Бату-хана, а потому владѣніе въ Бѣлой Орлѣ отдалъ онъ Багадуръ-хану, сыну Шибанъ-ханову; области Кафу и Крымъ отдалъ Уранъ-Тимуру. Уранъ-Тимуръ былъ сынъ Тукай-Тимура. Самъ онъ предпринималъ походъ въ царство Болгарское:

по прошествіи двухъ лѣтъ, онъ, одержавъ побѣду, возвратился домой. Послѣ того онъ съ многочисленнымъ войскомъ отправился воевать съ Абака-ханомъ; прибывъ въ царство Иранское, онъ заключилъ миръ съ Абака-ханомъ и возвратился домой; они другъ къ другу постоянно пересылали подарки. Въ шестьсотъ осмидесятомъ году (1281 Р. Х.) Абака-ханъ оставилъ здѣшній міръ; вмѣсто его сдѣлался ханомъ Ахмедъ-ханъ, который былъ мусульманинъ, но онъ вскорѣ погибъ отъ руки Аргуна, сына Абака-ханова, и Аргунъ-ханъ, сынъ Абака-хановъ, сдѣлался государемъ. Менгу-Тимуръ-ханъ, государь Дештъ-Кипчакскій, услышавъ, что Аргунъ-ханъ сдѣлался государемъ, послалъ противъ Аргунъ-хана войско въ числѣ осмидесяти тысячъ человекъ, подъ начальствомъ двухъ бековъ, Тукая и Туркеная. Аргунъ-ханъ, получивъ извѣстіе объ этомъ, выслалъ противъ непріятеля эмира Тугаджара съ многочисленнымъ войскомъ, а въ слѣдъ за нимъ и самъ выступилъ въ походъ. Войска вступили въ битву на высотахъ Карабага. Войско Менгу-Тимуръ-хана было разбито и обратилось въ бѣгство. Менгу-Тимуръ-ханъ, услышавъ объ этомъ, крайне огорчился и умеръ.

Послѣ него сдѣлался государемъ Туда-Менгу, сынъ Тукая, сына Бату-ханова. Туда-Менгу-ханъ началъ свое царствованіе многими притѣсненіями и неправдами. Токтагу-ханъ, сынъ Менгу-Тимуръ-хана, долженъ былъ бѣгствомъ скрыться отъ его тиранства; но, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ набралъ большое войско, напалъ на Туда-Менгу, въ битвѣ съ нимъ разбилъ его войско, убилъ Туда-Менгу и самъ сдѣлался государемъ.

Токтагу-ханъ, овладѣвъ многими областями, дѣйствовалъ въ управленіи ими по уставамъ отца и своихъ предковъ. На послѣдокъ, онъ перешелъ отъ тѣннаго жилища въ вѣчное. Царствованіе его продолжалось шесть лѣтъ; онъ похороненъ въ Сарайчикѣ.

Ханствованіе Узбекъ-хана, сына Тугрулъ-хана, сына Менгу-Тимуръ-хана,... сына Бату-хана, сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова.

По смерти Токтагу хана сдѣлался ханомъ Узбекъ-ханъ. На тридцатомъ году своего возраста онъ принялъ правленіе и дѣйствовалъ въ ономъ по уставамъ своихъ отцевъ и дѣдовъ. Оказывая каждому благоволеніе, соотвѣтственно его достоинству, онъ щедро награждалъ его. Онъ ввелъ въ удѣлъ свой вѣру ислама: содѣйствіемъ этого государя всѣ его подданные облагорожены вѣрою священнаго ислама. Съ его времени весь удѣлъ Джучіевъ стали называть удѣломъ Узбековымъ и такъ будутъ называть до дня всеобщаго воскресенія. Подданные наслаждались плодами его правосудія. Онъ сдѣлалъ два похода въ царство Иранское противъ Абу-Саидъ-хана, но не могъ овладѣть имъ и возвратился безъ успѣха. Напоследокъ онъ перешелъ изъ сего міра въ другой.

Ханствованіе Джанибекъ хана, сына Узбекъ-ханова.

По смерти Узбекъ-хана сдѣлали ханомъ Джанибекъ-хана. Этотъ Джанибекъ-ханъ былъ чудный изъ мусульманскихъ государей. Онъ оказывалъ великое уваженіе ученымъ и всѣмъ, отличавшимся познаніями, аскетическими дѣлами и благочестіемъ. По вступленіи на престолъ въ городъ Сарайчикъ, онъ былъ защитникомъ свѣтлаго закона. Меликъ-Эшрефъ, сынъ Тимуръ-таша, былъ государемъ въ Адзербайджанъ; этотъ Меликъ-Эшрефъ былъ крайне дурной и жестокой правитель, такъ что жители Адзербайджана, и простолюдины и сановники, должны были разсѣяться оттуда въ разныя стороны. Кади Мухъи-ддинъ, убѣжавъ оттуда, пришелъ въ городъ Сарайчикъ и въ немъ остался жить. По временамъ онъ говорилъ поученія. Однажды ханъ пришелъ въ то мѣсто, гдѣ

онъ говорилъ поученія, чтобы послушать проповѣдь кадїа. Кадїй, сказавъ поученіе, разсказалъ нѣсколько случаевъ о жестокости, несправедливости Меликъ-Эшрефа съ такою живостію, что всѣ присутствовавшіе, пачиная съ хана, горько плакали. Тутъ кадїй сказалъ хану: „если не защитишь насъ отъ Меликъ-Эшрефа, то въ будущемъ свѣтѣ на пути въ рай наши руки удержатъ тебя за твою одежду...“ Эти слова сдѣлали впечатлѣніе на хана; онъ, собравъ войско, повелъ его противъ Меликъ-Эшрефа, сразился съ Меликъ-Эшрефомъ и его убилъ. У Меликъ-Эшрефа было, кромѣ другого имѣнія, драгоценныхъ камней столько, что они составляли четыреста вьюковъ верблюжьихъ: Джани бекъ роздалъ тѣ камни своему войску. Сопутствуемый побѣдою и Божиимъ храненіемъ, онъ возвратился въ свою столицу, оставивъ правителемъ завоеванной страны своего сына Бирди-бека. Когда возвратился онъ въ свой юртъ, открылась болѣзнь въ его благородномъ тѣлѣ; и какъ болѣзнь не прекращалась, то ханъ, не надѣясь избавиться отъ нея, отправилъ къ Бирди-беку въ Адзербайджанъ человека и звалъ его къ себѣ. Но прежде прибытія оттуда Бирди-бека, Джани-бекъ изнемогъ отъ болѣзни. Собравъ къ себѣ народъ, онъ заочно назначилъ Бирди-бека наслѣдникомъ престола, говорилъ много въ наставленіе и назиданіе имъ, и перешелъ къ Божію милосердію въ семь сотъ пятьдесятъ осьмомъ году (1357 по Р. Х.). Онъ царствовалъ семнадцать лѣтъ; похороненъ въ Сарайчикѣ.

Ханствованіе Бирди-бекъ-хана, сына Джани-бекова.

Послѣ смерти Джани-бека, Бирдибекъ-ханъ прибылъ изъ Адзербайджана (Тебриза) въ Сарайчикъ; три дня продолжался трауръ. По окончаніи траура всѣ царевичи и эмиры поставили Бирди-бека въ ханы. Бирди-бекъ былъ человекъ жестокой, нечестивый, съ душой черпой, злорадной. Изъ своихъ братьевъ, и старшихъ и младшихъ, изъ близкихъ родственниковъ, никого не пощадилъ, всѣхъ предалъ смерти; желая

упрочить за собой государство, онъ не понималъ, что здѣшняя жизнь преходяща. Въ самомъ дѣлѣ царствованіе его не продолжалось и двухъ лѣтъ: онъ умеръ въ семьсотъ шестьдесятъ второмъ году (1361 Р. Х.). Бирди-бекомъ кончилась прямая линія дѣтей Сайинъ-хановыхъ. Нынѣ между Узбеками есть пословица: „въ Бирди-бекѣ ссѣченъ стволъ гранатоваго дерева“. Послѣ него въ Дештъ-Кипчакѣ царствовали потомки другихъ сыновъ Джучи-хановыхъ.

Глава осьмая.

Потомки Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова, царствовавшіе въ Туранѣ, у Казаковъ, въ Крымѣ и въ Мавераннегрѣ.

(Шибаниды въ Туранѣ).

У Чингизъ-хана сынъ Джучи-ханъ; у него сынъ Шибанъ-ханъ, его сынъ Багадуръ-ханъ, его сынъ Джучи-буга, его сынъ Бадакулъ, его сынъ Мунга-Тимуръ, его сынъ Бивъ-вунди-угланъ, его сынъ Алій-угланъ, его сынъ Хаджи Мохаммедъ-ханъ, его сынъ Махмудекъ-ханъ, его сынъ Абакъ-ханъ, его сынъ Тулувъ-ханъ, его сынъ Шамай-султанъ, его сынъ Узаръ-султанъ, его сынъ Багадуръ-султанъ. У помянутаго выше Махмудекъ-хана былъ сынъ Муртаза ханъ, у этого сынъ былъ Кучумъ-ханъ. Кучумъ-ханомъ пресѣлся родъ этого дома. Кучумъ-ханъ сорокъ лѣтъ царствовалъ въ Туранѣ. Жизнь его была долга; подъ конецъ ея онъ ослѣпъ. Въ тысяча третьемъ году (1595 Р. Х.) Русскіе отняли Туранъ изъ рукъ Кучумъ-хана. Кучумъ-ханъ, убѣжавъ, скрылся у народа Мангытъ и тамъ отошелъ въ Божію милосердію.

Родъ Тукай-Тимура, царствовавшій въ Крымѣ.

У Чингизъ-хана сынъ Джучи-ханъ, у него сынъ Тукай-Тимуръ, его сынъ Узъ-Тимуръ (Уранъ-Тимуръ), его сынъ

Сарича, его сынъ Кюнджекъ угланъ, его сынъ Тузь-кулъ ходжа-угланъ, его сынъ Туй-ходжа-угланъ, его сынъ Токтамышъ ханъ; у этого было восемь сыновъ въ такомъ порядкѣ: Желаль-эд-динъ, Джаббаръ-бирди, Кюпекъ, Керимъ-бирди, Искендеръ, Абу-саидъ, Куджекъ, Кадиръ-бирди.

У помянутаго выше Тузь-кулъ ходжи былъ младшій братъ по имени Тулюкт-Тимуръ; у этого сынъ былъ Хяне, его сынъ Хасанъ-угланъ, котораго зовутъ также Иччилій Хасанъ; у него сынъ былъ Мохаммедъ-ханъ, его сынъ Таш-тимуръ, его сынъ Гайясъ-эд-динъ-ханъ, его сынъ Хаджи-Герай. У этого было восемь сыновъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Девлетъ-яръ, Нуръ-деветъ-ханъ, Хайдаръ-ханъ, Кутлукъ-заманъ, Кюльдашъ, Минглий-Герай-ханъ, Ямгурдчій, Узъ-Тимуръ. Родъ Крымскихъ государей идетъ отъ Хаджи-Герая; но въ настоящее время, за отдаленностію этой страны отъ насъ, нельзя знать, отъ котораго сына Хаджи-Герая начнается родъ царствующихъ нынѣ въ Крымѣ государей.

Родъ Тукай-Тимура, царствовавшій у Казаковъ.

У Чингизъ хана сынъ Джучи-ханъ, его сынъ Тукай-Тимуръ, его сынъ Узъ-Тимуръ, его сынъ... Ходжа, его сынъ Бадакулъ-угланъ, его сынъ Урусъ-ханъ, его сынъ Коирчакъ ханъ, его сынъ Беракъ-ханъ, его сынъ Абу-саидъ, по прозванію Джанибекъ-ханъ. У этого было девять сыновъ въ такомъ порядкѣ: Ирандчій, Махмудъ, Касимъ (это тотъ, который, препираясь съ Махмедъ-ханомъ Шибани, былъ виновникомъ смерти Мохаммедъ-хана); за нимъ слѣдовали: Итикъ, Джанишъ, Канбаръ, Тенишъ, Усюкъ, Джаукъ.

Государи изъ рода Тукай-Тимура, третьяго сына Джучи-ханова, царствовавшіе въ Мавераннегрѣ.

У Чингизъ-хана сынъ Джучи-ханъ, у него сынъ Тукай-Тимуръ, у него сынъ Узъ-Тимуръ, его сынъ Абай, его сынъ

Нумганъ, его сынъ Кутлукъ-Тимуръ угланъ, его сынъ Алиѣ Тимуръ-бекъ угланъ, его сынъ Тимуръ Кутлукъ-ханъ, его сынъ Тимуръ-султанъ, его сынъ Мохаммедъ-ханъ, его сынъ Джувакъ-султанъ, его сынъ Манкышлакъ-султанъ, его сынъ Яръ-Мохаммедъ-султанъ, его сынъ Джанъ-султанъ, его сынъ Динъ-Мохаммедъ-султанъ, его сынъ Нуръ Мохаммедъ ханъ, его сынъ Абдуль-азизъ-ханъ.

Узбекскіе генеалогисты говорятъ, что предки Абдулазизъ-хана, предки Казакскихъ государей и предки Крымскихъ государей ведутъ свой родъ отъ Тувай-Тимуръ хана, третьяго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова, что отцы Хаджимъ-хана, Абдуллахъ-хана и Кучумъ-хана ведутъ свой родъ отъ Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова. Извѣстно, что названные три хана были современниками другъ другу и одинъ послѣ другого перешли изъ сего міра въ другой. О прочихъ сыновьяхъ Джучи-хановыхъ и о владѣніяхъ ихъ сказано было выше.

Связь осьмой главы съ девятой.

Ниже сего девятая глава будетъ отдѣлена отъ осьмой, но въ семь мѣстѣ требуется рассказать событія, которыми связывается ихъ содѣжаніе.

Исторія дѣтей Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-ханова.

Прежде сказано было, что Джучи-ханъ далъ повелѣніе, чтобы народъ его удѣла выступилъ съ нимъ для завоеванія государствъ Маджаровъ, Башкурдовъ, Руси, Корелы и Нѣмцевъ, и приготовился къ трудамъ семилѣтняго похода; но

прежде нежели собралось войско, онъ заболѣлъ и умеръ. Также сказано было, что Чингызъ-ханъ, который въ то время былъ еще въ живыхъ, далъ повелѣніе своему внуку, Бату, которому прозваніе Саинъ-ханъ, въ сихъ словахъ: „прими на себя власть отца и иди въ земли, въ которыя хотѣлъ идти онъ“, и что въ то время, когда Саинъ-ханъ собиралъ войско, умеръ и Чингызъ-ханъ. По прошествіи двухъ лѣтъ сдѣлался ханомъ Огдай-каанъ; онъ снова повелѣлъ Саинъ-хану предпринять походъ. Въ этомъ походѣ Саинъ-ханъ завоевалъ одинъ за другимъ Русскіе города и дошелъ до Москвы. Тамъ соединились между собою государи Корелы, Нѣмцевъ и Руси; оцѣпивши свой станъ и окопавшись рвомъ, они отбивались въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ. На послѣдокъ, Шибанъ-ханъ сказалъ своему брату Саинъ-хану: „дай мнѣ тысячъ шесть человекъ въ прибавокъ къ войскамъ, которые при мнѣ; ночью я скроюсь въ засаду въ тылу непріятеля; на слѣдующій день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, вы нападете на него спереди, а я сдѣлаю нападеніе на него съ тыла“. На слѣдующій день они такъ и сдѣлали. Когда разгорѣлся бой, Шибанъ-ханъ, поднявшись изъ засады, устремился съ конницею, доскакавъ до края вала, онъ, спѣшась, перешелъ черезъ валъ. Внутри вала станъ оцѣпленъ былъ со всѣхъ сторонъ телегами, связанными желѣзными цѣпями: цѣпи перерубили, телеги изломали, и всѣ, дѣйствуя копьями и саблями, пѣшіе, напали на непріятеля.—Саинъ-ханъ спереди, Шибанъ-ханъ съ тыла: въ этомъ мѣстѣ избили они семьдесятъ тысячъ человекъ. Всѣ эти области сдѣлались подвластными Саинъ-хану.

Когда Саинъ-ханъ, возвратившись изъ этого похода, остановился на своемъ мѣстѣ, сказалъ Орды, по прозванію Иченъ, старшему изъ сыновъ Джучи-Хана: „въ этомъ походѣ ты содѣйствовалъ окончанію нашего дѣла, то въ удѣлъ тебѣ отдается народъ, состоявшій изъ пятнадцати тысячъ семействъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ отецъ твой“. Младшему своему

брату, Шибань-хану, который также сопутствовал своему брату Саинь-хану въ его походѣ, отдалъ въ удѣлъ изъ государствъ, покоренныхъ въ этомъ походѣ, область Корель; и изъ родовыхъ владѣній отдалъ четыре народа: Кушчи, Наймань, Карлыкъ и Буйракъ, и сказалъ ему: юртъ (область), въ которомъ ты будешь жить, будетъ между моимъ юртомъ и юртомъ старшаго моего брата, Ичена: лѣтомъ ты живи на восточной сторонѣ Яика, по рѣкамъ Иргизъ-сувукъ, Орь, Илекъ до горы Урала; а во время зимы живи въ Аракумѣ, Каракумѣ и по берегамъ рѣки Сыръ-при устьяхъ рѣкъ Чуйсу и Сари-су. Шибань-ханъ послалъ въ область Корель одного изъ своихъ сыновъ, давъ ему хорошихъ бековъ и людей. Этотъ юртъ постоянно оставался во власти сыновъ Шибань-цановыхъ; говорятъ, что и въ настоящее время государи Корельскіе-потомки Шибань-Хана; эта земля далека отъ насъ, потому одинъ Богъ вѣрно знаетъ, истинны ли, или ложны эти извѣстія. Шибань-Ханъ въ показанныхъ областяхъ проводилъ лѣта и зимы, и, по прошествіи нѣсколькихъ годовъ, умеръ.

У Шибань-хана было двѣнадцать сыновъ; вотъ имена ихъ, написанныя по порядку: Байналь, Багадуръ, Кадакъ, Балга, Джирикъ, Мерванъ, Куртга, Аяджій, Саилганъ, Баянджаръ, Маджаръ, Кунджій.

Второй сынъ его, Багадуръ-ханъ, заступилъ мѣсто отца. У Багадуръ-хана было два сына: старшему имя было Джучій-буга, младшему Кутлукъ-буга.

Джучій-буга заступилъ мѣсто отца своего. У него было четыре сына; имена ихъ: Байда-кулъ, Бектимуръ, Нукеджаръ, Ясь-буга.

Когда Джучій-буга перешелъ изъ сего міра въ другой, старшій сынъ его Бадакулъ вступилъ на отцовскій престолъ. У него былъ одинъ сынъ, по имени Мингъ-тимуръ: онъ былъ удивительно храбръ, боекъ и уменъ, потому его прозвали

Кюлюкъ-Мингъ-Тимуръ. Слово *Кюлюкъ* на турецкомъ языкѣ имѣеть такой смыслъ: у кого есть какая либо надежная вещь, и ея владѣлецъ будетъ отъ сердца обнадеживать себя ею, говоря: доколѣ эта вещь будетъ у меня, я не испытаю ничего дурнаго; того называютъ Кюлюкъ.

У Мингъ-Тимура было шесть сыновъ, которыхъ имена: Нльсакъ, Джанта, Буладъ, Сююнучъ, Тимуръ-тюнга, Бекъ-Кунди.

Буладъ, по смерти отца своего, Мингъ-Тимура, занялъ мѣсто его. У него было два сына: Ибрагимъ и Арабъ-шахъ; Узбеки обонхъ ихъ называютъ Аса-арабъ.

Государи изъ рода Шибанъ-хана, бывшіе въ Мавераннегрѣ.

У Чингизъ-хана сынъ Джучій; у этого сынъ Шибанъ-ханъ; его сынъ Багадуръ-ханъ; его сынъ Джучій-буга; его сынъ Байдагулъ; его сынъ Мунга-Тимуръ; его сынъ Буладъ; его сынъ Ибрагимъ-угланъ; его сынъ Девлетъ-шейхъ-угланъ; его сынъ Абуль-хаиръ-ханъ. У него было одиннадцать сыновъ.

Имя старшему Абуль-хаирову сыну Шахъ-Бадакъ-султанъ, у котораго было два сына: старшему сыну имя было Мохаммедъ, прозваніе ему Шахъ-бекъ, милость Божія надъ нимъ! Онъ былъ поэтъ, и такъ какъ онъ происходилъ изъ рода Шибанъ-хана, то въ предисловіяхъ своихъ поэмъ онъ называлъ себя Шибани. Младшій сынъ Шахъ-Бадакъ-султана назывался Махмудъ-султанъ, его сынъ Абдуллахъ-ханъ.

Имя второму сыну вышеупомянутаго Абуль-хаиръ-хана было Ходжа-Мохаммедъ: Узбеки называютъ его Ходжугумъ-Тинтакъ; у него сынъ Джани-бекъ-ханъ: это былъ человекъ глухой. Его сынъ Искендеръ-ханъ также былъ малоуменъ; во въ немъ было два хорошихъ качества: усердіе совершать

молитвы, каноническія и произвольныя, и умѣнье охотиться съ ястребами и держать ихъ. У него былъ сынъ извѣстный и знаменитый Абдуллахъ-ханъ, а у этого сынъ былъ Абдуль-муминъ-ханъ. Абдуль-муминою пресѣкъся этотъ домъ. Такъ какъ исторія Абдуллахъ-хана очень извѣстна въ свѣтѣ, то мы не изложили ея подробно.

Глава девятая.

Потомки Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова, царствовавшіе въ Харезмѣ.

По смерти Булада, два сына его Ибрагимъ и Арабъ-шахъ, раздѣливъ отцевы владѣнія, вмѣстѣ въ одной землѣ и вочевали и имѣли свои станы; лѣто проживая при вершинѣ Ляка, а зиму при устьѣ Сыра, они съ пріятностію провели свой вѣкъ.

По смерти Арабъ-шаха, сынъ его Хаджи-Тулій, заступивъ мѣсто отца своего, царствовалъ надъ народомъ. У него былъ сынъ по имени Тимуръ-шейхъ; Хаджи-Тулій, умирая, поставилъ на свое мѣсто Тимуръ-шейха.

Во время молодыхъ еще лѣтъ Тимуръ-шейха, Калмыки, въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, сдѣлали набѣгъ на его область. Когда они съ взятымъ въ плѣнъ отступали, Тимуръ-шейхъ, увлекаясь мщеніемъ, погнался преслѣдовать ихъ прежде, чѣмъ успѣло собраться войско его. Настигнувъ ихъ, онъ вступилъ въ сраженіе съ ними, но былъ ими разбитъ и палъ въ битвѣ. Послѣ него не осталось дѣтей; и потому народъ, подвергшись набѣгамъ враговъ, сталъ отдѣляться отъ своихъ правителей. Такъ какъ и отъ младшихъ братьевъ государя не оставалось сыновей, то всѣми овладѣла безнадежность. По

этой причинѣ пограничные жители ушли къ другимъ владѣльцамъ. Тогда блѣбородые старики Уйгуровъ собрался къ дверямъ ставки ханши и чрезъ посла сказали ей: „весь народъ отошелъ къ постороннимъ владѣльцамъ, и мы также готовы уйти: благодаримъ за хлѣбъ соль! Но хотимъ сказать еще одно слово: у хана много было женъ и наложницъ: пусть вѣрно развѣдаютъ, пѣтъ ли которой нибудь изъ нихъ беременной: если будетъ такая, то мы не отложимся и останемся на своемъ мѣстѣ до разрѣшенія ея отъ бремени“. Выслушавши сіи слова, ханша сказала: „изъ другихъ жепъ пѣтъ беременной, а я уже третій мѣсяць ношу во чревѣ“. Услышавши это, Уйгуры остались при ордѣ; Найманы, прежде сего оставившіе орду, когда услышали слова ханши, не стали искать себѣ другихъ начальниковъ, воротились къ ордѣ, хотя и не входили въ сношеніе съ нею. Другія же поколѣнія перешли къ другимъ владѣтелямъ и сдѣлались слугами ихъ. По прошествіи шести мѣсяцевъ ханша родила мальчика и ему дали имя Ингеръ. Тогда Уйгуры послали челоуѣка къ отошедшимъ людямъ, сказавши ему: „обойди всѣхъ ихъ и проси у нихъ даровъ за радостную вѣсть“. Этотъ челоуѣкъ сначала ходилъ къ Найманамъ, и они дали ему въ подарокъ жаряго съ лысною коня. Когда они опять прикочевали къ ханской ордѣ, мать взяла своего поворожденнаго сына, принесла его въ огцовскій пріемный шатеръ, и посадила его на переднемъ мѣстѣ. По понятіямъ Монголовъ, лѣвая сторона почетнѣе правой: потому что сердце есть царь въ государствѣ тѣла, а сердце Богъ устроилъ въ лѣвомъ боку. Уйгуры, принимая Наймановъ какъ гостей, посадили ихъ на лѣвой сторонѣ выше себя. По этой причинѣ Найманы и въ нынѣшнее время саятся выше Уйгуровъ. Послѣ сего и нукеры, бывшіе при отцѣ его, охотно пришли къ нему. Они—слуги хана при дворѣ его, они одежда; а Найманы и Уйгуры—воротъ и рукава... Тотъ и другой изъ этихъ народовъ говорилъ: „я—карачій сынамъ Ядгера!“ Смыслъ этихъ словъ такой: на узбекскомъ

языкъ сказать: „варачи“ значитъ сказать: наблюдай, что хорошо или худо, что придетъ или уйдетъ, что беспокоитъ или не беспокоитъ, не передаваясь ни на чью сторону.

Ядигеръ-ханъ благополучно выросъ. У него было четыре сына: первый Берке, второй Абу-лекъ, третій Аменъ, четвертый Іакъ.

Имя Аменъ на Монгольскомъ языкѣ, который въ это время еще не совсѣмъ былъ забытъ, имѣетъ такой смыслъ. Слово *душа* на арабскомъ языкѣ *джанъ*, у Таджикивъ *юшъ*, у Узбековъ *тынъ*, а у Монголовъ *аменъ*. Въ имени Аменъ буква *к*, прибавленная къ *аменъ*, выражаетъ уменьшеніе; Узбеки выражаютъ это уменьшеніе приложеніемъ къ слову частицы *ма*, иногда *мя*; такъ для означенія малой лошади, которая зовется *атъ*, они говорятъ *атма* (лошадка), а о небольшемъ человѣкѣ они выражаются *кишмя* (человѣчекъ) отъ *кши* (человѣкъ). Потому слово Аменъ значитъ *душенька*. Но обратимся къ тому, о чемъ мы говорили.

Старшій сынъ Ядигера, Берке-султанъ, былъ весьма бойкій, храбрый витязь. Говорятъ, что Господь Богъ далъ ему цѣльную грудь. Въ тѣлѣ человѣческомъ между суставами костей есть хрящи, а у него не было хрящей; у него грудь была безъ суставовъ, какъ бы одна доска. Берке-султанъ былъ современникомъ Абуль-Хаиръ-хану: когда Берке-султанъ былъ въ юношескихъ лѣтахъ, Абуль-Хаиръ-ханъ былъ въ старческихъ годахъ, а потому оба они жили въ одно время.

Въ Мавераннегрѣ Абу-Саидъ-мирза, потомокъ Тимуръ-бека, убилъ одного изъ своихъ братьевъ, Абдулатифа-мирзу и сдѣлался обладателемъ юрта. Сынъ Абдулатифа мирзы, Мирза-Мохаммедъ-Джукій бѣжалъ и пришелъ къ Абуль-хаиръ-хану. Жена Абуль-хаиръ-ханова была младшая сестра Абдулатифу и тетка Мирзѣ-Мохаммеду-Джукію. Когда онъ жилъ нѣсколько времени при дворѣ хана, пришелъ изъ

Мавераннегра человекъ съ извѣстіемъ, что султанъ Абу-Саидъ-Мирза изъ Самарканда отправился въ походъ въ Хорасанъ, а изъ него предположилъ итти въ Мазандеранъ. Получивъ эти вѣсти, Мирза-Мохаммедъ-Джукій сталъ просить у хана помощи. Ханъ пригласилъ Берке-султана, сказавъ ему: „Мирза-Мохаммедъ-Джукій просить у насъ помощи, но въ моихъ сыновьяхъ и младшихъ братьяхъ нѣтъ такого, который могъ бы совершить это дѣло. Ты также сынъ мнѣ: выступи съ своимъ войскомъ, съ твоимъ я соединю и свое войско“. Берке-султанъ согласился на слова хана, и, взявъ со собой Мирзу-Мохаммедъ-Джукія, съ тридцатью тысячами человекъ отправился въ походъ и вступилъ въ область Ташкендъ. Джагатайскій народъ, который, бывъ отлученъ отъ Джукія и его отца, былъ только полусердечно расположенъ къ Абу-Саиду, тяготаясь виной, передался Мирзѣ-Мохаммедъ-Джукію. Тогда онъ вступилъ въ городъ Ташкендъ; отъ него пошелъ къ Шахъ-рухѣ и взялъ ее. Отселъ, переправясь чрезъ рѣку Сырь, пошелъ къ Самарканду. Абу-Саидъ-мирза, уходя въ Хорасанъ, къ Самаркандѣ оставилъ вмѣсто себя эмира Мозайяда, потомка Аргунова. Онъ съ людьми, ему покорными, вышелъ изъ Самарканда, построился въ боевой порядокъ и вступилъ въ сраженіе. Берке-султанъ поставилъ въ центрѣ Мирзу-Джукія съ Джагатайцами, самъ сталъ на лѣвомъ крылѣ, а войско Абуль-Хаирово, подъ начальствомъ Пешкендъ-углана, поставилъ на правой сторонѣ и вступилъ въ битву. Всевышній Господь возвысилъ руку Берке-султана, а знамя Мозайядъ Аргуна уронилъ. Битва происходила вблизи города; поражая мечемъ джагатайское войско, они преслѣдовали его до городскихъ воротъ и возвратились. Эмиръ Мозайядъ спасся отъ руки и вошелъ въ городъ. Онъ поставилъ стражу въ воротахъ и въ башняхъ города, приготовилъ снаряды для защиты въ случаѣ осады, и отправилъ въ Хорасанъ къ Абу-Саиду-мирзѣ письменное донесеніе о своихъ обстоятельствахъ. Абу-Саидъ-мир-

за, прочитавъ донесеніе, далъ приказъ, чтобы Хорасанское войско собралось въ скорѣйшемъ времени. Когда оно собралось въ большихъ силахъ, онъ отправился съ нимъ къ Самарканду. Мохаммедъ-Джувій-Мирза вступилъ въ Кюфейнъ и Кермию. Всѣ области Мавераннегра, кромѣ Бухары и Самарканда, покорились Мохаммедъ-Джуки-Мирзѣ; онъ во всѣхъ ихъ поставилъ даругъ. Въ это время получена вѣсть, что Саидъ-мирза съ большимъ войскомъ пришелъ къ Балху. Услышавъ объ этомъ, всѣ, большіе и малые, въ общемъ засѣданіи, составили совѣтъ. Берке-султанъ сказалъ: „Слава Богу, Ташкендъ, Туркестанъ и Мавераннегръ въ нашей власти! Сильное войско, Узбекское и Джагатайское, съ нами; для насъ ни откуда нѣтъ опасности. Пойдемъ на берегъ рѣки Аму, не дадимъ врагу перейти чрезъ нее; если перейдетъ сюда, сразимся съ нимъ!“ Джагатайскіе беки говорили: „воротимся отсель и уйдемъ за рѣку Сыръ, и остановимся въ Шахъ-рухіѣ. Мавераннегра мы не убережемъ, довольно для насъ, если удержимъ за собой Туркестанъ и Ташкендъ“. Мохаммедъ-Джувій-мирза признавалъ благоразумнымъ мнѣніе Берке-Султана; но не могъ перемочь словъ своего народа, а потому отъ Кермини онъ пошелъ прямо къ Шахъ-рухіѣ. Карайманы Джагатайскіе вообразили, что онъ бѣжитъ, не имѣя силъ противостать Абу-Саидъ-мирзѣ, и въ тотъ же день отдѣлились отъ него и перешли на сторону Абу-Саида. Берке-султанъ гнѣвался за то, что не приняли его совѣта. Увидѣвъ, что изъ Джагатайцевъ не осталось съ ними ни одного человѣка и что весь Мавераннегръ принялъ сторону врага, онъ далъ своимъ чиновникамъ приказъ выступить войску въ обратный путь. Пospѣшили дать его чрезъ гонцевъ; въ продолженіе трехъ дней согнали, сколько могли, скотъ, навьючили, сколько могли, багажъ, и Берке-султанъ возвратился домой. Мохаммедъ-Джувій-мирза пошелъ въ Шахъ-рухію. Абу-Саидъ-мирза, получивъ извѣстія объ этомъ, пу-

стился преслѣдовать его, и осадилъ его въ Шахъ-рухійской крѣпости. Четыре мѣсяца онъ держалъ ее въ осадѣ, но не могъ взять ее. Напоследокъ онъ послалъ къ нему Ходжу-Обейда Самаркандскаго, который, клятвою увѣривъ Мохаммеда Джукія-мирзу въ безопасности, склонилъ его выйти изъ крѣпости и явиться къ Абу-Саиду-мирзѣ. Исполняя свое слово, Абу-Саидъ-мирза не предалъ его смерти, но, забравъ въ узы, заключилъ его въ крѣпость Ихтіаръ-уд-динъ, въ Хорасанѣ. Это было въ восемь сотъ шестидесятомъ году (1455 Р. Х.).

Прибытіе Мангыта Муса-бія ко двору Берке-султана съ просьбою о помощи.

Муса-біи и Куджашъ, сдѣлавшись врагами одинъ другому, вступили въ битву. Куджашъ-мирза остался побѣдителемъ, а Муса-біи обратился въ бѣгство. Разсуждая съ самимъ собою и совѣтуясь съ своими людьми, онъ говорилъ: „куда обратиться мнѣ, чтобы отомстить за себя? Если можетъ кто это сдѣлать, то можетъ сдѣлать только Берке-султанъ; другимъ того не сдѣлать“. Онъ пришелъ ко двору Берке-султана и рассказалъ ему о своемъ положеніи. Берке-султанъ сказалъ: „очень радъ я, очень радъ твоему приходу“. Онъ не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ и сказалъ: „пусть отецъ мой будетъ ханомъ, а ты при дворѣ его будешь великимъ-біемъ“. Со всѣхъ четырехъ сторонъ своего владѣнія онъ собралъ народъ, и сдѣлалъ большой пиръ; отца его Ядигера посадили на бѣлый войлокъ и подняли его въ ханы. На Ядигера и на Мусу-бія указываетъ извѣстная между Узбеками пословица: „Абуль-хаиръ былъ ханомъ, а князь былъ и въ судѣ и въ войнѣ паномъ“. Послѣ того Берке-султанъ, приготовясь къ походу, отправился въ путь, взялъ съ собой Муса-бія, поставилъ

его начальникомъ передового отряда. Была зима; выпалъ большой снѣгъ; отъ продолжительнаго похода кони ихъ утомились, съѣстные припасы истощились. Войско желало воротиться, но султанъ не хотѣлъ того. Прошло нѣсколько дней и войско пришло въ разстройство отъ показанныхъ причинъ. Тогда всѣ беки, въ главѣ которыхъ былъ самъ Муса-бій, пришли къ султану и сдѣлали предложеніе: „дѣло наше плохо: безъ лошадей, пѣшкомъ куда намъ итти? Не сбился этотъ походъ въ нынѣшній годъ, пусть совершится въ слѣдующій годъ. Теперь лучше воротиться“. Султанъ отвѣчалъ: „сегодня и завтрашній день пойдемъ дальше; что узнаемъ, сообразно тому и будемъ дѣйствовать; въ противномъ случаѣ воротимся“. На слѣдующій день они продолжали походъ. Предъ ними открылось поле; когда они вышли на него, увидѣли подъ горою въ долинѣ большое жительство. Отошедши назадъ съ поля, слѣзли съ коней и послали двухъ человекъ развѣдать объ этомъ народѣ. Они пошли и привели пастуха, который, когда его стали спрашивать, сказалъ, что тутъ домъ Куджаша-мирзы. Они сѣли на коней и внезапно нахлынули на домъ мирзы. Куджашъ-мирза былъ схваченъ, и султанъ велѣлъ убить его. Жители были ограблены, многіе изъ нихъ взяты въ плѣнъ, остальные покорились. У Куджаша-мирзы была дочь, по имени Малай-ханъ-задя; султанъ взялъ ее себѣ. Тамъ они провели всю зиму и весной воротились домой.

Смерть Ядигеръ-хана и убіеніе Берке-султана.

Минуло нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ происшествій; Ядигеръ-ханъ скончался; послѣ него умеръ и Абуль-хаиръ-ханъ. Абуль-хаиръ-ханъ былъ человекъ бойкій: доставлялъ радость друзьямъ, заставлялъ плавать враговъ; изъ окружающихъ

его съ четырехъ сторонъ родственниковъ до каждаго касалось его колюно, доставала его рука. Потому всѣ они подняли головы и убили Абуль-хайръ-хана. У него какъ ни много было дѣтей и внуковъ, но столько же много явилось и враговъ, которые подняли на нихъ руки, и нѣкоторые изъ сыновъ его были убиты, остальные разбѣжались. Многочисленный народъ его весь разсѣянъ на четыре стороны. Есть старинная поговорка: „если врагъ разоритъ домъ отца твоего, то и ты въ отплату разори его домъ“. Дѣйствовавшій согласно съ этою поговоркою Берке-султанъ съ своей стороны поднималъ на нихъ руки. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, внукъ Абуль-хайръ-хана, Шахъ-бехтъ-ханъ, отъ природы храбрый витязь, пришелъ въ отцовскій юртъ, собралъ разсѣявшихся и разогнанныхъ жителей. Какъ дѣдъ его мирно жилъ съ Берке-султаномъ, такъ и онъ обходился съ нимъ, нимало не обнаруживая вражды своей. Въ одинъ годъ они зимовали при устьѣ Сыра; зимовье Шахъ-бехтъ-хана было выше по рѣкѣ отъ Берке-султанова на одинъ оазисъ. Въ одинъ день Шахъ-бехтъ-ханъ далъ приказъ своему народу, чтобы онъ весь въ этотъ день собрался и ночевалъ при его дверяхъ, сказавъ: „завтра я отправлюсь на охоту“. Нукеры его собрались; около полуночи, онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ ними къ ордѣ Берке-хана. Онъ сказалъ своимъ нукерамъ: „завтра на разсвѣтъ нападёмъ на Берке въ его домъ; никто изъ васъ не бросайся на добычу, обступите кругомъ домъ его и Берке представьте мнѣ въ руки“. Когда занялась заря, они, какъ было приказано, обружили станъ, но сколько ни искали султана, не находили его. Когда спросили слугъ и невольницъ, они отвѣчали: до прихода вашего онъ былъ здѣсь; но послѣ прихода вашего куда онъ дѣлся, не знаемъ; каждый изъ насъ бѣжалъ въ свою сторону.—Гдѣ же былъ султанъ? До времени нападенія, султанъ, неодѣтый, лежалъ въ шатрѣ; когда раздался конскій топотъ, онъ, набросивъ на спину соболю

шубу, босой, выбѣжалъ вонъ; тутъ онъ увидѣлъ, что вокругъ него враги. Домъ его находился посреди самаго оазиса; предъ дверьми дома было большое озеро, поросшее камышомъ. Время стояло холодное. Онъ побѣжалъ въ камышъ. Когда онъ шелъ по льду, камышевыя спицы искололи и изранили ему ноги, непрестанно текла кровь. Онъ вошелъ въ густой камышъ, и, обернувъ себѣ ноги полами одежды, сѣлъ. Шахъ-бехтъ-Шибани-ханъ, отыскивая Берке, хваталъ разбѣжавшихся и спрашивалъ о немъ. У Берке-султана былъ инакъ, Уйгуръ, по имени Мунка; онъ также скрылся, но попался одному изъ людей, искавшихъ Берке-султана. На вопросъ его, кто онъ? Мунка отвѣчалъ, что онъ тотъ, кого ищутъ. Мунка былъ пѣшъ, а тотъ на конѣ. Опасаясь слѣзть съ коня, чтобы схватить его, онъ всталъ на конѣ и поднялъ крикъ: сюда идите, сюда идите! Услышавшіе этотъ зовъ перекликнулись между собою. Всѣ отыскивавшіе Берке-султана собрались, взяли Мунка-Біа, привели его къ Шахъ-бехтъ-хану и сказали: „мы нашли Берке“. Ханъ и всѣ его придворные узнали, что это не ханъ Берке, а Беркеевъ инакъ, Мунка. Ханъ спросилъ его: „зачѣмъ ты сказалъ, что ты Берке, когда ты Мунка?“. Біа отвѣчалъ: „я ѣлъ его хлѣбъ-соль, терпѣлъ съ нимъ непріятности въ жизни и росъ въ одномъ съ нимъ мѣстѣ; а потому я поступилъ такъ для того, чтобы сыщеники собрались вокругъ меня, а онъ между тѣмъ скрылся отъ врага своего. Остальное тебѣ извѣстно.—Шахъ-бехтъ-ханъ одобрилъ поступокъ его и, простивъ кровь на немъ, наградилъ его. Послѣ того они всѣ стали искать Берке. Какъ въ ту ночь выпалъ снѣгъ глубиною на палецъ, то одинъ человѣкъ замѣтилъ на краю аула слѣдъ босыхъ ногъ; когда онъ подошелъ къ озеру, на льду увидѣлъ капли крови; идя по кровавому слѣду, въ густомъ камышѣ увидѣлъ сидящаго человѣка. Онъ кликнулъ товарищей; человѣкъ десять сошлись туда, взяли его и привели къ Шахъ-бехтъ-хану; онъ тотчасъ ве-

лѣлъ убить султана. Разграбивъ и опустошивъ домъ его, онъ возвратился къ себѣ домой.

Дочь Куджаша-мирзы была женой Берке-султана, отъ котораго она, около двухъ мѣсяцевъ, была беременна. Ее, какъ плѣнницу, взялъ себѣ сынъ Абуль-хайрѣвъ Ходжа-Мохаммедъ-султанъ. По прошествіи семи мѣсяцевъ, она родила мальчика, котораго называли Джаши-бекъ. У него былъ сынъ Искендеръ-ханъ, а его сынъ былъ знаменитый и славный Абдуллаханъ; у этого сынъ Абдуль-муминъ-ханъ.

Ходжа-Мохаммедъ-султанъ былъ человекъ слабоумный, и его называли Ходжугумъ-типтакъ. Малоуміе было въ немъ такъ велико, что онъ, бросая въ огонь сало, ворожилъ и гадалъ женщинамъ своего аула, и говорилъ той или другой: у тебя будетъ сынъ, у тебя будетъ дочь, тебѣ то и то будетъ; а самъ не зналъ, тотъ сынъ отъ него ли былъ, или отъ другого кого; у него не было смысла понять это, и всѣ другіе люди говорили, что Ходжугумъ-типтакъ Берке-ханова сына считалъ своимъ. Малай-ханъ-зада для своей выгоды не открывала ему правды. Наши старики говорили: Абдуллахъ-ханъ въ десять или въ двадцать кратъ отомстилъ дѣтямъ Абуль-хайрѣ-хановымъ за кровь своего прадѣда Берке-султана. Не зная близкаго отношенія своего дома къ нашему; онъ и его истребилъ и самъ умеръ; сынъ его ушелъ вслѣдъ за нимъ. Послѣ него не осталось потомства, владѣніе его досталось чужимъ.

Теперь будемъ говорить о сыновьяхъ Берке-султана, а послѣ того, если Богъ благоволитъ, скажемъ о младшихъ братьяхъ его.

Исторія дѣтей Берке-султановыхъ, Ильбарса и Бильбарса.

Послѣ Берке-султана осталось два сына: старшій по имени Ильбарсъ, младшій-Бильбарсъ, который въ народѣ бо-

лѣе извѣстенъ подъ именемъ Билигичъ. Онъ, когда еще кормился грудью, сдѣлался боленъ и у него обѣ ноги изувѣчились; голени отъ самыхъ колѣнъ высохли. Оба сына, достигнувъ полнаго возраста, были бойкими, прекрасными витязями; оне жили въ юртѣ отцовскомъ. Шахъ бехтъ-ханъ—милость Божія надъ нимъ!—овладѣлъ Мавераннегромъ; потому ихъ владѣнія отошли отъ нихъ. Въ этомъ владѣніи оставались только сыновья Ядигеръ-хана. Такъ теперь расскажем о томъ, какъ Ильбарсъ-ханъ овладѣлъ Ургенджемъ.

Шахъ бехтъ-ханъ овладѣлъ Мавераннегромъ. Султанъ Хусейнъ-мирза въ Гератѣ умеръ своею смертію. Шахъ бехтъ-ханъ пошелъ и отнялъ Хорасанъ у дѣтей Султанъ-Хусейнъ-Мирзы. У султана Хусейнъ-мирзы Джагатая было много сыновъ и внуковъ; двое или трое изъ нихъ спаслись, а прочихъ всѣхъ Шахъ бехтъ велѣлъ убить, и въ Ургенджъ, который былъ до того времени въ зависимости отъ султана-Хусейнъ-мирзы, послалъ даругу. По прошествіи около шести лѣтъ послѣ этихъ происшествій, шахъ Измаиль пришелъ къ Мерву, сразился съ Шахъ бехтъ-ханомъ, и, поразивъ его, предалъ его мученической смерти. Даруга, поставленный въ Ургенджѣ Шахъ бехтъ-ханомъ, услышавъ объ этомъ, ушелъ изъ Ургенджа. Шахъ Измаиль, овладѣвъ всѣмъ Хорасаномъ, прислалъ въ эту область даругу; въ Харезмъ прислалъ трехъ даругъ: одного въ Хиву и Гезараспъ, другого въ Ургенджъ и третьяго въ Везирь. присланные въ Ургенджъ и Везирь были родные братья, родомъ Арабы: Ургенджскому даругѣ имя было Сюбханъ-кули-арабъ, Везирскому Рахманъ-кули-арабъ. Рахманъ-кули-арабъ, по прибытіи въ Везирь, собралъ вельможъ городскихъ, далъ имъ большой пиръ и всѣмъ сдѣлалъ подарки. Въ это время въ Везирѣ былъ ученый старикъ кадій Омаръ. Онъ не представлялся новому правителю, и приглашенный къ пиру, не пошелъ туда, сказавшись больнымъ. На утро послѣ того дня, въ который правитель давалъ пиръ, кадій Омаръ чрезъ посланнаго тайно пригласилъ къ себѣ

до четырехъ человекъ изъ почетныхъ гражданъ вмѣстѣ съ начальниками города и сказалъ имъ: „поздравляю васъ съ счастьемъ, какое доставляетъ вамъ новый правитель; поздравляю васъ съ новой вѣрой“. Вельможи изумились словамъ кадія и спросили его: о какой новой вѣрѣ говорите вы? Кадій имъ отвѣчалъ: ужели вы доселѣ не слышали, какой вѣры и какаго обряда шахъ Измаилъ и этотъ правитель? Они съ клятвою говорили: „Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ намъ дается правитель отъ того, кто бываетъ государемъ Хорасана. И на этого мы также смотримъ“. Кадій сказалъ имъ: „уже около четырнадцати лѣтъ тому, какъ шахъ Измаилъ принялъ то вѣроисповѣданіе, въ которомъ онъ нынѣ: а это исповѣданіе неправое“, и тутъ онъ подробно объяснилъ имъ свою мысль. „При даругѣ мало людей, а насъ много: по страху своему онъ этого не открываетъ. Поживъ нѣсколько времени, онъ отниметъ у васъ свободу и васъ, первыхъ гражданъ, принудитъ быть хулителями асхабовъ. Сдѣлавъ васъ своими, онъ навяжетъ свою вѣру и всему народу; а кто этого не сдѣлаетъ, того убьетъ. Вы объ этомъ не позаботились, отстали отъ правовѣрія и сдѣлались невѣрными“. Выслушавши эти слова, всѣ перво-степенные граждане Везира приняли этотъ образъ мыслей. Прошло около двухъ лѣтъ, и они не могли ничего сдѣлать. Въ это время въ Бакырганѣ былъ хорошій человекъ Хисамъ-эд-динъ, по прозванію Киталь, изъ рода Сеидъ-ата. Нѣкоторые изъ горожанъ Везира отправились къ нему и сказали: мы хотимъ тебя сдѣлать государемъ, истребить Персовъ. Онъ имъ отвѣчалъ: народъ сегодня готовъ признать меня государемъ, но завтра меня отвергнетъ. Если вы въ самомъ дѣлѣ хотите это сдѣлать, то я найду государя изъ знаменитаго рода. Везирцы спросили: кто же онъ такой? Ходжа, нѣсколько лѣтъ, по одному разу въ годъ, ѣздилъ въ Арку къ Узбекамъ для собранія подаяній, и потому подробно рассказалъ имъ о родѣ Ильбарсъ-хана, о его достоинствахъ, несчастьяхъ и всѣхъ обстоятельствахъ жизни его. Два человекъ изъ жи-

телей Везира и одинъ отъ ходжи отправились къ Ильбарсу съ письмомъ ходжи и прошеніемъ отъ вельможъ Везирскихъ. Ильбарсъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Бильбарсомъ отправился съ людьми, пріѣхавшими за нимъ изъ Везира, и съ дорогахъ впередъ себя послалъ ихъ въ Везирь. Они прибыли въ городъ, извѣстили Везирцевъ. Всѣ первостепенные жители собрались и изъ своего засѣданія послали къ Ильбарсу чело-вѣка и говорили чрезъ него хану: народъ, изъявляя ему подданическую покорность, просить ихъ пріѣхать ночью въ такое мѣсто, которое не видно изъ города, и тамъ укрыться, и о томъ извѣстить бы ихъ чрезъ посланнаго. Ильбарсъ-ханъ такъ и сдѣлалъ. Когда посланный Везирцами къ Ильбарсъ-хану чело-вѣкъ возвращался и извѣстилъ ихъ о прибытіи Ильбарса въ назначенное мѣсто, тогда всѣ граждане, и большіе и малые, собрались, поставили къ городскимъ воротамъ стражу, истребили въ городѣ всѣхъ Кызылбашей, не оставивши изъ нихъ ни одного. На слѣдующее утро Ильбарсъ вступилъ въ городъ. Весь народъ встрѣтилъ хана и помѣстилъ его въ домъ, въ которомъ жилъ правитель города. Народу дали общественный обѣдъ; сдѣлавши большой пиръ, Узбеки и Сарты въ общемъ собраніи единодушно возвели Ильбарса на достоинство хана, въ девять сотъ одиннадцатомъ году, въ годъ овцы, (1505—6. Р. Х.). Въ прежнее время въ зависимости отъ Везира много было областей, изъ которыхъ каждая имѣла своего правителя. Но около времени вступленія въ него Ильбарсъ-хана, онѣ, одна послѣ другой, отпали отъ него; оставалось только три управленія: Везирь, Янга Шагрь, Терсекъ. Ильбарсъ-ханъ жилъ въ Везирѣ; Янга шагрь отдалъ въ управленіе Билигичь-Султану, въ Терсекѣ поставилъ особаго правителя.

Взятіе Ургенджа Ильбарсъ-ханомъ.

Когда жители Везира истребляли Кызылбашей, тогда одинъ

сирота укрылся въ одномъ пустомъ званіи; когда наступилъ вечеръ, онъ вышелъ городскими воротами и ушелъ въ Ургенджъ. Выше мы говорили, что Ургенджскій правитель назывался Сюбханъ-кули-арабъ, а Везирскій Рахманъ-кули арабъ. Пришедъ къ Сюбханъ-кули арабу, онъ разсказалъ все, что только видѣлъ. Сюбханъ-кули призвалъ къ себѣ первостепенныхъ жителей Ургенджа и, пересказавъ имъ о томъ, что случилось въ Везирѣ, говорилъ: „вотъ уже нѣсколько лѣтъ я ѣмъ хлѣбъ-соль вашу. Теперь, если вы хотите, чтобы я вышелъ отъ васъ, то уйду; если же угодно, чтобы я оставался здѣсь, то останусь“. Ургенджцы на это сказали: „Славу Богу, Пракъ и Хорасанъ подъ державою такого государя, каковъ шахъ Измаиль! Вотъ уже почти пять лѣтъ, какъ ты здѣсь по его велѣнію: отъ тебя мы не видѣли никакого притѣсненія и обиды. Что будешь говорить, когда предстанемъ предъ государя? то, что изъ Арки десятокъ Узбековъ пришелъ въ Везиръ? И что вамъ сказать государю, когда пошлемъ тебя къ нему? Притомъ у Узбековъ нѣтъ ни домовъ, ни городовъ, они не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Пройдетъ дней десять—и они ограбятъ и разорятъ Везиръ и уйдутъ назадъ. А потому зачѣмъ вамъ понимать тревогу?“ Сюбханъ-кули-арабъ сказалъ: если вы искренно гозорите это, то все выдайте мнѣ въ этомъ присягу. Тогда все, и знатные и простые, сѣли и Сюбханъ-кули поклялись—не мыслить противъ него лиха, и, если придутъ Узбеки, стоять за него и съ ними сражаться. Потомъ Сюбханъ-кули сказалъ своему конюшему (рикабдарю): „представь сюда возъ денегъ!“ Тотъ принесъ и положилъ ихъ на землю посреди собранія. Тутъ Сюбханъ-кули, обратясь къ первымъ изъ гражданъ, сказалъ: „найдите мнѣ проворнаго, удалого джигита, который бы могъ съѣздить въ Везиръ и доставить вѣрныя извѣстія о тамошнихъ происшествіяхъ.“ Они тотчасъ не могли указать прямо на кого нибудь; тутъ одинъ изъ придворной стражи сказалъ:

„когда были мы еще въ дѣтствѣ, между нами былъ одинъ человекъ, Ивасъ, по прованію „рыжій быкъ“; отецъ его былъ бойкій джигитъ. Онъ скоро явился предъ ханомъ и сказалъ: „я исполню это порученіе“. Тогда Сюбханъ-кули сказалъ: „я буду вѣрить извѣстіямъ, которыя ты мнѣ доставишь; эти деньги ты возьми себѣ, и считай меня единовѣрнымъ съ тобою“. Онъ, взявъ деньги и заставивъ его исповѣдать его вѣру, отправился въ Везиръ и, возвратившись оттуда, рассказалъ подробно все, что тамъ было.

Ильбарсъ, ханъ, проживъ три мѣсяца въ Везирѣ, выступилъ въ походъ противъ Ургенджа. Сюбханъ-кули, взявъ Ургенджское войско, вышелъ изъ города, и за полтора фарсанга отъ него далъ сраженіе. Ильбарсъ, поразивъ его войско, преслѣдовалъ его до города и вошелъ въ него. Сюбханъ-кули со всѣми своими нуверами палъ въ битвѣ. Послѣ этого Ильбарсъ-ханъ послалъ за своимъ семействомъ и имуществомъ и перевелъ его въ Ургенджъ.

Кызылбаши, жившіе въ Хивѣ и въ Гезараспѣ, входили въ такія же совѣщанія съ Сартами, какъ и Ургенджскій правитель Сюбханъ-кули, и недовольные ихъ поведеніемъ, строго держали ихъ. Изъ Ургенджа Узбекскіе наѣзники дѣлали набѣги на Хиву; въ этихъ наѣздахъ нѣкоторые погибали, а оттого при Ильбарсѣ число нуверовъ уменьшилось. Многіе изъ людей Ядигеръ-хановыхъ оставались при его домѣ и сыновьяхъ. Однажды Ильбарсъ призвалъ своихъ бековъ и сказалъ имъ: „мы прибыли сюда съ немногими людьми; много изъ нашихъ осталось при нашихъ братьяхъ. Если вамъ угодно, я призвалъ бы сюда братьевъ моихъ“. Князья всѣ отвѣчали: „мы и прежде думали, что вы пошлете когонибудь за нами“. Одинъ старикъ изъ Уйгурскаго племени, который въ это время сидѣлъ у дома, потому что ему не достало въ немъ мѣста, всталъ съ своего мѣста, вошелъ въ хану и, сложивъ руки, почтительно сказалъ ему: „опытные изъ прежнихъ

Узбековъ говорили: порукою въ благоденствіи государства есть милость къ подданнымъ, а признакъ разстройства государственнаго есть любовь государя къ своимъ родственникамъ“. Ильбарсу показались эти слова злонамѣренными. Всѣ бывшіе тутъ беки, ругая этого человѣка, говорили: такіе ничтожные люди, ссора между собою родственникововъ, въ ласковыхъ словахъ разсыпають вражду. Очень хорошо будетъ, когда ты такихъ злонамѣренныхъ людей, разстронвающихъ своими словами, истребашь одного за другимъ, послѣ того какъ придутъ сюда ваши братья“.

Прибытіе въ Ургенджь дѣтей Абулекъ-хановыхъ и Аменкъ-хановыхъ. Взятіе Хивы, Гезараспа и пограничной части Хорасана. Приведеніе въ подданство Тюркменовъ, жившихъ въ Абуль-ханѣ, Манкышлакѣ и Дабистанѣ.

Въ это время всѣхъ четырехъ сыновъ Яджгеръ-хановыхъ не было уже въ живыхъ. Къ дѣтямъ ихъ Ильбарсъ отправилъ посла съ словами: „мы, по прибытіи въ сію страну, овладѣли Везиремъ и Ургенджемъ; изъ Хивы и Гезарасла Кызылбаши еще не вышли. Если вы хотите прибыть сюда—о чемъ я молю Бога,—то здѣсь найдете себѣ подданныхъ: угодно ли будетъ вамъ принять управление областями, они есть; захотите ли владѣть жителями на поляхъ Хорасанскихъ, они тамъ есть; есть Тюркмены въ Абуль-ханѣ и Манкышлакѣ“. Когда посланный пересказалъ это, тогда сынъ Абулекъ-хана и шесть сыновъ Аменкъ-хана съ своими домами и людьми переѣхали въ Ургенджь. Ильбарсъ-ханъ самъ взялъ Везирь, а имъ отдалъ Ургенджь. Послѣ того дѣти Аменкъ-хановы дѣлали много набѣговъ на Хиву и Гезараспъ, опустошили ихъ области; Кызылбаши отъ страха убѣжали. Владѣя Хивою,

Гезараспомъ и Катомъ, они стали дѣлать набѣги на Хорасанъ. Въ это время шахъ Измаиль умеръ. правители всѣхъ областей, находящихся на сѣверной сторонѣ Хорасанскихъ горъ, къ востоку до Мегины, къ западу до Даруна, страшась Узбековъ, бросили свои области и убѣжали. Такимъ образомъ владѣнія Узбековъ расширились: начальники ихъ вступили въ тѣ области и дѣлались владѣтелями ихъ. Отселѣ они дѣлали многократныя опустошительныя вторженія въ Хорасанъ, на югѣ, и въ Абуль-ханѣ и Мангышлакѣ, на западѣ.

Мы выше говорили, что младшій братъ Ильбарсъ-хана, Билигичъ, когда кормился грудью, сдѣлался калѣкою, что у него высохли обѣ ноги ниже колѣнъ и онъ сидѣлъ на бедрахъ. Потому онъ не могъ садиться на коня и ѣздилъ въ телѣжкѣ. Устроивъ въ ней мѣсто для спокойнаго и удобнаго сидѣнія въ ней, онъ велѣлъ оковать желѣзомъ колеса ея. Запрягая въ нее проворныхъ аргамаковъ, онъ въ сопровожденіи четырехъ, пяти храбрыхъ джигитовъ, всегда ѣздилъ на сраженіе въ Абуль-ханѣ и Мангышлакѣ. Онъ былъ стрѣлокъ, не дѣлавшій промаха. Стоя на колѣнахъ въ телѣжкѣ, въ которой онъ будто лежалъ, онъ прямо несся между стрѣлками, окружавшими его съ лѣвой и правой стороны. Въ жаркихъ сшибкахъ, предводительствуя джигитами, онъ всегда былъ въ переднихъ рядахъ. Наклонившись на переднюю сторону телѣжки, кричалъ джигитамъ: „такъ иди! такъ иди! впередъ! назадъ!“ равняясь съ рядами всадниковъ, онъ сражался; его тележка, запряженная аргамаками, не имѣя тяжести, не отставала отъ верхниковъ.

Нѣкоторые изъ Тюркменовъ, сдѣлавшись подданными, давали подать, а нѣкоторые бунтовали. Не было прямо определено, какое давать количество дани: иногда давали много, иногда мало. Въ исторіи Суфіянъ-хана мы скажемъ—если Богъ позволитъ—о приведеніи въ опредѣленность имѣнія Тюркменовъ и о сборѣ дани съ нихъ.

Такой образъ дѣйствій продолжался нѣсколько лѣтъ. Билигичь-султанъ умеръ, а послѣ него и Ильбарсъ-ханъ. Послѣ Ильбарсъ-хана осталось восемь сыновъ: старшему имя Султанъ-гази, второму Мохаммедъ-гази; имена прочихъ неизвѣстны. Отъ Билигичь-султана осталось пять сыновъ; старшій назывался Султанъ-хаджи, другіе неизвѣстны по имени. Замѣчаемъ, что Ильбарсъ-ханъ, овладѣвъ Везиремъ, въ память того, что онъ взялъ эту область изъ подвладчества Кызылбашей, въ имени каждаго изъ своихъ сыновей, придавалъ прозванія гази: такой-то—*гази*, этотъ-то—*гази*. Младшій братъ его Билигичь-султанъ къ именамъ своихъ сыновъ придавалъ прозваніе хаджи: *такой-то* — хаджи; *этотъ-то* — хаджи.

Въ то время между потомками Ядигеръ-хановыми не было никого больше Султана-хаджи, сына Билигичь-султанова: его перевели изъ Янга-шагра въ Везиръ и поставили ханомъ. У Султана-хаджи было немного подданныхъ и войска. Народъ, мнѣніе и управленіе державою было въ рукахъ Ильбарсъ-хана, а по смерти его въ рукахъ старшаго сына его, Султана-гази, юноши умнаго, храбраго и гордаго. Въ то время между народомъ распространилось мнѣніе: „Султанъ-хаджи править отчасти хорошо, отчасти худо. Но распоряженія Султана-гази есть отрада—что объ этомъ и говорить? Но въ немъ самый большой порокъ—скупость“. Онъ Султанъ-хаджи хану доставлялъ только двѣ доли: одну, такъ называемую, ханскую, другую—столовую. Султанъ-хаджи-ханъ, проживъ только одинъ годъ, ушелъ вслѣдъ за отцами своими.

Послѣ Султана-Хаджи самымъ старшимъ изъ прочихъ лицъ ханскаго дома былъ сынъ Абулекъ-хановъ, Хасянь-були: его возвели въ достоинство ханское и отдали ему Ургенджъ. Всѣ ханскіе дома были дѣти троихъ сыновей Ядигеровыхъ. При этомъ общемъ происхожденіи, они, раздѣлившись на три части, распались на три особыя владѣтельныя линіи. При

Хасянъ-кули-ханъ, дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ, дѣтей Билигичъ-султановыхъ, и сверхъ другихъ малыхъ семействъ ихъ, большихъ домовъ было больше десяти. Главою всѣхъ ихъ былъ Султанъ-гази. У Аменкъ-хана было шесть сыновъ: старшій Суфіянъ, второй Бучага, третій Аванипъ, четвертый Каль, пятый Аватай, шестой Аганай. Много дѣтей также было у этихъ шести сыновей. При Хасянъ-кули-ханѣ, кромѣ этихъ шести, еще другихъ большихъ домовъ было шесть. Хасянъ-кули-ханъ былъ одинъ сынъ у своего отца, но у него самого было много дѣтей: старшій сынъ въ его семействѣ былъ Билаль. Оба, отецъ и сынъ, не имѣли ратнаго духа. Съ одной стороны многіе изъ бойкихъ дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ, и съ другой многія изъ бойкихъ дѣтей Аменкъ-хановыхъ, недовольныя тѣмъ, что Хасянъ-кули-ханъ одинъ владѣетъ доходами Ургенджскими, согласася между собою, возстали противъ него. Противъ ихъ многихъ Хасянъ-кули, выступивъ съ небольшими силами, бится съ ними не имѣлъ силъ; не имѣя способовъ бороться съ ними, онъ заключился въ Ургенджъ. Въ то время этотъ городъ еще не имѣлъ крѣпости Эйрекъ (она уже послѣ построена Ишъ-султаномъ). Всѣ они осадили Ургенджъ: всѣ начальники осаждавшихъ, устроивъ поля свои, приступили къ Хорасанскимъ воротамъ. Хасянъ-кули-ханъ съ пѣшими полками вышелъ изъ воротъ, построилъ ихъ къ битвѣ, приставивъ тыломъ ко рву. Осаждавшіе, дѣйствуя конницею, осаждаемые пѣхотою, сильно бились между собою отъ предполудня до вечера. Младшій сынъ Аменкъ-хана, Аганай-султанъ, которому тогда минуло двадцать лѣтъ, сражался съ утра до пополудня и, желая отличиться предъ своими, не умѣвшими преодолѣть врага, взявъ подъ начальство наѣздниковъ, ударилъ на врага, врубился въ пѣхоту его, но не могъ воротиться съ мѣста, куда пробился, и на краю вала, пронзенный копьемъ одного изъ воиновъ, палъ: толпа пѣхотинцевъ стрѣлами убила сперва подъ нимъ коня, а потомъ

и ему сами разсѣла голову. (Это такъ раздражило осаждавшихъ, что они, ударивъ всѣми силами на войско Хасянь-кули-хана, заставили его скрыться въ городѣ). Пѣхота, копѣйщики и остальное войско, вступивъ въ городъ, произвели большую тѣсноту; не доставало мѣста для помѣщенія и послѣ того, какъ они расположились опять по своимъ палаткамъ. Начальники перечислили всѣхъ жителей и, раздавъ нукерамъ должную плату, заперлись въ городѣ, думая, что непріятель, не имѣя возможности взять Ургенджъ, рѣшится снять осаду. Смерть Аганай-султана сдѣлалась причиною смерти Хасянь-кули-хана и причиною страданій для многихъ. Если бы онъ не былъ убитъ, то Хасянь-кули-ханъ не возбудилъ бы противъ себя кровавой мести. Можетъ быть послѣ нѣсколькихъ дней осады, они, давъ осажденнымъ дорогу, выгнали бы ихъ изъ Ургенджа и благополучно проводили бы ихъ въ чужой юртъ. Смерть Аганай-султана сдѣлалась неспѣльною раною и тяжкимъ ударомъ. Ургенджъ, городъ многолюдный, очень скоро почувствовалъ голодъ, такъ что ослиная голова продавалась по двадцати теке, но и за эту цѣну не находили на одинъ вертелъ. Въ кругу Ургенджскихъ муллъ былъ одинъ очень зажиточный человѣкъ: у него были нѣкоторые дѣла съ однимъ изъ простыхъ горожанъ. Однажды онъ приходитъ къ нему въ домъ, видитъ, что одинъ бѣлобородый изъ муллъ сидитъ въ домѣ; хозяинъ положилъ на блюдо половой членъ лошака, и говоритъ гостю: „Это крошево, обложенное лошадинымъ паховымъ саломъ“. Таковы дѣлались приготовления столовыя на всѣхъ вертелахъ того времени! Такое положеніе жителей продолжалось два мѣсяца. Поэтому судите, что было послѣ. Жители, истомленные, начали выходить изъ города; въ немъ осталось немного жителей, такъ что для защиты города не доставало людей. Черезъ четыре мѣсяца онъ былъ взятъ. Хасянь-кули-хана и старшаго сына его, Билаль-султана, убили; дѣтей съ матерью отправили въ Бухару. Въ настоящее время

изъ этого семейства до пятнадцати человѣкъ живутъ въ Синдѣ.

Исторія Суфіянъ-хана.

Послѣ того возвели на ханскій престолъ Суфіянъ-хана и отдали ему Ургенджъ; Везирь, Янга-шагръ, Терсекъ въ Хорасанѣ, также Дарунъ и Манкышлакскихъ Тюркменовъ взяли внуки Берке-султана, изъ которыхъ главнымъ былъ Султанъ-гази. Дѣти Аменъ-хана заняли стоящіе по берегамъ рѣки города: Хиву, Гезараспъ, Катъ, Булдусазъ, Ничегу; стоящіе въ горахъ: Багъ-абадъ, Нисай, Эсюрдъ, Джегарду, Мегину, Чегчу; и наконецъ Тюркменовъ, жившихъ въ Абуль-ханѣ и Дабиставѣ. Всѣ эти владѣнія раздѣливши между собой, соотвѣтственно степени права каждаго, четыре сына Аменъ-хановы жили съ спокойнымъ сердцемъ.

Въ Абуль-ханѣ въ то время жило Тюркменское племя Ирсары: Суфіянъ-ханъ отправилъ къ нимъ человѣка съ такими словами: „Божественный законъ установилъ давать зякаты (сороковину): Потому вы изъ своего имѣнія ежегодно должны давать сороковину; а я тогда не буду посылать отъ себя людей, съ тѣмъ, чтобы они хищнически собирали ее“. Тюркмены изъявили покорность этому распоряженію и каждый годъ съ своихъ имѣній охотно доставляли хану зякаты. Такъ они дѣлали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Суфіянъ, отправляя людей для сбора дани, въ большіе участки посылалъ по человѣку, и по человѣку въ два или даже три малые участка. Въ одинъ годъ онъ также распорядилъ сборомъ. Когда сборщики отправились, ихъ всѣхъ, и хорошихъ и дурныхъ, по счету оказалось сорокъ человѣкъ. Каждый изъ нихъ объѣзжалъ всѣ деревни: побывавъ въ одной и обобравъ ее, отправлялся въ другую. Джигиты Тюркменскіе сдѣлали заговоръ между собою, и каждый изъ нихъ убивалъ комиссара, когда онъ являлся въ его жительство. Черезъ нѣсколько времени довели это до свѣдѣнія хана. Сильно раздраженный

такимъ поступкомъ Тюрменовъ, ханъ съ четырьмя своими младшими братьями взялъ конницу и отправился въ Абуль-ханъ.

Въ то время переѣздъ изъ Ургенджа въ Абуль-ханъ былъ какъ переѣздъ изъ села въ село, потому что рѣка Аму отъ крѣпости Ургендчской текла къ восточной сторонѣ горы Абуль-хана; отъ подошвы этой горы она, обогнувши на южную сторону, шла къ западу, отселѣ текла къ Угурджѣ и вливалась въ Мазандеранское море. На обѣихъ сторонахъ Аму, до самой Угурджи, были нивы, виноградники и деревья. Весною жители выходили на мѣста возвышенныя; когда являлись мухи и слѣпни, люди, имѣвшіе стада, уходили къ дальнимъ колдцамъ, находящимся въ разстояніи отъ рѣки почти на два дневные пути, когда же прекращался оводъ, они приходили опять на берега рѣки. Обрабатанность и населенность страны превосходили описаніе. По обѣимъ сторонамъ рѣки, отъ Пишгара до Кара-Киджита, жило поколѣніе Адакмы-Хызръ, или отъ Кара-Киджита до западной стороны горы Абуль-хана, по обомъ берегамъ рѣки жило поколѣніе Алій. Отселѣ до того мѣста, гдѣ рѣка вливалась въ море, жили верблюдоводы. Но обратимся къ нашему разсказу.

Каждый изъ начальниковъ войска, по прибытіи на границу Тюрменской земли, построясь въ ряды, (каждый) съ своей стороны, отрядилъ наѣздниковъ для нападенія. Ирсари и Хорасанскіе Салуры жили вперемежку одни съ другими. Успѣхъ нападенія былъ таковъ, что нападшіе не могли увести съ собою всего скота, малолѣтнихъ дѣтей побрали въ плѣнъ; нѣкоторые спасались бѣгствомъ въ одно мѣсто, въ которомъ не подвергались наѣздамъ по неудобству проѣхать туда на конѣ; тамъ, на сѣверной сторонѣ Абуль-хана, есть безопасная долина. Между ею и Абуль-ханомъ идетъ дорога, на три дня для верхового ѣздока; ее называютъ Джутакъ. Невыгода проѣзда по этому пути та, что непріятель, не запасшись водою, если бы захотѣлъ овладѣть симъ мѣстомъ, то хотя бы

сто лѣтъ трудился взять его, не успѣлъ бы: тамъ идетъ одна тропинка, по которой проходить одинъ только вьючный верблюдъ. Мнѣ убогому приводилось много разъ видѣть этотъ путь. Тюркмены ушли въ это мѣсто и тамъ скрылись. Ханъ, когда собрались его наѣздники, осадилъ Джутагъ. Тюркмены держались въ немъ около двухъ дней; но отъ недостатка воды пришли въ изнеможеніе. Семеро изъ старѣйшинъ ихъ спустились съ горы и поспѣшно отправились въ станъ Акатай-хана. Изъяснивъ ему свою покорность, они говорили: мы слышали, что въ землѣ Узбековъ домъ и все владѣніе принадлежатъ младшему сыну; начиная съ отца, всѣ старшіе братья оказываютъ почетъ младшему брату. По рассказамъ извѣстно намъ, что ты младшій изъ сыновъ, оставшихся послѣ Аменъ-хана. Поэтому мы нынѣ умоляемъ тебя: испроси у старшихъ братьевъ твоихъ прощеніе намъ въ винѣ нашей. Всѣ мы клянемся, что будемъ преданы тебѣ, и что наши потомки будутъ покорны каждому потомку Акатай-ханову и никогда не отвратятъ отъ нихъ лица своего. Акатай-ханъ послалъ этихъ людей назадъ, велѣлъ имъ представить къ себѣ всѣхъ людей способныхъ къ дѣламъ. Они, явясъ къ Акатай-хану, дали предъ Кораномъ клятву на покорность ему. Акатай-ханъ, оставивъ Тюркменовъ въ своемъ станѣ, отправился къ старшему своему брату Суфіяну и просилъ прощенія Тюркменамъ въ преступленіяхъ ихъ, и онъ простилъ имъ. Отъ него онъ ходилъ къ Бучагъ-хану, потомъ къ ставкѣ Аванишъ-хана и Каль-хана; всѣ они сказали: „для тебя мы прощаемъ ихъ и забываемъ вины ихъ: дѣлай съ ними какъ знаешь“. Акатай-ханъ, возвратившись въ свой станъ, рассказалъ Тюркменамъ, что видѣлъ и слышалъ. Сердца ихъ готовы были разорваться отъ радости. Послѣ того онъ рассказалъ Тюркменамъ: „Старшій мой братъ простилъ вамъ вину; такъ вы теперь что дадите за провинность?“ Они отвѣчали: „что вы прикажете намъ, то мы и дадимъ“. Акатай-ханъ спросилъ: сколько человекъ изъ ханскихъ нугеровъ убили вы? Тюркмены, сосчитавши ихъ, отвѣ-

чали: „сорокъ человѣкъ, и хорошихъ, и худыхъ“. Султанъ сказалъ: „Такъ вотъ рѣшеніе: нынѣшній годъ вы уже заплатились, потерпѣвъ разореніе отъ наѣзда на васъ. Въ слѣдующій годъ—Богъ ведетъ—въ уплату за кровь каждаго убитаго дайте моему брату тысячу овецъ. А на слѣдующее время сколько вамъ давать, о томъ вы сами переговорите съ моимъ братомъ“. Они охотно приняли это условіе. Потому Хорасанскіе Салуры обѣщались дать шестнадцать тысячъ овецъ, поколѣнія Теке-Сарыкъ и Ямутъ—восемь тысячъ овецъ, поколѣнія Ирсари должно было дать шестнадцать тысячъ овецъ. Всѣ названныя здѣсь подданныя поколѣнія составляютъ одинъ урукъ: всѣхъ ихъ называютъ каменными Салурами. Ханъ возвратился въ Ургенджъ; въ слѣдующій годъ онъ посылалъ сборщиковъ подати и десять первостепенныхъ князей Тюрменскихъ сполна отдали сборщикамъ сорокъ тысячъ овецъ и съ большими дарами представлялись хану; во второй годъ ханъ опять отправилъ къ нимъ человѣка за данью, они опять ее внесли. Эти сорокъ тысячъ овецъ оставались на ихъ шеѣ до нѣсколькихъ разъ.

Скажемъ здѣсь также о количествѣ дани, доставляемой прочими Тюрменами. По прошествіи нѣсколькихъ годовъ послѣ сихъ событій, разложена была дань и на прочихъ Тюрменовъ, какую они должны были вносить по расчету соразмѣрно числу человѣкъ и количеству ихъ скота. Поколѣнія Ички-Салуръ доставляло хану шестнадцать тысячъ овецъ и сверхъ того тысячу шестьсотъ овецъ для зарѣза на ханскую кухню. Эту послѣднюю дань называли *котловыми овцами*, а тѣ шестнадцать тысячъ овецъ называли *податными овцами*, и отдавали ихъ на содержаніе нукеровъ. Но сверхъ количества податныхъ овецъ, которыхъ доставляло каждое поколѣніе Тюрменовъ, они брали на себя десятую часть изъ котловыхъ овецъ: истративъ казенныхъ овецъ, они еще собирали себѣ, говоря обязанному взносомъ дани: „ужели не дашь ты овцы для зарѣза къ государеву столу?“ Поколѣнія Хасянь-или доставля-

ло шестнадцать тысячъ податныхъ овецъ и тысячу шесть сотъ котловыхъ овецъ; изъ нихъ десять тысячъ давали поколѣнія Ивдуръ и Чаудуръ, а четыре тысячи меньшія поколѣнія-Арабечи давали четыре тысячи податныхъ овецъ и четыреста котловыхъ овецъ. Гокланъ давали двѣнадцать тысячъ податныхъ овецъ, и тысячу двѣсти котловыхъ овецъ. Адакъ-или двѣнадцать тысячъ податныхъ овецъ и тысячу двѣсти котловыхъ овецъ. На берегахъ рѣки Аму жили три поколѣнія Тюркменовъ, занимавшихся земледѣліемъ, которыхъ называли Учъ-Иль („три поколѣнія“), именно: Хызръ-или, Адакъ-или и Алій-или. Съ ихъ земледѣльческихъ промысловъ брали десятину. Тюючи („Занимавшіеся верблюдоводствомъ“) и Алій-или платили также и скотомъ; Адакъ-или давали воиновъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Суфіанъ отошелъ къ милосердію Божію.

Исторія Бучаги-хана.

По смерти Суфіана Бучага-ханъ переведенъ былъ въ Ургенджъ и возведенъ на ханскій престолъ. У Суфіана было пять сыновъ: первый Юсуфъ, второй Юнусъ, третій Алій, четвертый Агишъ, пятый Пеглеванъ-кули; всѣмъ имъ пятерымъ отдала Хиву. Во время Бучаги-хана въ Бухарѣ былъ ханомъ Обейдъ-ханъ. Онъ въ нѣсколько походовъ на Хорасанъ овладѣлъ нѣкоторыми городами его; въ мѣста, незанятые имъ, непрестанно отправляли экспедиціи Узбеки и жителей ихъ брали въ плѣнъ. Узбеки, владѣвшіе Эсюрдомъ, Нисаемъ, Даруномъ, также наѣздами опустошали Хорасанъ до Таиль-Кюпрука: если возвращалась одна партія, отправлялась туда другая. Между Хонджемъ и Асфариномъ до Ниса лежитъ большое пространство пустопорожней земли. Владѣтели тѣхъ двухъ мѣстъ не занимались ни воздѣлываніемъ земли, ни скотоводствомъ; зимою и лѣтомъ они укрывались внутри кургановъ. Поэтому шахъ Тахмаспъ, бывъ много обезпокоиваемъ тѣмъ, отправилъ посла къ Бучагъ-хану съ такими словами:

„я желаю быть сыномъ хану. Тимуръ взялъ за себя супругу изъ потомковъ Чингизъ-хановыхъ, и потому доселѣ его называютъ Тимуръ-Бюреканъ; и мое сердце ищетъ также быть въ родствѣ съ потомками Чингизъ-хана. Тогда самый сильный врагъ мой такой, каковъ былъ Хункаръ, скажетъ: шахъ Тагмаспъ женатъ на дочери Узбекскаго государя; въ хорошемъ родствѣ онъ“. У Бучаги-хана не было дочери; у старшаго брата его, Суфіянъ-хана, была дочь, пришедшая въ полный возрастъ, по имени Аиша-бия; ее они согласились отдать за Тагмаспа. Мы говорили, что у этой дѣвицы было пять родныхъ братьевъ. Изъ числа ихъ Агишъ-султанъ былъ человекъ бѣдный, скудный и больной. Подъ начальствомъ его ханъ отправилъ девять человекъ. Съ дарами отъ невѣсты они явились къ шаху, который для встрѣчи ихъ выслалъ своихъ бекъ и, принявъ ихъ при многолюдномъ собраніи, сдѣлалъ имъ угощеніе и оказалъ почеты безпредѣльные. Агишъ-султану онъ отдалъ городъ Хонджедъ, которымъ онъ послѣ правилъ тридцать лѣтъ, до своей смерти, не выѣзжая изъ этого города ни въ военные походы, ни въ другія путешествія. Бучагъ-хану шахъ послалъ девять кинжаловъ, оправленныхъ золотомъ, девять кинжаловъ, оправленныхъ серебромъ, девять шатровъ, у которыхъ верхи были изъ парчи, а низъ изъ полотна; постель и уборы пріемной части шатра блестяли золотомъ и серебромъ, девять коней съ сѣдлами и узлами, тысячу кусковъ шелковыхъ тканей. Ханъ также отправилъ невѣсту съ различнымъ ей приданымъ.

Послѣ того совершилось нѣсколько круговъ времени и Бучага ханъ померъ.

Царствованіе Аванишъ-хана.

Въ Ургенджѣ возвели Аванишъ-хана на престолъ ханскій. У Бучаги-хана было три сына: старшій назывался Достъ-Мохаммедъ, второй Ишъ-Мохаммедъ, третій Бурумъ, котораго

также звали Ишъ-достъ ¹⁾: имъ обоимъ ханъ отдалъ Катъ. У Аванишъ-хана было три сына: старшій по имени Динъ-Мохаммедъ-ханъ, втораго звали Махмудъ, третьяго Аліи-султанъ. Динъ-Мохаммедова мать была куплена у купца, привезшаго ее изъ Манкытскаго поколѣнія; она была лицомъ черная. Сама о себѣ сказывала, что была дочь таковаго-то Манкытскаго мирзы, родившаяся ему отъ наложницы; что когда разоренъ былъ Манкытскій юртъ, одинъ человекъ взялъ ее въ полонъ и продалъ купцу. Также мать двоихъ малолѣтнихъ сыновъ его происходила отъ Манкытскихъ князей. Динъ-Мохаммедъ-ханъ, когда былъ отнятъ отъ груди, отданъ подъ смотрѣніе матери Али-султановой, Бимъ. Государе всѣхъ своихъ женъ, взятыхъ изъ Манкытскихъ княженъ, зовутъ Бимъ. Бимъ очень слабо смотрѣла за воспитаніемъ Динъ-Мохаммедъ-хана. Динъ-Мохаммедъ-ханъ, на шестомъ году своего возраста, играя съ дѣтьми, построилъ крѣпость, и нѣкоторыхъ изъ дѣтей поставилъ въ крѣпости, а другихъ внѣ ея, сказалъ послѣднимъ: „возьмите эту крѣпость; кто изъ васъ войдетъ въ нее, того и награжу; а тѣхъ, кто за трусостію отстанетъ, накажу смертью“. Приходитъ Бимъ и говоритъ: „дѣлалъ бы что тебѣ сроднѣе, вмѣсто городовъ и крѣпостей тебѣ камни и земля!“ Динъ-Мохаммедъ почтительно всталъ

¹⁾ По старшинству они были въ такомъ порядкѣ: 1-й Ишъ-М., 2-й Достъ М., 3-й Бурумъ. Въ этомъ порядкѣ они указываются ниже. Поэтому сдѣлано (тамъ же) и замѣчаніе о правѣ Ишъ-Мохаммеда на ханское достоинство, и требованіе имъ себѣ города Ургенджа. Прежній Русскій переводъ этой книги. «Родословная Исторія о Татаряхъ» подтверждаетъ это. Въ самомъ подлинникѣ допущена была, авторомъ ли, или издателями и переписчиками, сбивчивость. И во второмъ мѣстѣ печати подлинника. Достъ М. названъ (тоже что нынѣ) старшимъ братомъ, а Ишъ М.—младшимъ братомъ. Но считаю это ошибкой, и эти названія должно перенести съ одного изъ этихъ братьевъ на другого. Въ прежнемъ переводѣ во второмъ мѣстѣ Ишъ М. прямо названъ старшимъ братомъ; хотя въ этомъ мѣстѣ ихъ порядокъ такой же, какой и въ нынѣшнемъ текстѣ. См. Родосл. Исторія о Татаряхъ, Т. II, стр. 207—250. (*Примѣчаніе переводчика*).

я, сложивъ руки, представилъ себя въ положеніи отдающаго честь. Бинъ оскорбилась этимъ и говорила: „я его браню, а онъ мнѣ отвѣчаетъ важничаньемъ!“ Динъ-Мохаммедъ-ханъ сказалъ: „вы изволили сказать, что для меня есть камни и земля; ими наполнить Богъ ротъ твой. Но въ то же время изъ земли и камней строятся города и крѣпости“. Соотвѣтственно такому настроенію души, по волѣ Всевышняго Господа, была и его дѣятельность.

Динъ-Мохаммедъ-ханъ, въ зависимости отъ отца, достигъ девятнадцатилѣтняго возраста. Отецъ не давалъ ему ничего. Въ то время пограничная часть Хорасана до Астрабада была въ зависимости отъ Ургенджскихъ государей: ее звали горною стороною, а Ургенджъ рѣчною; обѣ эти части составляли юртъ Ургенжскаго государя. Предпримчивые изъ Ургенджскихъ джигитовъ ходили въ Хорасанъ, дѣлали набѣги на Кызылбашей и оттуда возвращались съ добычею. Динъ-Мохаммедъ-султанъ подговорилъ вѣскольکو джигитовъ пуститься съ нимъ въ Астрабадъ и Мазендеранъ; съ десятками четырьмя отправился туда, не спросивъ позволенія у отца. По берегу рѣки онъ пришелъ къ Чивдаликъ-Тугаю, оттуда перешелъ къ колодезю Динаръ. Когда онъ ѣхалъ отселѣ дальше, ему повстрѣчался человекъ съ шестью верблюдами и тридцатью овцами. „Куда ѣдешь?“ онъ спросилъ его. Этотъ отвѣчалъ: я слуга такого-то человека изъ придворныхъ чиновниковъ Мохаммедъ-гази-султана. Я ходилъ къ Тюркменамъ за данью; взявъ этотъ оброкъ, возвращаюсь теперь въ Дарунъ. Въ это время правителемъ Даруна былъ сынъ Ильбарсъ-хановъ, Мохаммедъ-гази-султанъ. Въ числѣ овецъ былъ желтый козленокъ. Динъ-Мохаммедъ-султанъ сказалъ: отдай намъ этого козленка. Если Богъ благословитъ нашъ путь, то мы по возвращеніи оплатимъ съ избыткомъ. Тотъ не согласился. Султанъ осердился, велѣлъ связать и прибить его, а всѣхъ верблюдовъ и овецъ его взялъ, и поѣхалъ дальше. Когда я былъ въ дѣтствѣ, слышалъ отъ стариковъ слова: „не дѣлай худаго дѣла, думая: оно неболь-

шое, что изъ того будетъ?“ Эта жова была поводомъ къ пословицѣ: „нашъ городъ разоренъ изъ-за желтаго козленка“. Теперь скажемъ объ этомъ разореніи.

Динь-Мохаммедъ-султанъ вступилъ въ Астрабадъ, сдѣлалъ три набѣга на Кызылбашей и съ большой добычей возвратился къ отцу. Между тѣмъ тотъ человѣкъ-сборщикъ подати, у котораго велѣлъ онъ отнять овецъ, по приходѣ къ своему господину разсказалъ случившееся съ нимъ. Князь пересказалъ о томъ Мохаммедъ-гази-султану. Гази-султанъ сильно разсердился на поступокъ Динь-Мохаммедъ-султана, отрядилъ большое число людей на дороги, по которымъ должно было ему ѣхать назадъ, съ тѣмъ, чтобы они его подстерегали. Такимъ образомъ, когда онъ возвращался, ничего не опасаясь, зго схватили. Отняли у нукеровъ его добычу и все, что у нихъ было, и сдѣлавши имъ много неприятностей, бросили ихъ, а Динь-Мохаммедъ-султана взяли съ собою и представили къ Мохаммедъ-гази-султану. Онъ посадилъ его въ одинъ домъ, велѣлъ запереть двери и, приставивъ стражу изъ нѣсколькихъ человѣкъ, приказалъ неотходно стеречь его. А изъ нукеровъ его, оставшихся пѣшими, многіе разошлись по своимъ домамъ, къ которымъ шли они, то падая въ изнуреніи, то снова вставая по отдохновеніи; нѣкоторые изъ нихъ, правдивые, не зная, что сказать по возвращеніи въ свой юртъ, когда султанъ ихъ въ неволѣ, разошлись по селеніямъ, лежащимъ на большой дорогѣ въ Кюрдишѣ, и кормились, или выпрашивая милостыню, или нанимаясь въ водоносцы. Нукеры, возвратившіеся въ свои дома, разсказали все, отъ начала до конца, случившееся съ ними. Эти вѣсти донесли Аванишъ-хану. Онъ ничего не сказалъ, потому что отецъ мало заботился о Динь-Мохаммедъ-султанѣ, и особенно потому, что хану въ это время было уже пятьдесятъ лѣтъ; а такъ какъ мать Али-султана была въ однихъ годахъ съ ханомъ, то онъ недавно взялъ за себя красивую младшую сестру Мохаммедъ-гази-султанову. Мохаммедъ-гази-султанъ, нѣсколько дней про-

державъ подъ стражею Динъ-Мохаммедъ-султана, захотѣлъ возвратить его въ отцу. У него былъ нуверъ изъ Уйгуровъ по имени Риша-Худай-бирди; ему онъ отдалъ его на руки, и, прикомандировавъ къ нему человѣкъ шесть, сказалъ: „сважи ему ноги подъ брюхомъ лошади, и, не останавливаясь ни гдѣ ни днемъ, ни ночью, скорѣе вези его къ хану, передавъ ему отъ меня благожеланіе, скажи, что я слышалъ, будто бы это дитятво уѣзжало безъ позволенія отца; скажи, что оно здѣсь надѣлало такія-то дѣла и за то я поучилъ его“. Тогда Риша-Худай-бирди съ человѣками шестью, взявъ султана, пустился въ дорогу и поспѣшно ѣхалъ. Во время ночныхъ переѣздовъ Динъ-Мохаммедъ-султанъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ предполагалъ жительства, распѣвалъ пѣсни; цѣль этого была та: мои нуверы, въ этихъ жительствахъ меня ожидавшіеся, какъ скоро услышатъ мой голосъ, узнаютъ по нему меня и ко мнѣ явятся. Но всякій разъ какъ султанъ пѣлъ, Худай-бирди говорилъ слово: *риша*. Это слово для султана было острѣе стрѣлы или сабли; а у Худая бирди это слово было обыкновеннымъ присловьемъ, за которое его и звали Ришаи-Худай-бирди. Динъ-Мохаммедъ не зналъ его привычки въ этому присловью и съ досадою думалъ про себя, что онъ этимъ словомъ насмѣхается надъ нимъ. Они пріѣхали въ Кюрдишъ на зарѣ. Тамъ было много людей. Изъ казаковъ султана въ этомъ селеніи было человѣкъ до шести. На топотъ конскій казаки встали. Въ это время султанъ запѣлъ, они услышали его голосъ, узнали и сбѣжались къ нему. Худай-бирдью требовалось сдѣлать остановку и онъ хотѣлъ остановиться въ жилищѣ; султанъ ему сказалъ: „мнѣ стыдно здѣсь останавливаться, поѣдемъ дальше и остановился въ другомъ мѣстѣ“. Худай-бирди согласился и поѣхалъ далѣе. Когда стала занимать заря, онъ остановился и всѣ съ нимъ бывшіе сошли съ коней. Казаки султановы ѣхали слѣдомъ за ними. Одинъ изъ нихъ, разорвавъ перевязку на ногахъ султана, освободилъ его. Султанъ схватилъ саблю Худай-бирдіа и ей ссѣкъ ему голову; другіе уби-

ли его провожатыхъ. Засыпали кровь пескомъ, а трупы оттащили дальше отъ дороги и зарыли. Султанъ всѣхъ обязалъ вѣтвою нукеровъ своихъ никому не сказывать объ этомъ дѣлѣ. Послѣ того онъ пріѣхалъ въ Ургенджъ, явился къ отцу, и на разспросы объ его отсутствіи сказалъ ему: Мохаммедъ-гази-султанъ, человекъ обязательный, удержалъ его у себя; подарилъ ему коня, одежду, и, хорошо угостивъ, отпустилъ его отъ себя. Отецъ повѣрилъ.

Въ тотъ же день Динъ-Мохаммедъ призвалъ съ рынка одного рѣщива, велѣлъ ему вырѣзать печать съ именемъ отца, также печать съ именемъ жены отца, дочери Мохаммедъ-гази-хановой. Отъ имени Аванишъ-хана написалъ такое письмо: „Послѣ молитвы къ Богу о здравіи Мохаммедъ-гази-султана, мое слово къ нему: сестра твоя больна; Богу одному извѣстенъ конецъ ея жизни. У ней теперь одно только желаніе увидѣться съ тобою“. Отъ имени сестры написалъ письмо: „Свидѣтельствуя тебѣ, братъ мой, мою полную покорность, извѣщаю тебя, что я съ нѣкотораго времени больна, и потеряла всю надежду оправиться отъ своей болѣзни. Теперь у меня остается единственное желаніе увидѣться съ тобой прежде моей смерти. Прошу, пріѣзжай скорѣе; иначе мы увидимся только на томъ свѣтѣ“. Поручивъ оба свои письма одному изъ своихъ надежныхъ нукеровъ, и внушивъ ему, что еще пересказать сверхъ написаннаго въ нихъ, онъ послалъ его на двухъ лошадяхъ. Потомъ онъ призвалъ къ себѣ тѣхъ джигитовъ, которые съ нимъ были въ его поѣздѣ и кромѣ ихъ присоединилъ къ себѣ человекъ до двадцати, и съ ними каждый день дѣлая пирушки, велѣлъ имъ внимательно дѣлать осмотры на дорогѣ Хорасанской. Посланный Динъ-Мохаммедъ-султаномъ доставилъ письма Мохаммедъ-гази-султану. Прочитавъ письма, онъ поспѣшно отправился въ Ургенджъ. Въѣхалъ въ городъ Ургенджскими воротами, онъ вступилъ въ домъ хана. Сошедши съ коня, побѣждалъ къ сестрѣ. Въ этотъ день должно было пролиться крови Мохаммедъ-гази-султана. Аванишъ-ханъ въ этотъ день съ

утра отправился на ястребиную охоту. Динь-Мохаммедъ-ханъ, который ночь и день подстерегалъ, извѣстясь отъ своихъ нукеровъ о прїѣздѣ Гази-султана, поспѣшно собралъ ихъ къ себѣ. Это было въ срединѣ между утромъ и полуднемъ въ весенніе дни. Мохаммедъ-гази-султанъ вошелъ въ домъ, въ которомъ жила сестра его; она не знала о его прїѣздѣ; увидѣвъ его, она встала и встрѣтила его. Султанъ сказалъ: „Слава Богу, ты выздоровѣла! Прочитавъ въ твоемъ письмѣ, что мы едва ли увидимся до дня воскресенія, я, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, спѣшилъ сюда“. Сестра ему сказала: я не была больна, и къ тебѣ не писала. Услышавъ это, онъ испугался, и, не останавливаясь, торопливо вышелъ. Онъ услышалъ топотъ, производимый Динь-Мохаммедомъ съ товарищами, собравшимися толпою. Онъ навѣрно узналъ о бѣдѣ, ему грозящей; но, боясь войти въ домъ, онъ побѣжалъ въ другую сторону. Ему попалась большая дверь, онъ побѣжалъ въ нее, и увидѣлъ конюшню, въ которой никого не было; осмотрѣвъ ее, онъ не нашелъ мѣста, чтобы скрыться. Прислушиваясь, онъ слышалъ топотъ людей, которые бѣгали. Объятый сильнымъ страхомъ, онъ искалъ мѣста, гдѣ бы скрыться, но не находилъ. Не зная куда дѣться, онъ увидѣлъ большую кучу навоза изъ конскаго помета; разрылъ ее и, покрывъ себя корзиною, легъ въ нее. Динь-Мохаммедъ-султанъ съ людьми пятьюдесятью нукеровъ вошелъ въ домъ отца; всѣ, разсѣясь, искали Динь-Мохаммеда, но не находили; спрашивали прислужницъ, но некоторая не знала, гдѣ онъ, одна изъ нихъ сказала, что видѣла, какъ онъ пошелъ въ ту сторону. Динь-Мохаммедъ-султанъ побѣжалъ туда, всѣ нукеры обыскали домъ; одинъ изъ нихъ вошелъ въ ханскую конюшню. Осмотрѣвъ всѣ стойла, онъ шелъ назадъ и увидѣлъ на навозѣ красный лоскутъ, и когда подошелъ, чтобы узнать, что это лежитъ, увидѣлъ, что это край одежды, и побѣжалъ сказать о томъ Динь-Мохаммедъ-султану, и онъ пришелъ, вытащилъ Гази-султана изъ-подъ корзины и отрубилъ ему голову. Тотъ

часъ разнеслась въ городѣ вѣсть, что Мохаммедъ-гази-султанъ убитъ. Расстояніе между Ургенджемъ и Везиремъ на путь шести агачей. Одинъ изъ нуверовъ султана Гази-султана пріѣзжалъ въ Ургенджъ и въ тотъ же день уѣхалъ къ султану Гази-султану и разсказалъ ему о случившемся въ Ургенджѣ. Младшая жена султана была дочь Суфіянъ-хана, у котораго также былъ сынъ Аліи; онъ въ это время пріѣхалъ туда для свиданія съ сестрою. Султанъ Гази-султанъ, услышавъ о смерти своего младшаго брата, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ и не размысливъ надлежащимъ образомъ, въ гнѣвъ на своего родственника, схватилъ своего шурина Али-султана, лежавшаго тогда въ его домѣ, и убилъ его. Аванишъ-ханъ возвратился съ охоты, увидѣлъ убитаго Мохаммедъ-гази-султана, спросилъ: гдѣ Динъ-Мохаммедъ; ему сказали: „убивъ Мохаммедъ-гази-султана, онъ тотчасъ съ своими нуверами ускакалъ, страшась васъ; куда скрылся—не знаемъ“. Ханъ говорилъ: „въ удовлетвореніе моимъ братьямъ и моимъ бегамъ я готовъ сдѣлать все, что вы скажете къ спасенію моей державы“. Тутъ пріѣхалъ человекъ изъ Везира съ извѣстіемъ, что Султанъ-гази убилъ султана Алія. Услышавъ эту вѣсть, ханъ, изумленный ею, не зналъ, что дѣлать. Его младшіе братья Каль-ханъ и Аватай-ханъ, дѣти его старшихъ братьевъ, Суфіянъ-хана и Бучага-хана, узнавъ это, перешли въ Ургенджъ, предполагая, что подданные султана Гази-султана начнутъ войну съ Аванишъ-ханомъ, также подданные Аванишъ-хана пришли въ Ургенджъ; дѣти Аменкъ-хана съ своею дружиною собрались въ Ургенджъ. Подданные дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ собрались въ Везирь. Аванишъ-ханъ, какъ ни желалъ помириться съ ними, но его младшіе братья, племянники—дѣти старшихъ братьевъ—и всѣ нуверы не согласились. Они пошли на Везирь. Султанъ Гази-султанъ каждый день посылалъ человека къ дѣтямъ Билигич-султана въ Янга-шагръ, съ прошеніемъ, чтобы они скорѣе шли къ нему. Они извѣщали, что идутъ, и все еще не приходили. Прежде

прибытія ихъ, дѣти Аменъ-хана, подошли къ Везиру. На восточной сторонѣ Везира, въ разстояніи отъ него на одинъ фарсангъ, на краю поля, на мѣстѣ, называемомъ Кумъ-кендъ, стояло селеніе, которое въ то время было прекрасно устроено. Султанъ Гази-султанъ съ своимъ войскомъ выступилъ изъ Везира и шелъ въ Кумъ-кендъ. Султанъ гази-султанъ народу своему мало оказывалъ милостей, но много дѣлалъ обидъ; много дѣлъ возлагалъ на свою дружину, но мало награждалъ ее, потому подданные крайне не любили его. Оба войска построились въ боевой порядокъ. Когда Султанъ-гази разставлялъ къ сраженію свои полки, и, увидѣвъ, что въ одномъ мѣстѣ мало было людей, сказалъ: „тутъ надобно поставить больше войска“; тогда одинъ изъ Узбековъ, которыхъ въ войскѣ его было много, вскричалъ: „если тутъ мало людей, то поставь въ строй твоихъ лошадей и коровъ“. Кто сказалъ это—за многочисленностью осталось неизвѣстнымъ. Султанъ не обратилъ на это вниманія, и проѣхалъ, не сказавъ ни слова. Оба войска вступили въ битву. Аванишъ-ханъ одолѣлъ врага, и, преслѣдуя его, въ тотъ же день вошелъ въ Ургенджъ. Тамъ онъ велѣлъ убить шестнадцать человѣкъ изъ взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ, начиная съ султана Гази-султана. У султана Гази-султана много было женъ: изъ нихъ одна была дочь Тюрмена, Улугъ-тубя-Зенбаль-бека, взятая имъ во время набѣга на Тюрменовъ, жившихъ въ Бурмѣ—какъ звалось одно изъ Хорасанскихъ мѣстъ. Отъ нея было у него два сына и двѣ дочери. Старшему сыну имя было Омаръ-гази-султанъ, младшему—Ширъ-гази-султанъ. Старшей дочери было имя Зюгра-ханымъ, младшей—Нунашъ-ханымъ. Это семейство взято было нузерами Акатай-султана; Омару-гази-султану было пятнадцать лѣтъ; Ширъ-гази-султану было двѣнадцать лѣтъ. Другіе изъ сыновъ Аменъ-хановыхъ, разграбивъ домъ султанскаго семейства, убили сыновъ хана, доставшихся имъ въ добычу, а дочерей и женъ взяли въ неволю; но Акатай-ханъ ничего не взялъ, и сохранилъ жизнь доставшихся ему дѣтей;

жену султана Гази-султана, дочь Улугъ-тубя-Зенбиль-бекову, вмѣстѣ съ двумя дочерями и двумя сынами ея, отправилъ въ Бухару, давъ имъ коней и верблюдовъ и человѣкъ пять въ провозатѣе. Дѣти Билигичъ-султановы, по выстуцленіи въ походъ изъ Янга-шагра, когда приближались къ Везирю, услышали, что султанъ Гази-султанъ вышелъ изъ него противъ непріятеля и перешелъ къ Кумъ-кенду. Поспѣшно пошли туда; прибывши на мѣсто, видятъ, что тутъ была битва, видятъ трупы убитыхъ; узнавши, чѣмъ кончилась битва, они не возвратились домой, а чрезъ верхнія области Ургенджскія ушли въ Бухару. Изъ этого дома было много человѣкъ въ Мавераннегрѣ. Это было въ девятьсотъ семьдесятъ четвертомъ году гижры (1563—4 Р. Х.). Теперь этотъ родъ пресѣяся и отъ него никого не осталось. Горная и рѣчная стороны достались дѣтямъ Аменъ-хановымъ. Аванишъ-ханъ жилъ въ Ургенджѣ; они полюбовно раздѣлили между собою другія области и Тюркменскія земли и жили спокойно. Дарунъ, владѣніе Мохаммедъ-гази-султана, отдали Динъ-Мохаммедъ-султану: „онъ, говорили ему, твоя добыча“.

Взятіе Ургенджа Обейдъ-ханомъ.

Омаръ-гази-султанъ, сынъ султана Гази-султана былъ юноша-боецъ. Въ Бухарѣ, когда онъ пришелъ туда, вступилъ въ службу къ Обейдъ-хану. Онъ неотступно просилъ себѣ у хана помощи. Обейдъ-ханъ слышалъ о разореніи Ургенджа. „Если я туда поѣду, то половина владѣній дѣтей Аменъ-хановыхъ будетъ моею“, говорилъ онъ. Послѣ сего всѣ сыновья Абуль-хавръ-хана, согласившись между собою, выступили въ походъ: изъ Ташкенда Берагъ-ханъ, изъ Самарканда Джевантъ-мердъ-ханъ, изъ Хисара внуки Хамзы и Мегдій-султана, изъ Бухары Обейдъ-ханъ; всѣ они пришли къ Ургенджу. Дѣти Аменъ-хановы, жившіе въ Хивѣ и Гезараспѣ, не имѣя силъ стоять противъ нихъ, убѣжали къ Аванишъ-хану; но и Ава-

нишъ-ханъ, не смѣя оставаться въ Ургенджѣ, со всѣми поспѣшно ушелъ въ степь. Обейдъ-ханъ, вступивъ въ Ургенджъ, послалъ вслѣдъ за Аванишъ-ханомъ войско, которое достигло его на сѣверной сторонѣ Везира, въ мѣстечкѣ Біятъ-кыри и разбило ихъ. Онъ отдалъ Аванишъ-хана Омаръ-гази-султану, какъ повиннаго мести за кровь, и Омаръ-гази-султанъ убилъ Аванишъ-хана; но Акатай-хану Обейдъ-ханъ даровалъ жизнь; Калъ-хана также спасли внуки Хамзы и Мегдіевы, правители Хисара. Обейдъ-ханъ отдалъ Ургенджъ своему сыну Абдуль-Азизу и тамъ оставилъ его. Онъ не потревожилъ ни Сартовъ, ни Тюркменовъ, ни другихъ жителей; не переломилъ ноги ни у одной курицы ихъ, ни одной вещи не передвинулъ съ своего мѣста. Но Узбекскіе роды разсчиталъ на четыре отдѣла: одинъ отдѣлъ изъ нихъ взялъ въ свою власть Обейдъ-ханъ, другой—правители Хисара, третій—правители Самарканда, четвертый—начальники Ташкенда; каждый изъ нихъ, доставшихся на его долю людей поручивъ челоуѣку, велѣлъ перевести ихъ въ свою область.

Сыновья Аванишъ-хановы, Махмудъ и Алій-султанъ, спаслись отъ рукъ врага и убѣжали въ Дарунъ къ Динъ-Мохаммедъ-хану. Алій султанъ былъ тогда по седьмому году. Дѣти Суфіянъ-хана, Юсуфъ и Юнусъ, также не попались въ руки врагу, ушли къ Динъ-Мохаммедъ-султану: такъ что всѣ, какъ изъ ханскихъ, такъ изъ частныхъ домовъ, спасшіеся отъ непріятеля, собрались въ Дарунъ, при Динъ-Мохаммедъ-султанѣ. Дѣти Акатай-хана, кромѣ старшаго, Хаджимъ-хана, были малолѣтні; они вмѣстѣ съ отцемъ и матерію перешли въ Бухару. Хаджимъ-хану было тогда осмнадцать лѣтъ. Когда непріятели во время нашествія напали на жителей, онъ не могъ спастись бѣгствомъ. При отцѣ его былъ добрый нузеръ, по имени Джанъ-семъ изъ поколѣнія Дурбанъ, челоуѣкъ умный, завѣдывавшій всѣмъ имѣніемъ хана; Хаджимъ-ханъ ушелъ въ его домъ; одѣлся въ старый изношенный чекмень, взялъ въ руку укрюкъ и въ такомъ видѣ пасъ лошадей Джанъ-Сеида. Самаркандскіе правители взяли въ плѣнъ Дурбанцевъ, пе-

ревели ихъ на жительство въ Кызыль-рабатъ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, Ургенджцы, узнавъ его, начали говорить другъ другу: „я видѣлъ Хаджимъ-султана, сына Акатай-ханова; онъ пасеть лошадей Джанъ-сеидовыхъ“. Молва объ этомъ увеличивалась со дня на день. Джанъ-сеидъ сказалъ султану: „Ургенджцы, здѣсь находящіеся, тебя узнали. Это сегодня или завтра дойдетъ до Обейдъ-хана: что ты объ этомъ думаешь?“ Хаджимъ-султанъ отвѣчалъ: ты самъ, если можешь, проводи меня отседѣ; если тебѣ нельзя, дай мнѣ лошадей; я уѣду къ Динъ-Мохаммедъ-султану. Джанъ-сеидъ взялъ четыре лошади: двѣ для себя и для Хаджимъ-султана, а на двухъ наложилъ дорожные запасы, и вмѣстѣ съ Хаджимъ-султаномъ отправились большою дорогою въ Ургенджъ. Кима въ то время текла между Ургенджемъ и Везиремъ; переправясь чрезъ Киму, они пріѣхали въ Дарунъ къ Динъ-Мохаммедъ-султану.

Битва Динъ-Мохаммедъ-султана съ Обейдъ-ханомъ.

По прибытіи Хаджимъ-султана, всѣ члены ханскаго дома на общемъ совѣтѣ рѣшили выступить въ походъ на Ургенджъ. По приходѣ въ Кюрдишъ, они призвали къ себѣ начальниковъ Адакъ-илійцевъ, изъ поколѣнія Хизръ, и сказали имъ: „мы идемъ добывать свой юртъ, если всемогущій Богъ поможетъ намъ овладѣть имъ, то мы васъ пожалуемъ въ тарханы, дадимъ вамъ высшее мѣсто при насъ; лучшихъ изъ васъ сдѣлаемъ нашими нукерами; каковъ при насъ доблестный родъ Узбековъ, таковыми и вы будьте“. Начальники заключили договоръ и выступили въ походъ. Изъ Адакъ-илійцевъ къ нимъ присоединилась тысяча человекъ. Съ шестью тысячами человекъ, двѣ тысячи человекъ было у нихъ своихъ нукеровъ; въ числѣ трехъ тысячъ они пришли въ Пишеахъ. Здѣсь на общемъ совѣтѣ они разсудили: „если намъ итти на Ургенджъ, то тамъ будетъ противодѣйствовать намъ Абдуль-Азизъ-сул-

танъ, сынъ Обейдъ-хана; притомъ переправа чрезъ рѣку Аму для насъ опаснѣе врага; на дорогѣ же въ Хиву ни врага нѣтъ, ни рѣки нѣтъ;“ а потому они пошли въ Хиву. Хивою правилъ даруга; его и съ нимъ человекъ десять они захватили и убили. Даруга Гезараспа бѣжалъ. Абдулъ-Азизъ-султанъ, услышавъ объ этихъ происшествіяхъ, бросилъ Ургенджъ и ушелъ къ отцу. Обейдъ-ханъ сильно оскорбился этимъ дѣломъ, созвалъ войско и отправился въ Ургенджъ. Прибывъ въ Тюю-бунъ, здѣсь онъ самъ остановился, а все войско, отдавъ его подъ начальство одного знаменитаго бека изъ рода Углановъ, послалъ противъ Динъ-Мохаммедъ-султана. Динъ-Мохаммедъ-султанъ, узнавъ объ этомъ, выступилъ съ войскомъ изъ Хивы. Всѣ нукеры его говорили: „насъ только десять тысячъ, а непріятелей сорокъ: битва не будетъ для насъ счастлива; воротимся въ Дарунъ. Обейдъ-ханъ не останется въ Ургенджѣ, но уйдетъ назадъ; тогда мы въ него вступимъ. Обейдъ-хану походъ къ Ургенджу и отступление трудны, а для насъ удобны“. Динъ-Мохаммедъ не обратилъ вниманія на слова ихъ и шелъ впередъ. Всѣ князья, являсь предъ лице Динъ-Мохаммедъ-султана, сошли съ коней въ числѣ сотъ до трехъ человекъ, пали предъ нимъ на колѣна и говорили: „умолимъ тебя, воротись!“ Но Динъ-Мохаммедъ-султанъ, ничего не отвѣчая, проѣхалъ между ними, они во второй разъ приступили къ нему и говорили тѣ же слова, но и въ этотъ разъ онъ не далъ имъ отвѣта и проѣхалъ между ними. Они сдѣлали то въ третій разъ: тогда ханъ ближе подѣхалъ къ нимъ, слѣзъ съ лошади, взялъ въ руку горсть земли, и, сказавъ: „Боже! моя душа въ твоей рукѣ, а мое тѣло достойнѣе земли“, высыпалъ землю за пазуху своей рубахи, всталъ, и, взглянувъ на бековъ, сказавъ: „я обрекъ себя на смерть: если вы своею жизнію дорожите больше, нежели я, то удалитесь отъ битвы; если же вы, подобно мнѣ, готовы жертвовать собою, не отставайте отъ меня!“ Сѣлъ на коня и пустился въ путь. Въ войскѣ поднялся столь сильный вопль,

что земля и небо наполнились имъ: всѣ со слезами ѣхали вслѣдъ за Динъ-Мохаммедъ-султаномъ. Тогда получено извѣстіе, что непріятель въ этотъ день, перешедъ Гезараспъ, остановился на ночлегъ; также былъ слухъ, что переходы дѣлаютъ они ночью, а днемъ останавливаются. Динъ-Мохаммедъ - султанъ въ тотъ вечеръ пришелъ въ Герденъ-Хасте: въ семь мѣстѣ есть оврагъ, окружающій озеро, которое со времени сраженія, бывшаго тутъ въ описываемое нами время, называютъ Ишветъ-кюли. По приходѣ въ это мѣсто, онъ остановился на западной сторонѣ озера и, когда сошли съ коней, поставилъ стражу. Была ночь; стража приходитъ и извѣщаетъ, что приближается непріятель. Войско Динъ-Мохаммеда сѣло на коней и раздѣлено было на два отряда. Однимъ предводительствовалъ Юсуфъ - султанъ, сынъ Суфіанъ-хана, другое было подъ начальствомъ самого Динъ-Мохаммедъ - Султана. При Динъ-Мохаммедъ-султанѣ былъ Хаджимъ - султанъ, сынъ Аватай-хановъ. Сынъ Аванишъ-хана, Алій-Султанъ, былъ восьми лѣтъ: его поручивъ надежнымъ человѣкамъ шести, Мохаммедъ - Динъ велѣлъ имъ быть съ нимъ въ сторонѣ, сказавъ: „если наше дѣло приметъ оборотъ неудачный, вы скройтесь съ симъ дитятей, чтобы не погасъ свѣтильникъ нашего рода“. Послѣ того, поручивши себя Богу, они скрытно стали на обѣихъ сторонахъ дороги. Непріятельское войско стало проходить: всѣ беки, въ главѣ которыхъ были Угланы и Хафизъ-Конкиратъ, проходили въ особливомъ отрядѣ, котораго путь освѣщался десятками четырехъ факеловъ. Когда отрядъ этотъ подошелъ близко, конница Динъ - Мохаммеда ударила на него. Прежде нежели узнало объ этомъ назад идущее войско, беки, составлявшіе отрядъ съ Угланами и Хафизъ-Конкиратомъ, одни, для которыхъ срокъ жизни исполнился, были убиты; другіе, которымъ еще смерть не назначена судьбами неба, были перевязаны. Остальное войско обратилось въ бѣгство. Проворные изъ джигитовъ положили на мѣстѣ человѣкъ по сту. Сказываютъ, что Конкиратъ Кюнь

Тунгарь-багадуръ закололъ копьемъ шестьдесятъ человекъ. Хаджимъ-султанъ рассказывалъ: — съ начала и до конца битвы я неотлучно былъ при Динь-Мохаммедъ-султанѣ. Съ нимъ мы пробились въ самую середину войска. Въ продолженіе ратоборства у Динь-Мохаммедъ-хана палъ лукъ; занятый битвою, онъ не замѣтилъ, что лукъ его уроненъ. Соскочивъ съ коня, я поднялъ лукъ и ему подалъ его. Онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „собрать, это пусть будетъ основаніемъ вѣчной дружбы нашей!“ Динь-Мохаммедъ-ханъ былъ старше меня двумя годами: въ это время ему было двадцать лѣтъ, а мнѣ осмнадцать“. По окончаніи битвы къ Динь-Мохаммедъ-султану представили бековъ, оставшихся въ живыхъ, сказывая, этотъ—тотъ-то бекъ, этотъ—тотъ-то бекъ. Когда ихъ проводили предъ султаномъ, подвели на султанскомъ конѣ одного бека: Этотъ кто? спросилъ Динь-Мохаммедъ-ханъ; тотъ, кто привелъ его, отвѣчалъ: Хафизъ-Конкиратъ. Султанъ сказалъ: „Ты, Хафизъ, всегда говорилъ Обейдъ-хану, что Ургенджцы не мусульмане, а невѣрные: почему ты называешь насъ невѣрными?“ Хафизъ сталъ на колѣна и сказалъ: „настоящее время покажетъ, мусульмане ли вы, или невѣрные“. Султанъ не сказалъ на это ничего, но слова Хафиза-Конкирата съ этого времени между Узбеками вошли въ присловіе. Собравъ вмѣстѣ всѣхъ бековъ, онъ велъ съ ними переговоры о томъ, какъ возвратитъ изъ Мавераннегра Каль-хана съ Акатай-ханомъ и прочихъ людей, уведенныхъ туда. Беки всѣ вѣялись, что они вышлютъ сюда всѣхъ, уведенныхъ изъ Ургенджа, и начальниковъ, и народъ; заклинаясь, увѣряли, что, если и Обейдъ-ханъ не согласится на это, то они съ своими семействами и людьми, перенося всѣ трудности, возвратятся сюда. Бекамъ дали лошадей, одежду, и съ почетомъ и ласкою отпустили ихъ. На Хаджимъ-султанъ-хана возложили исполненіе этого порученія: „ты—умный юноша“, говорили ему, „ты одинъ можешь перевести сюда отца своего и его людей; кромѣ тебя никто не въ состояніи сдѣлать это“.

Принявъ на себя это порученіе, онъ взялъ съ собою беконъ, отправился вслѣдъ за Обейдъ-ханомъ. Онъ явился къ нему въ Бухарѣ; Обейдъ-ханъ принялъ его почтительно и ласково, отдалъ ему отца и людей съ нимъ бывшихъ. Оттуда ѣздилъ онъ въ Самаркандъ къ Джеванъ-мердъ-хану, который тоже сдѣлалъ. Отъ него отправился въ Хисаръ; начальники его выдали ему Каль-хана со всѣми людьми. Взявъ Каль-хана и отца своего Акатай-хана и не оставивъ въ Мавераннегрѣ ни одного семейства, переселеннаго туда изъ Ургенджа, онъ всѣхъ привелъ въ Ургенджъ. Послѣ того всѣ они, по общему согласію, возвели на ханство въ Ургенджѣ Каль-хана.

О Каль-ханѣ.

Въ его время Ургенджъ благоденствовалъ, подданные жили въ мирѣ. На все была крайняя дешевизна; говорили въ пословицѣ: „когда Каль-ханъ былъ государемъ, одинъ хлѣбъ покупали по одному пулу“. Правивъ нѣсколько лѣтъ, онъ перешелъ къ милосердію Божію.

Объ Акатай-ханѣ.

Акатай-хана возвели въ Ургенджѣ на ханское достоинство. У Каль-хана было два сына: одному имя Шейхъ-Мохаммедъ, другому Шахъ-Назаръ; имъ двоимъ дали городъ Катъ. Когда небо совершило нѣсколько годовыхъ оборотовъ, всѣ внуки Аменкъ-хановы достигли юношескихъ лѣтъ: для нихъ потребовались владѣнія, подданные и имѣніе. У старшаго изъ братьевъ, Суфіянъ-хана, было пять сыновъ: одинъ изъ его сыновей, Алій, былъ убитъ султаномъ Гази-султаномъ; другой сынъ его, Агишъ, жилъ въ Хорасанскомъ городѣ Хонджедѣ, который онъ получилъ какъ вѣно за свою сестрою. Третій сынъ, Юсуфъ, велѣлъ открыть себя изъ руки

кровь; она не останавливалась и онъ оттого умеръ. Оставались два сына: первый — Юнусъ, другой — Пеглеванъ-кули. Дѣти Бучага-хана, Аванишь-хана и Акатай-хана, всѣ соединивши свои силы, изгнали въ Бухару обоихъ сыновъ Суфианъ-хановыхъ, также изгнали въ Бухару двухъ сыновъ Кальхана, жившихъ въ Катѣ. Послѣ того Акатай-ханъ жилъ въ Везирѣ; Ургенджъ взялъ себѣ Аліи-султанъ, а потомъ, отдавъ его негодному старшему своему брату Махмеду, себѣ взялъ Дарунъ. Багъ-абадъ отдалъ Хаджимъ-хану, Нисай и Эсюрдъ Динъ - Мохаммедъ - хану, Хиву и Гезараспъ двумъ сынамъ Бучага-хановымъ, Ишу и Досту. Послѣ такого раздѣла, они жили спокойно.

Небо еще совершило нѣсколько годовыхъ обращеній. Сынъ Суфианъ-хана, Юнусъ, женатъ былъ на дочери Исмаила, который въ то время былъ Манкытскимъ княземъ. Юнусъ, съ четырьмя десятками челоѣкъ, выѣхалъ изъ Бухары, предположивъ съѣздить къ своему тестю въ Манкытахъ и многоздомъ побывать въ Ургенджѣ. Проѣхавъ съ сѣверной стороны Катъ, онъ прибылъ въ крѣпость Тюкѣ. Въ это время жители были около Ургенджа и при Везирѣ, а въ Тюкѣ не было людей. Ту ночь онъ ночевалъ въ Тюкѣ. Утру онъ взошелъ на Тюкскую крѣпость и, смотря съ нея, увидѣлъ Ургенджскую крѣпость, и спросилъ своихъ казаковъ: какая это видна отселѣ крѣпость? Ему сказали, что Ургенджская. Юнусъ сказалъ: „ужели я буду столько трусливъ, что тогда, какъ городъ Ургенджъ, юртъ моего отца, у меня въ глазахъ, поѣду отселѣ къ Манкытамъ?“ Казаки ему сказали: мы готовы исполнять, что захочешь. Рѣшившись ѣхать въ Ургенджъ, онъ въ этотъ день пробылъ въ Тюкѣ. По закатѣ солнца онъ немедленно, въ половинѣ вечера, приблизился къ Ургенджу съ полуденной стороны; тамъ слѣзли съ коней, пѣшкомъ подошли къ городскому валу. Въ то время стража охраняла крѣпость Ургенджскую и днемъ и ночью, во время ночи обходя ее съ факелами. Когда Юнусъ-султанъ спустил-

ся въ ровъ; нѣсколько стражей, встревоженныхъ приходомъ казаковъ, явилось съ факелами. Юнусъ-султанъ прилегъ грудью къ землѣ и, когда они прошли, подошелъ къ крѣпости, одинъ изъ нихъ приставилъ къ стѣнѣ шесть, поднялся на крѣпость, втащилъ къ себѣ туда каждаго изъ своихъ товарищей, такимъ образомъ всѣ они взобрались на крѣпость; потомъ пошли въ домъ Махмудъ-султана, всѣхъ въ немъ жителей захватили въ свои руки. Махмудъ былъ извѣстенъ своимъ легкомысліемъ; кроясь за спиною умнаго своего младшаго брата Алій-султана, онъ жилъ въ Ургенджѣ, объѣдая его. У Юнуса не было съ нимъ взаимныхъ сдѣлокъ и расчетовъ, ихъ не раздѣляла кровавая месть, потому онъ послалъ его въ Везирь къ Акатай-хану, давъ ему въ спутники одного человѣка. Ургенджскіе Узбеки и Сарты, видя это, въ тотъ же день поставили Юнуса въ достоинство хана. Войско и народъ хорошо понимали ходъ этихъ дѣлъ; зная измѣнчивость словъ и поступковъ глупаго Махмуда, они отчаявались въ своей жизни. Юнусъ-ханъ былъ человѣкъ умный. Легкомысленный Махмудъ, явившись къ Акатай-хану, говорилъ ему: „что сидишь? Выступай въ походъ. Съ Юнусомъ только сорокъ человѣкъ, Ургенджскіе Узбеки мои нукеры; народъ въ одинаковомъ расположеніи къ нему и ко мнѣ. Что же ничего не предпринимаешь?“ Ханъ совѣтовался въ этомъ съ своими подданными; всѣ они желали начать войну. Ханъ, человѣкъ вротвій, хотя не одобрялъ, но и не могъ отвергнуть словъ народа: отправился въ походъ и пришелъ къ Ургенджу. Юнусъ выступилъ противъ него; вступили въ битву на западной сторонѣ могилы шейха Неджмъ-эд-дина-Кюбри—милость Божія надъ нимъ!—Дѣло было въ полдень весенняго дня. Юнусъ-ханъ одержалъ побѣду, Акатай-ханъ обратился въ бѣгство. Сынъ Юнусъ-хана, по имени Касимъ, родившійся ему отъ дочери Акатай-хана, съ своими нукерами преслѣдуя своего дѣда, когда настигъ его, поздоровался съ нимъ и сказалъ ему: „въ такой знойный день куда вы зашли? Сядьте подъ

тѣнь дерева. Сегодня побудьте здѣсь, а на утро отправляйтесь“. Ханъ на это сказалъ: „сердце твоего отца чернѣе, чѣмъ дно у котла; если ты хочешь сдѣлать мнѣ добро, то не тревожь меня“. Касимъ-султанъ разъ до четырехъ говорилъ ему эти слова, и Акатай-ханъ давалъ ему одинъ и тотъ же отвѣтъ. Видя, что ханъ не воротится, взялъ своего дѣда за поясъ, воротилъ его и привелъ въ городъ; помѣстилъ его въ домѣ одного изъ чиновниковъ съ тѣмъ расчетомъ, что, когда распространится слухъ, объ убіеніи хана въ домѣ одного савовника, дѣти Акатай-хановы за кровь будутъ мстить всѣмъ Ургенджскимъ Сартамъ; а я въ это не буду вмѣшанъ. Таковъ былъ его умыселъ. Савовника того дома звали Сулейманъ. Сынъ Юнусъ-хановъ стерегъ Акатай-хана въ домѣ этого савовника, а въ Везирь къ сыновьямъ его послалъ человѣка съ такими словами: У хана, человѣка стараго, отъ быстрой ѣзды на конѣ при дневномъ жарѣ заболѣлъ животъ; я хотѣлъ его проводить къ вамъ, но онъ не захотѣлъ того. „Не отягощай меня переѣздомъ“, говорилъ онъ—„я не поѣду; если я теперь не у сына, то нахожусь съ моимъ внукомъ“. Эта болѣзнь его продолжается уже около пятнадцати дней.—Касимъ стерегъ его и никого къ нему не допускалъ. Въ одну изъ ночей онъ человѣкамъ четверемъ далъ приказъ: „связите хану руки и ноги; въ задній проходъ всуньте палку и ворочайте ея дотолѣ, покуда умретъ онъ; если такъ сдѣлаете, то на тѣлѣ у него нигдѣ не останется ни синяго, ни другаго какаго знака; изъ задняго прохода у него будетъ идти кровь, но подумаютъ, что это оттого, что онъ дѣйствительно былъ нездоровъ животомъ“. Люди тѣ пошли и сдѣлали такъ. На зарѣ положили трупъ хана на телѣгу и отправили въ Везирь къ сыновьямъ его.

У Акатай-хана было шесть сыновъ: старшій Хаджій-Мохаммедъ, второй Махмудъ, третій Буладъ, четвертый Тимуръ, пятый Алла-були, шестой Сулейманъ. Когда Акатай ханъ былъ убитъ, тогда Хаджій-Мохаммедъ и Махмудъ бы-

ли въ Батъ-абадѣ въ Хорасанѣ, а четыре сына были при немъ въ Везирѣ; они послали къ двумъ братьямъ извѣстіе, что отецъ ихъ убитъ. Услышавъ это, они выступили въ походъ и своимъ Везирскимъ братьямъ послали сказать, чтобы и они съ своимъ войскомъ въ такой-то день были подъ Ургенджемъ. Хаджимъ-ханъ, переправясь чрезъ рѣку Аму, переходилъ чрезъ оазисъ Фатима-хатунъ, который на восточной сторонѣ Ургенджа, а братья его выступили съ войскомъ изъ Везира: Юнусъ-ханъ, узнавъ это, ночью вышелъ изъ Ургенджа и убѣжалъ въ Бухару. Нукеры его не остались при немъ; каждый изъ нихъ ушелъ, куда вздумалъ. Сынъ Юнуса, Касимъ-султанъ, отправился вслѣдъ за отцемъ, но сбился съ дороги; отецъ одинъ пріѣхалъ въ Бухару, а сынъ его, проѣздивъ ночь, по утру попалъ въ обрость (ченгель) одной рѣви, продравшись къ нему по густому камышу. Съ этого времени этотъ обрость стали звать Ханъ-ченгель: онъ находится между Бурлу-кари и Куйгиномъ. Тамъ онъ пробылъ весь тотъ день. При немъ былъ одинъ человѣкъ; Касимъ сказалъ ему: если мы не достанемъ откуда нибудь себѣ хлѣба, то безъ пищи какъ намъ дойти до Бухары? Нукеръ отвѣчалъ: „останься здѣсь, а я съѣзжу въ жительство, гдѣ никто меня не знаетъ, и привезу оттуда хлѣба“. Онъ сѣлъ на коня, уѣхалъ, поспѣшилъ въ Ургенджъ къ Хаджимъ-хану и разсказалъ ему, что видѣлъ. Хаджимъ-ханъ послалъ за Касимомъ людей; велѣлъ имъ взять его; когда Касимъ былъ приведенъ, Хаджимъ велѣлъ убить его.

Весь родъ Суфіянъ-хана погибъ; отъ него не осталось потомства. Дѣти Калъ-хана погибли, отъ нихъ также не осталось потомства. Дѣти Аванишъ-хана жили въ Хорасанѣ, дѣти Акатай-хана въ Ургенджѣ и Везирѣ, дѣти Бучага-хана, Ишъ, Достъ и Бурумъ, въ Хивѣ, Гезараспъ и Катъ. Доста возвели на ханство. Достъ былъ человѣкъ съ качествами, пригодными факиру, дервишу; младшій братъ его, Ишъ, былъ храбръ въ битвахъ, не щадилъ своего имѣнія для нукеровъ,

но былъ съ посредственнымъ умомъ, съ холодностію къ мусульманству, съ дерзостію безпредѣльною; постояннымъ занятіемъ его было волокитство за женщинами и дѣвками: у него вся забота была высматривать женъ и дѣвицъ у хорошихъ людей. Эти качества Ишъ-султана были причиною, что на ханскій престолъ возвели младшаго брата его Доста. Ишъ-султанъ просилъ себѣ Ургенджъ. „Хива принадлежитъ моему младшему брату—говорилъ онъ—а мнѣ дайте Ургенджъ“, но ему не дали его. Ишъ-султанъ, взявъ войско изъ Хивы, отправился съ нимъ въ Ургенджъ; вблизи крѣпости Кумъ, на мѣстѣ Джурбюкъ, Ишъ-султанъ расположился станомъ, и, какъ у Хаджима силы было много, а у него мало, то онъ тылъ своего войска примкнулъ къ рѣкѣ, а передъ загородилъ телѣгами. Въ продолженіе осьми дней происходили между ними битвы; побѣда не переходила ни на чью сторону.

Ишъ-султанъ Уйгуровъ и Наймановъ, взявъ ихъ въ плѣнъ, предавалъ смерти съ жестокими муками; но плѣнниковъ изъ другихъ поколѣній отпускалъ, надѣлая ихъ лошадьми, одеждой. На послѣдокъ они заключили миръ. Хаджимъ-ханъ возвратился въ Ургенджъ; Ишъ-султанъ, по прибытіи въ Хиву, изгналъ изъ своего войска Уйгуровъ и Наймановъ, а на мѣсто ихъ помѣстилъ Дурбановъ. Спустя нѣсколько времени, онъ опять выступилъ для завоеванія Ургенджа. Хаджимъ-ханъ съ младшими своими братьями вышелъ противъ него: войска ихъ расположились между крѣпостію Тюкъ и Ургенджемъ. Ишъ-султанъ такъ же, какъ и въ прежній походъ, защитилъ себя телѣгами, и сражался, не передвигая съ собою свою ограду. Въ продолженіе недѣли они вступали въ битвы, но не могли преодолѣть одинъ другаго. Въ одну ночь Ишъ-султанъ выступилъ съ своимъ войскомъ изъ стана, не давъ замѣтить Хаджимъ-хану и вошелъ въ Ургенджъ. Въ городѣ не было никого, кромѣ Сартовъ. Дѣти Акатай-хановы ушли въ Везирь. Ишъ-султанъ привелъ подъ свою

власть жителей Ургенджа; отнялъ имѣніе у Уйгуровъ и Наймановъ, дѣтей ихъ выгналъ въ Везирь. Оба враждующіе хана оставались въ занятыхъ ими мѣстахъ: тотъ и другой чрезъ пословъ звали въ себѣ Алій-султана. Алій-султанъ жилъ тогда въ Нисаѣ; Отпустивъ пословъ, онъ выступилъ съ войскомъ и соединился съ Хаджимъ-ханомъ. Тогда дѣти Абатая-хана, Алій-султанъ и Абуль-султанъ, сынъ Динъ-Мохаммедъ-хана, который въ это время уже не былъ въ живыхъ, всѣ вмѣстѣ осадили Ургенджъ; послѣ четырехъ-мѣсячной осады, на разсвѣтѣ дня, они, устремясь на крѣпость, вошли на ея стѣну. Ишъ-султанъ на конѣ, а нукеры его пѣшіе пошли отбивать врага. При Ишъ-султанѣ былъ долго служившій нукеръ изъ Дурбанскаго поколѣнія, по имени Тинъ-Аліи; у него была сестра дѣвица. Эту дѣвицу Ишъ-султанъ обезчестилъ, за то въ душѣ Тинъ-Алія всегда врылась злоба на султана. Когда непріятель взоселъ на крѣпостную стѣну и Ишъ-султанъ проѣзжалъ близъ нея, Тинъ-Аліи пустилъ стрѣлу въ султана и попалъ ею въ хребетъ коня его: конь взбѣсился и сбросилъ съ себя султана: онъ ударился о бревно серединою голени и переломилъ ее у себя. Нукеры его всѣ разбѣжались. При немъ остался только Хаккъ-вули Пеглеванъ, одинъ изъ Хивинскихъ Сартовъ, храбрый и бойкій юноша; Ишъ-Султанъ воспиталъ его при себѣ и бралъ всегда съ собою, куда ни отправлялся. Хаккъ-вули поднималъ султана, лежавшаго на мѣстѣ, гдѣ упалъ, посадилъ его и сталъ опрывать ему переломленную ногу, но тогда подошелъ непріятель. Хаккъ-вули сталъ на защиту султана и бился съ нимъ на смерть. На послѣдокъ число непріятелей увеличилось, они его убили, а послѣ и Ишъ-султана убили на томъ же мѣстѣ. Старшій братъ его, Достъ-ханъ, былъ въ Хивѣ; послали туда отрядъ воиновъ, которые тамъ убили и его. У Ишъ-султана было два сына; старшій назывался Шагъ-вули, младшій Тагиръ; ихъ отослали въ Бухару; по

переѣздѣ туда, они оба тамъ померли. Также отъ троихъ сыновъ Бучаги-хана не осталось потомства.

Послѣ этихъ событій въ девятьсотъ шестьдесятъ пятомъ году гиджры (1557—8 Р. Х.), въ годъ коня, на ханскій престолъ возвели Хаджимъ-хана, которому тогда было тридцать девять лѣтъ, и отдали ему Везирь. Города: Ургенджъ, Гезараспъ и Катъ отдали Алій-султану. Въ то время уже не было въ живыхъ Алла-кулія и Сулеймана, двухъ сыновъ Аватай-хана; другіе четыре его сына, оставшіеся въ живыхъ, были: Хаджимъ-Мохаммедъ и Махмудъ, рожденные оба отъ одной матери; Буладъ и Тимуръ также оба отъ одной матери. Махмудъ-султанъ жилъ въ Везирѣ при своемъ братѣ, Хаджимъ-ханѣ. Буладу дали половину Хивы и изъ Тюркмановъ поколѣніе Улугъ-тубе-кюнашъ; Тимуру дали другую половину Хивы и изъ Тюркменовъ поколѣніе Кара-букаулъ. Послѣ того они жили съ спокойнымъ сердцемъ.

О Динъ-Мохаммедъ-султанѣ (старшемъ сынѣ Аванишъ-хана).

Когда Калъ-хана возвели на ханство, Динъ-Мохаммедъ-хану отдали въ удѣлъ Нисай и Эсюрдъ. Динъ-Мохаммедъ-ханъ былъ человекомъ, который не могъ жить спокойно на одномъ мѣстѣ. Онъ непрестанно дѣлалъ набѣги на Кызыл-башей. Это заставило Шахъ-Тахмаспа выслать противъ него войско. Оно, въ то время какъ Динъ Мохаммедъ былъ въ Нисаѣ, взяло Эсюрдъ и, поставивъ тамъ правителя, ушло назадъ. Динъ-Мохаммедъ-ханъ, не имѣя тогда силъ, отправился въ Газвинъ къ шаху Тахмаспу, и при немъ пробылъ шесть мѣсяцевъ, надѣясь, что онъ возвратитъ ему Эсюрдъ. Шахъ - Тахмаспъ не обратилъ на это вниманія. Динъ-Мохаммедъ, велѣлъ рѣщику вырѣзать печать съ именемъ шаха Тахмаспа и написалъ указъ на имя Эсюрдскаго правителя: „Мы пожаловали Эсюрдъ Динъ-Мохаммедъ-султану: по предъ-

явленіи сей грамоты этотъ городъ ему долженъ быть переданъ“. Когда шахъ Тахмаспъ выѣхалъ на охоту, Динъ-Мохаммедъ въ одну ночь уѣхалъ отъ двора шахова. Шахъ Тахмаспъ на этотъ разъ сказалъ: „самовольно пріѣзжалъ, самовольно и уѣхалъ“. Динъ-Мохаммедъ-ханъ пріѣхалъ къ Эскюру и передалъ ярлыкъ правителю, который отворилъ ему городскія ворота. Онъ въѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ. Переночевавъ, онъ поутру приставилъ къ воротамъ стражу и велѣлъ убить всѣхъ Кызылбашей, не оставивъ въ живыхъ ни одного человѣка. Послѣ того онъ не тревожась жилъ въ Эскюрѣ. Шахъ Тахмаспъ, узнавъ объ этихъ происшествіяхъ, съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на Динъ-Мохаммеда. Динъ - Мохаммедъ, услышавъ, что шахъ Тахмаспъ приближается, вышелъ съ человѣками пятьюдесятью на встрѣчу его. Когда шахъ Тахмаспъ пришелъ къ рѣкѣ Кара-су, которая на сѣверной сторонѣ Мешхеда, стража его извѣстила, что видѣла Динъ-Мохаммедъ-Хана, шахъ не повѣрилъ этому. Стража въ другой разъ о томъ извѣстила, онъ также не повѣрилъ. Приходить одинъ изъ придворныхъ и связываетъ, что Динъ-Мохаммедъ - ханъ явился у дверей его шатра. Шахъ вышелъ къ овалу своего шатра. Динъ-Мохаммедъ ханъ подошелъ къ нему и взялъ въ руку полу одежды его. Шахъ, положивъ одну свою руку на плечо ему, другую приложилъ поверхъ рубашки къ сердцу его, чтобы узнать, какъ бьется оно, и въ его сердцѣ не было трепета. Смотра на лице хана, шахъ сказалъ: „твое сердце, Динъ-Мохаммедъ, тверже камня“. Шахъ въ тотъ же день сдѣлалъ большой пиръ, а на утро сдѣлалъ ему подарки, и сказалъ ему: „прощаю тебѣ всѣ твои проступки и отдаю тебѣ Эскюръ“, отпустилъ его отъ себя, а самъ отправился назадъ въ Газвинъ.

Другое изъ замѣчательныхъ дѣлъ Динъ-Мохаммеда было слѣдующее. Обейдъ-ханъ отдалъ городъ Мервъ-Шахъ-джеганъ въ управленіе Найману Юлумъ-бію. Чиновники, составлявшіе стражу при двери (дворѣ) хана, наговорили ему много обвиненій на

Юлумъ-бія, указывали на его худые замыслы. Юлумъ-бія, узнавъ это, сталъ бояться хана; ханъ нѣсколько разъ чрезъ посланныхъ звалъ его къ себѣ, но онъ не шель къ нему. Увидѣвъ, что онъ не хочетъ къ нему явиться, послалъ тридцать тысячъ чело-вѣкъ съ приказомъ взять его и представить къ нему. Когда войско хана шло къ Мерву, Юлумъ-бія послалъ чело-вѣка въ Эсюрдъ къ Мохаммедъ-хану съ словами: „Мервъ бу-детъ наградой тому, кто спасетъ меня отъ настоящей бѣды!“ Динъ-Мохаммедъ-ханъ, услышавъ такія слова, выступилъ съ войскомъ изъ Эсюрда. Когда онъ пришелъ къ устью Мюрга-ба, то далъ приказъ, чтобы каждый всадникъ въ лѣсу сру-билъ себѣ по три вѣтви древесныя, двѣ изъ нихъ привязалъ въ торокахъ и одну у хвоста лошади; велѣлъ каждому ѣхать особымъ своимъ мѣстомъ, а не одному за другимъ, чтобы на мягкомъ грунтѣ земли, каковъ въ Мервѣ, оставалось больше слѣдовъ. Стражѣ своей онъ велѣлъ наблюдать за сторожевымъ отрядомъ непріятеля. Такъ какъ непріятель былъ еще далеко, онъ въ этотъ день проѣхалъ небольшое пространство и оста-новился на ночлегъ. Его стража, замѣтивъ сторожевой отрядъ непріятельскій, извѣстила его. Поутру онъ двинулся дальше, и въ этотъ день, опять сдѣлавъ небольшой переходъ, остано-вился. Сторожевой полкъ непріятеля донесъ своему войску, что Динъ-Мохаммедъ-ханъ идетъ съ великими силами, и от-того идетъ медленно. Услышавъ это, непріятель послалъ лю-дей для наблюденія. Они, увидѣвши сражу и огни среди войска Динъ-Мохаммедъ-ханова, донесли, что онъ идетъ съ большими ополченіями. Непріятель, на основаніи такихъ слу-ховъ, разсуждалъ: „За нами—Юлумъ-бія, предъ нами Динъ-Мохаммедъ-ханъ: какъ намъ оставаться въ срединѣ двухъ враговъ?“ двинулся назадъ и, ушелъ въ Бухару. Динъ-Мо-хаммедъ вступилъ въ Мервъ и, сдѣлавшись властителемъ его, въ немъ постоянно жилъ.

Главными чертами въ характерѣ Динъ-Мохаммеда были храбрость въ битвахъ съ врагами и великодушіе. Онъ никогда

не вопилъ богатства; ласка его въ своимъ нуверамъ была умѣренна. По временамъ его поступки походили на поступки сумасшедшаго. Самъ я, не бывъ очевидцемъ его дѣлъ, не вѣрю всѣмъ людскимъ рассказамъ. Онъ умеръ въ городѣ Мервѣ въ девятьсотъ шестидесятомъ году (1553 Р. Х.), въ годъ коровы, на четырехдесятомъ году своей жизни.

У Динъ-Мохаммедъ-хана было два сына, старшій Баинда-Мохаммедъ, младшій Абуль-Султанъ (Абу-Мохаммедъ): его сдѣлалъ онъ Каль-ханомъ; потому, когда еще живъ былъ отецъ его, его звали Абуль-ханомъ. Баинда-Мохаммедъ-султанъ былъ малоумень: однажды, когда отецъ его сидѣлъ въ пріемномъ отдѣленіи своего дома, онъ явился къ нему и, ставъ на колѣна, сказалъ: „я старше Абуль-Мохаммеда; но его называютъ ханомъ, а меня только султаномъ: по твоему ли повелѣнію, или сами отъ себя они такъ насъ титулуютъ?“ Ханъ не зналъ, что сказать ему. При ханѣ находился одинъ хорошій бекъ, по имени Турумчій, изъ Тюркменскаго рода Лайна, человекъ весьма умный, извѣстный по многимъ мудрымъ словамъ. Онъ сказалъ: „позвольте мнѣ, государь, рѣшить вопросъ его“. Говори! сказалъ ханъ. Турумчій, обратившись къ Баинда-Мохаммедъ-султану, сказалъ: „когда Всемогуцій Господь далъ Вамъ жизнь, отецъ Вашъ былъ султаномъ; а когда родился Вашъ братъ, Вашъ отецъ былъ ханомъ. Чѣмъ былъ у кого отецъ, тѣмъ сдѣлался и сынъ; родившагося отъ султана, называютъ султаномъ, а родившагося отъ хана называютъ ханомъ“. Эти слова для него, неразумнаго, показались основательными, и онъ всталъ и вышелъ. Онъ умеръ вскорѣ по смерти отца своего. У Баинда-Мохаммедъ-хана былъ сынъ Турсунъ-Мохаммедъ; онъ былъ государемъ въ Мервѣ; былъ очень дѣятельный, храбрый витязь.—На двадцать третьемъ году своей жизни, когда онъ ночью лежалъ въ постели, нѣкоторые изъ его нуверовъ зарѣзали его ножемъ. У него не было дѣтей.

Абуль-Мохаммедъ-ханъ по смерти отца своего былъ

ханомъ въ Мервѣ. У него былъ одинъ сынъ; съ нимъ онъ, взявъ войско, вступилъ въ Хорасанъ, раздѣливъ его на четыре отряда, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ послалъ ихъ для набѣговъ, а самъ оставался двадцать дней въ Мешхедѣ. Хорасанскіе Кызылбаши собрались къ Мешхеду; на сѣверной сторонѣ города, на берегу Кара-су, оба войска вступили въ битву. Кызылбаши одержали побѣду; десять тысячъ Узбековъ подъ начальствомъ Желаль-хана потеряли жизнь. Тутъ убитъ былъ и единственный сынъ Абуль-хановъ. Абуль-ханъ, лишившись сына, съ печали заболѣлъ; никто не понималъ причины его болѣзни; лекаръ, взятый изъ Мешхеда, сказалъ: Ханъ страдаетъ отъ того, что лишился сына; онъ выздоровѣетъ, если у него будетъ сынъ, а безъ того не поправится въ здоровьѣ. Придворные сказали: сынъ не есть что нибудь такое, что можно добыть силою или богатствомъ. Въ Мервѣ была одна женщина по имени Бибича; въ кругу женщинъ ея дѣломъ были игра на тамбуринѣ и раскрашиванье хиною. Она не выходила никогда за-мужъ. У ней былъ четырехлѣтній сынъ; она привела его къ бекамъ и сказала: ханъ въ одну ночь велѣлъ мнѣ выерасить его хиною, имѣлъ со мною сообщеніе; я сдѣлалась беременною и родила этого сына; до настоящаго времени, боясь супруги хана, я никому того не сказывала. Беки передали этого мальчика лекарю, а онъ отвелъ его къ хану. Ханъ въ это время не могъ узнавать людей. Лекаръ обнажилъ мальчика и хана, положилъ мальчика на грудь хану и, прикрывъ ихъ одѣяломъ, громко кричалъ хану: Это вашъ сынъ! Такъ дѣлалъ онъ раза по три въ день. Ханъ день отъ дня сталъ поправляться въ здоровьи и, выздоровѣвъ, усыновилъ себѣ этого мальчика, назвавъ его Нуръ-Мохаммедомъ. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, Абуль-ханъ умеръ. По смерти Абуль-хана возвелъ на ханство Нуръ-Мохаммеда. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его ханствованія младшіе братья Хаджимъ-хана и ихъ дѣти изъ Ургенджа дѣлали набѣги на Мервъ; много огорчая его попреками: „ты сынъ безчестной женщины“

какой же ты мнѣ братъ?" У него не достало силъ переносить это униженіе; онъ пошелъ въ Бухару къ Обейдъ-хану, и разсудилъ предложить ему въ даръ Мервъ. Обейдъ-ханъ, вмѣстѣ съ Нуръ-Мохаммедомъ, взялъ войско, вступилъ къ Мервъ. Нуръ-Мохаммедъ предполагалъ, что Абдуллахъ-ханъ, взявъ Мервъ, опять отдастъ его ему, если онъ, управляя имъ, велитъ въ хутбѣ возглашать его имя, и что тогда братья и сыновья Хаджимъ-хана не посмѣютъ его тревожить. Но это чаяніе его не сбылось. Послѣ того какъ Обейдъ-ханъ занялъ Мервъ, онъ, боясь его, въ одну ночь бѣжалъ и ушелъ въ Ургенджъ къ Хаджимъ-хану. Если благоволитъ Богъ, мы объ этомъ послѣ расскажемъ. Онъ съ Хаджимъ-ханомъ ушелъ въ Персію. Черезъ пять лѣтъ, которыя они прожили у Кызылбашей, Обейдъ-ханъ умеръ. Послѣ него сдѣлался ханомъ Бухары Абдуллахъ-ханъ. Тогда Нуръ-Мохаммедъ-ханъ опять овладѣлъ Мервомъ. Въ немъ онъ истребилъ Узбековъ, которые, бывши къ нему нерасположены душою, причиняли ему много огорченій и безпокойствъ, а замѣнилъ ихъ Сартами и Тюркменами. Узнавъ это, Персидскій государь шахъ Аббасъ Мази пришелъ и осадилъ Мервъ. Послѣ сорокадневной осады, Нуръ-Мохаммедъ, истощившись въ силахъ къ оборонѣ, вышелъ изъ Мерва и предсталъ съ покорностію предъ шаха Аббаса. Шахъ поставилъ своихъ правителей въ Мервѣ, Эскурдѣ, Нисаѣ, Дарунѣ и во всѣхъ областяхъ, зависѣвшихъ дотолѣ отъ Нуръ-Мохаммеда, и отправился назадъ; увелъ съ собою Нуръ-Мохаммедъ-хана и въ Ширазѣ заключилъ его въ вѣрность; въ ней Нуръ-Мохаммедъ и умеръ. Отъ Динъ-Мохаммедъ-хана не осталось потомства.

О другихъ двухъ сыновьяхъ Аванишъ-хановыхъ.

Старшій сынъ Аванишъ-хановъ былъ Динъ-Мохаммедъ; второй сынъ его былъ Махмудъ; его прозвали Сари-Махмудъ

султанъ. Онъ былъ человекъ весьма глупый, безъ мужества, безъ всякихъ достоинствъ, трусъ и скупой. Изъ хорошихъ качествъ Всевышній Господь не далъ ему ни одного. Его звали Сари-Махмудъ „Желтый Махмудъ“ потому, что въ потомствѣ Аменъ-хановомъ, какъ изъ мужскаго, такъ изъ женскаго пола до этого времени не было, кромѣ этого глупаго потомка, ни одного человекъ, желтаго или бѣлаго; всѣ были черные. Однажды этотъ печистый сидѣлъ въ многолюдномъ собраніи и пилъ бузу. Приходитъ человекъ и сказываетъ, что непріатели идутъ. Всѣ бросились на коней, а онъ бросился съ ножомъ ставить мѣтки на кувшинахъ съ бузой, приговаривая: на этомъ кувшинѣ съ бузой такая мѣтка, а на этомъ кувшинѣ съ бузой такая мѣтка, и отдалъ ихъ подъ присмотръ хозяину твоего дома. По смерти его, дѣтей отъ него не осталось.

Младшій сынъ Аваишъ-хановъ былъ Али-султанъ, онъ владѣлъ въ нагорной сторонѣ городами: Нисаемъ, Эсюрдомъ; въ прирѣчной сторонѣ Ургенджемъ, Гезараспомъ и Катомъ. Дѣйствія начальниковъ и правителей въ обѣихъ сихъ областяхъ зависѣли отъ Али-султана. Каждогодно, въ началѣ мѣсяца февраля, онъ изъ Ургенджа отправлялся съ конницею въ предѣламъ Хорасана и, дѣлая на него набѣги, тамъ проводилъ все лѣто. Границами тѣхъ земель, на которыя онъ дѣлалъ набѣды, были Иль-Кюпрюкъ, Тиршизъ, Тэрбятъ, Деджамъ и Харкердъ. Занимаемая ими области были Джорчанъ, котораго нѣкогору часть называютъ Кебудъ-джама, Джачарамъ, Керайлу, Астрабадъ. Войско его простиралось до сорока тысячъ. Осенью, въ мѣсяцѣ октябрѣ, онъ возвращался въ Ургенджъ и въ немъ проводилъ зиму. Всѣ Узбеки, составившіе его многочисленное ополченіе, поименно внесены были въ списокъ и получали жалованье. Нукерамъ, составлявшимъ его свиту, давалось каждому по шестнадцати овецъ: эти овцы, раздаваемые въ жалованье, собирались отъ самихъ же Туркменовъ; въ случаѣ недостачи ихъ, давалась пятая часть изъ

овецъ, захватываемыхъ во время наѣздовъ на Хорасанъ. Онъ въ каждый годъ съ небольшимъ отрядомъ людей отправлялся въ Астрабадъ для сбора дани съ племени Овлы-Гоклянъ, и самъ распорядился собираніемъ ея, разсылая своихъ нукеровъ. Теперь скажемъ о Кызылбашахъ.

Шаху - Тахмаспу каждый годъ приносили вѣсти, что Алій-султанъ въ наѣздѣ разорилъ такую-то область, но шахъ мало заботился объ этомъ. Зимой одного года онъ далъ повелѣніе одному изъ своихъ бековъ, Бедеръ-хану: „возьми двѣнадцать тысячъ Курджиновъ и отправься съ ними въ Хорасанъ. Какъ скоро придетъ туда Алій-султанъ, ты прямо напади на него; но объ этомъ прежде никому не говори, чтобы это не услышалъ Алій-султанъ. Садись на коня и исполни такъ“. Бедеръ-ханъ, выступилъ въ походъ и прибылъ въ Бичтамъ. Здѣсь ему донесли, что Али-султанъ съ небольшимъ отрядомъ войска стоитъ въ Астрабадѣ, собирая дань съ Тюркменовъ, что его нукеры разошлись по домамъ Тюркменовъ и съ султаномъ вѣтъ людей. Онъ поспѣшно вступилъ въ Астрабадъ. Султана тотчасъ извѣстили о приходѣ Кызылбашей, увидѣвъ передовой отрядъ ихъ. Кызылбашей было двѣнадцать тысячъ человекъ, а съ султаномъ только три тысячи. Какъ скоро онъ получилъ извѣстіе о томъ, сѣли на коней и переѣхали на берегъ рѣки Гюргана. Я убогій видѣлъ эту рѣку: оба берега ея круты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высота ихъ есть въ локтей сто. Въ прежнее время, когда производились набѣги, избирали на ней переправы то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, предварительно осмотрѣнномъ. Али-султанъ расположилъ свое войско на краю высокаго, крутаго берега; людей онъ не поставилъ на самомъ краю берега, а расположилъ палатки въ четыре или въ пять рядовъ, оставилъ между ними и берегомъ широкую дорогу и провелъ за палатками четыре перекопа, чтобы съ вѣшной стороны нельзя было на нихъ нападать конницѣ; лошадей же и верблюдовъ онъ велѣлъ привязать. Тутъ приблизились къ нимъ Кызылбаши и сдѣлали атаку.

Отрядъ, человекъ въ тысячу, одною массою на всемъ скаку ударилъ на станъ. Узбеки пѣшіе бросились противъ нихъ и приняли ихъ въ стрѣлы. Кызылбаши не могли перескочить черезъ перекопы. Сколько разъ Кызылбаши ни возобновляли свои нападенія, Узбеки, выбѣгая на встрѣчу имъ изъ стана, отражали ихъ. Какъ скоро они начинали стрѣлять въ нихъ изъ ружей, то Узбеки уходили въ палатки и прятались за верблюдовъ. Кызылбаши стали утомляться. Тутъ бекъ Оклійцевъ, по имени Аба-бекъ, съ другими десятью беками и съ тремястами человекъ захотѣлъ лично переговорить съ султаномъ. Аба-бекъ, выступивъ съ ними на ровное открытое мѣсто посреди войска, въ то время какъ окружавшіе его сѣли тамъ и держали съ собою лошадей, пошелъ къ султану и сказалъ ему: „бой у насъ идетъ ровно на обѣихъ сторонахъ; у васъ нѣтъ конницы; прогоняя Кызылбашей, мы не можемъ ихъ преслѣдовать и они остаются на своемъ мѣстѣ. Позвольте мнѣ съ конными сдѣлать нападеніе на нихъ съ которой-нибудь стороны“. Султанъ позволилъ. Аба-бекъ съ конницею выѣхалъ тѣмъ мѣстомъ, которое составляло ворота стана. Когда Аба-бекъ, принявъ позволеніе отъ султана, выѣхалъ изъ стана, войско, оставшееся при немъ, говорило: „для чего вы, государь, позволили это ему? Видя, что насъ мало, онъ присоединится къ Кызылбашамъ“. Султанъ сказалъ: „Кызылбашей двѣнадцать тысячъ; пусть же число ихъ увеличится еще тремя сотнями. Только низкіе люди способны дѣлать зло своимъ: я судьбу свою поручаю Богу“. Аба-бекъ, выступивъ съ конницею, напалъ на Кызылбашей; и когда Кызылбаши начали ихъ стѣснять превосходствомъ своихъ силъ, Узбеки дали тылъ; но, удалившись отъ нихъ, они опять воротились и сдѣлали на нихъ нападеніе. До шести разъ они такъ дѣлали. Такими дѣйствіями бой разгорѣлся сильно. Всѣ Узбеки, составлявшіе фронтъ войска, устремились въ бой; въ то же время Аба-бекъ ударилъ съ тыла на Кызылбашей; Узбеки, быстро построясь въ ряды, въ то время какъ Аба-бекъ напалъ съ тыла, съ

фронта, съ вликомъ: Алла, Алла, ударили на Кызылбашей: они не выдержали силы нападенія, не устояли, побѣжали. Пѣхота, сѣвъ на верблюдовъ, какіе были въ станѣ, устремилась за непріателемъ, напала на тылъ его и преслѣдовала его до заката солнца. Немного человекъ изъ Кызылбашей, подъ начальствомъ Бедеръ-хана, спаслись. Конюшій султана сказывалъ: я получилъ девятую часть изъ коней, доставшихся изъ добычи султану, и мнѣ привелось получить 700 лошадей: поэтому судите, какъ велика была добыча.

По прошествіи пятнадцати или шестнадцати лѣтъ послѣ этого событія Аліи-султанъ, въ началѣ осени выступилъ въ походъ изъ Ургенджа. Прибывъ въ долину Ходженда Хорасанскаго, онъ оставилъ тамъ зимовать, намѣреваясь съ наступленіемъ весны сдѣлать нападеніе на Иракъ. Если придетъ, думалъ онъ, шахъ Тахмаспъ, я буду сражаться съ нимъ. Но, когда наступили очень знойные дни, у него между крыльцами показался нарывъ; онъ никому о томъ не сказывалъ. Послѣ того какъ онъ у него прорвался, султанъ слегъ въ постель. Придворные хотѣли осмотрѣть болѣзнь, ханъ не показывалъ, потому что сгдливость его была столь велика, что никто не видѣлъ его и въ то время, когда онъ совершалъ омовенія. На послѣдокъ придворные говорили ему, чтобы онъ позволилъ разрѣзать у себя одежду и показать, но онъ и на это не согласился. Они противъ воли разорвали у него одежду и увидѣли, что сдѣлалось сильное воспаленіе, и остановить его было нельзя. Сдѣлали прижиганіе, но оно не принесло пользы; и султанъ отошелъ къ милосердію Божію, въ девятьсотъ семьдесятъ шестомъ году, въ годъ коровы, на сороковомъ году своей жизни (1568 Р. Х.). Одинъ стихотворецъ хронограмму его смерти означилъ въ слѣдующихъ стихахъ (моваттаа):

„Али-султанъ есть тотъ знаменитый государь, котораго имя извѣстно въ мірѣ.

Мечъ его изъ луча солнца, отъ котораго шахъ Тах-
маспъ кроется, какъ нетопыръ.
Этотъ государь какъ скоро вышелъ изъ міра сего, то
со всѣхъ сторонъ бѣды постигли его.
Годъ смерти его я означилъ словами:
Десять хановъ равняются поражавшему Кызылбашей“.

Доблести Али-султана.

Али-султанъ былъ прекрасный человѣкъ. Хаджимъ-ханъ говорилъ о немъ: со времени Идигеръ-хана до настоящей поры не родилось человѣка подобнаго Алию: дѣятеленъ, скромнень на словахъ, храбръ и мужественъ въ борьбѣ съ врагами, изворотливъ и настойчивъ въ исполненіи, внимателенъ къ состоянію своей дружины, правосуденъ и строгъ, твердъ волею. Стыдливость его была чрезвычайная и въ такой высокой степени, что, когда онъ умиралъ и Аталыкъ его, по имени Ата-бай, чтобы узнать, живъ ли онъ еще, или нѣтъ, сунулъ свою руку подъ одѣяло и тронулъ ногу его, онъ, находясь уже при смерти, открылъ глаза и сказалъ: „ужели ты, прежде моей смерти, отнимешь у меня честь и стыдливость?“ Правосудіе его видно изъ слѣдующихъ случаевъ: во время Хорасанскаго похода у одного знаменщика потерялась лошадь: когда переходило войско, младшій братъ знаменщика возвратился въ юртъ, чтобы отыскать лошадь: въ одномъ шатрѣ онъ увидѣлъ баранью голову, взялъ ее, привязалъ у себя съ боку; когда возвратился къ войску, другой изъ воиновъ узналъ голову, принесъ жалобу султану и упрашивалъ разобрать это. Тотъ говорилъ, что онъ нашелъ ее въ юртѣ; хозяинъ барана утверждалъ, что онъ взялъ ее изъ дома и сюда привезъ. Султанъ унесшаго голову велѣлъ казнить смертію, повѣсивъ его на шею верблюда. Также одинъ разъ султанъ во время похода проходилъ съ войскомъ по краю овощнаго поля: одинъ молодой человѣкъ, спрыгнувъ съ ло-

шади, сорвалъ двѣ дыни. Хозяинъ дынь побѣжалъ въ Султану и принесъ ему жалобу. Султанъ остановился на томъ мѣстѣ, велѣлъ представить того молодого человѣка, приказалъ поставить въ землю высокое бревно и на немъ повѣсить похитителя; онъ уѣхалъ съ того мѣста уже тогда, какъ тотъ отдалъ душу.

У Али-султана было два сына: старшаго звали Искендеръ, младшаго Санджаръ. Искендеръ умеръ чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего отца. Санджаръ былъ малоумный. Но не смотря на это Найманъ Куль-Мохаммедъ-бій, поставилъ его государемъ въ Нисаѣ, уважая въ немъ сына своего несчастливаго дѣтми государя. Онъ въ продолженіе осьми дней только одиѣвъ разъ выводилъ его въ комнату, гдѣ принимались придворные, съ тѣмъ, чтобы они не знали его недостатковъ. По временамъ онъ одинъ ходилъ къ султану и, по выходѣ отъ него, говорилъ: „султанъ далъ такое то приказаніе, далъ такое-то повелѣніе“. По временамъ онъ дѣлалъ такія распоряженія чрезъ кого нибудь изъ приближенныхъ къ султану. Иногда Куль-Мохаммедъ-бій, посидѣвъ въ своей гостиной, выходилъ оттуда и говорилъ: „Атабекъ! государь сдѣлалъ вамъ нѣсколько такихъ-то порученій съ приказомъ, чтобы вы исполнили это въ скорѣйшемъ времени“. „Вамъ султанъ жалуесть тысячу монетъ“, „Худай-кулію пять тысячъ монетъ“, „Алла-кулію султанъ приказалъ отправиться посломъ въ шаху“. „Такимъ-то пяти человѣкамъ онъ поручаетъ повѣрить всю казну; чего не достаесть, пусть представить изъ другихъ источниковъ; оцѣнка имъ пусть произведется въ царскомъ совѣтѣ; такое-то дѣло пусть возложено будетъ на Худай-Наззара“. По этимъ распоряженіямъ, о которыхъ мы свазали и которыя Куль-Мохаммедъ-бій дѣлалъ отъ имени Санджаръ-султана, судите и о прочихъ всѣхъ. Такимъ образомъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ онъ поддерживалъ Санджара въ санѣ государя. Санджаръ умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей.

Дѣти Акатай-хановы, изъ которыхъ былъ главнымъ Хаджіи-Мохаммедъ-ханъ.

У Аватай-хана было шесть сыновъ: старшій изъ нихъ былъ Хаджіи-Мохаммедъ-ханъ; второй Махмудъ-султанъ, третій Буладъ-султанъ, четвертый Тимуръ-султанъ, пятый Алла-Кулій-султанъ, шестой Сулейманъ-султанъ. Алла-Кулій-султанъ умеръ двадцати двухъ лѣтъ. Сулейманъ-султанъ умеръ осьмнадцати лѣтъ, Махмудъ-султанъ—сорока лѣтъ. Послѣ него осталось шесть сыновъ: первый Мохаммедъ, второй Аминъ, третій Алій-султанъ, четвертый Мохаммедъ-Аминъ, пятый Арабъ-султанъ, шестой Авъ-баба. Аминъ и Мохаммедъ-Аминъ умерли послѣ отца. Остальныхъ четверыхъ умертвилъ Абдулахъ, ханъ Бухары. Абдулахъ-ханъ убилъ также двоихъ сыновъ Мохаммедъ-султановыхъ, старшаго Шахъ-Алія, который былъ женатъ, и младшаго Шахъ-бехта, и всѣхъ сыновъ ихъ, изъ коихъ одинъ былъ тринадцати лѣтъ, а другіе были по одному-по два года. Жена Али-султана и жена Арабъ-султана остались беременными: онъ въ обѣимъ имъ далъ присмотрщика для наблюденія за ними; одна изъ нихъ родила дочь, и онъ ей сохранилъ жизнь; другая родила сына и онъ въ тотъ же день велѣлъ умертвить его. Тимуръ-султанъ умеръ сорока лѣтъ; у него было три сына: старшій изъ нихъ былъ Мохаммедъ-султанъ, второй Кадиръ—бирди—султанъ, третій Абуль-хаиръ-султанъ: всѣхъ троихъ также умертвилъ Абдулахъ-ханъ.

У Буладъ-султана было четыре сына: первый Баба-султанъ, второй Гамза-султанъ, третій Кулчи—султанъ, четвертый Пеглеванъ-Кули-султанъ. Буладъ-султана и трехъ сыновъ его Абдулахъ-ханъ предалъ смерти. Пеглеванъ-Кули-султанъ умеръ своею смертію чрезъ пять лѣтъ послѣ отца своего.

Качества Буладъ-султана.

Буладъ султанъ былъ человѣкъ безъ смысла, безъ мужества, сумасбродный. О немъ, когда я былъ еще небольшой, слышалъ много разказовъ. Разкажу о трехъ, четырехъ поступкахъ его, дабы они не забылись между людьми. У Буладъ-султана было двѣ привычки; первая: въ разговорѣ онъ въ концѣ своей рѣчи приговаривалъ: *шальфъ-ру!* „распутница!“; другая привычка: согнувъ два меньшіе пальца, и большой палецъ положивъ на средній, быстро спускалъ его и производилъ звукъ: *щѣлкз: щѣлкз!* какъ дѣлаютъ это шуты и скоморохи. Такъ дѣлалъ онъ обѣими руками и за каждымъ разомъ приговаривалъ: „шальфъ-ру!“ Однажды онъ спросилъ: „не отправляется ли какой караванъ въ Хорасанъ? Ему сказали, что вчера отправился туда караванъ. Онъ одному изъ своихъ придворныхъ далъ приказъ воротить всѣхъ, находящихся при караванѣ, и представить къ нему. Посланный настигъ караванъ при колодезѣ Сагча, ворогилъ его и привелъ въ Хиву. Эти мусульмане подумали, что вѣрно у султана есть война съ Хорасаномъ; иначе для чего ему вочащать всѣхъ насъ? Когда привели къ султану всѣхъ людей изъ каравана, султанъ, взглянувъ на нихъ, сдѣлалъ рукою щѣлкъ-щѣлкъ, и сказалъ: мнѣ семерку бритвъ-распутница! разъ до пяти онъ повторилъ эти слова; караваннше не могли понять. Нуверы султана имъ объяснили слова хана, который требовалъ, чтобы они привезли ему семь бритвъ; больше ему ничего не нужно; и вы отправляйтесь въ свой путь. Вотъ еще одинъ его поступокъ: Абдуллахъ-ханъ, желая отомстить Ургенджу, осадилъ этотъ городъ; но, не могши взять его, отступилъ назадъ, простоявъ у Новаго-водопровода. Когда Абдуллахъ-ханъ стоялъ у Новаго водопровода, тогда молодые джигиты, въ числѣ пяти сотъ, выѣхали противъ непріятеля, говоря между собою: „что намъ смотрѣть на непріятеля? подеремся съ его сторожевыми! Буладъ-султанъ сказалъ:

и я ѣду, и также съ ними отправился. Младшій братъ его, Тимурь-султанъ, присоединившійся къ молодцамъ, удерживалъ его и говорилъ: „ты куда ѣдешь?“ Всѣ беки также останавливали его, но онъ не послушался и поѣхалъ. Сказываютъ, что онъ, въ стычкѣ съ карауломъ, одолѣвалъ враговъ; и когда бой сдѣлался жаркимъ, онъ не отставалъ отъ другихъ. Но какъ къ непріятелю пришло много помощи, джигиты должны были бѣжать отъ него. Буладъ-султанъ обратился въ бѣгство прежде всѣхъ. Приѣхавъ къ Хивѣ, онъ слѣзъ съ лошади, взошелъ на порогъ городскихъ воротъ и, стоя на немъ, махалъ руками и кричалъ: „поди сюда пріятель, коли хочешь! попробуй теперь войти въ городъ!“ У Буладъ-султана было три жены; старшая изъ нихъ, Азизъ-ханымъ, была впука Ильбарсъ-хана. Въ ея домъ онъ пошелъ въ этотъ день и тамъ, хвалясь передъ своими женами, говорилъ: „сего дня я съ непріятелемъ такъ и такъ бился, а завтра я ему то-и-то сдѣлаю. Азизъ-ханымъ, стыдись за него предъ посторонними женщинами, сидѣла спокойно, но на послѣдокъ сказала: „перестань же!“ Султанъ осердился и началъ бранить ее; ханымъ начала противорѣчить ему. Онъ сказалъ ей: „полно тебѣ ѣсть грязь, дикая свинья!“ — „Если жена свинья, то мужъ ея вепрь“ отвѣчала она. Онъ схватилъ палку и, когда хотѣлъ ее ударить, она встала и побѣжала отъ него, но загнувшись за порогъ, разбила себѣ берцо. Но довольно говорить объ этомъ.

Качества младшаго его брата, Тимурь-султана.

У Тимурь-султана мало было ума; слова его были безъ соли. Но были у него и хорошія качества: онъ былъ храбръ на войнѣ, справедливъ. Онъ до самой смерти своей ни къ кому не ѣздилъ въ гости, ни у кого не обѣдалъ. Однажды онъ ѣздилъ изъ Гезараспа въ Хиву повидаться со своимъ стар-

шимъ братомъ Буладъ-султаномъ. Атабекъ Буладъ-султана, Уйгуръ, по имени Инди-бай, который правилъ и ртомъ и языкомъ и волею Буладъ-султана,—этотъ Атабекъ въ то время, какъ Тимуръ-султанъ послѣ свиданія съ Буладомъ отправился назадъ домой, вышелъ къ нему въ одной тѣсной улицѣ и, ставъ на колѣна, звалъ его къ себѣ въ домъ, приготовивъ для принятія султана богатый столъ и большіе подарки. Султанъ, сидя на лошади, ничего ему не говорилъ въ отвѣтъ. Инди-бай говорилъ: „я—твой усердѣйшій старшій слуга; знаю, что до настоящаго времени ты не ходилъ ни къ кому въ домъ. Надѣюсь, что удостоишь меня милости больше, нежели кого либо; тогда и отдаленные и близкіе будутъ говорить: Тимуръ-султанъ ни у кого не бывалъ въ домѣ, но кушалъ въ домѣ Инди-бая“. Это было зимой; на султанѣ была соболья шуба, крытая парчею и застегивавшаяся золотыми пуговицами; снявъ ее съ себя, онъ сдѣлалъ знакъ своему стремянному, и этотъ, взявъ шубу, положилъ ее на плеча Аталыка, а Тимуръ-султанъ, ударивъ плетью коня, уѣхалъ. Тимуръ-султанъ рассказывалъ о себѣ: когда мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ, въ одинъ день я съ чело-вѣками десятью молодыхъ людей выѣхалъ изъ Везира середними его воротами для прогулки. Я пріѣхалъ въ одинъ аулъ. Одинъ зажиточный чело-вѣкъ попросилъ меня заѣхать на нѣсколько времени въ его домъ, я не желая отказомъ огорчить его, зашелъ къ нему; онъ зарѣзалъ овцу и приготовилъ столъ. Отъ нея лопатку я привезъ домой. Отецъ мой спросилъ меня: что это за мясо? Со мною ѣздившіе сказали, что султанъ ѣздилъ на прогулку, и что одинъ богатый чело-вѣкъ, пригласивъ его къ себѣ, зарѣзалъ для него овцу, и что это бедро отъ нея. Когда они сказали, отецъ мой взялъ плеть и, подзвавъ меня къ себѣ, сказалъ: „я дожилъ уже до пятидесяти лѣтъ, но до селѣ не ходилъ ни къ кому въ домъ; а тебѣ только пятнадцать лѣтъ, и ты ходишь по чужимъ домамъ и ѣшь овецъ; когда тебѣ будетъ двадцать лѣтъ, ты станешь

14) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Каванской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ. Составилъ И. Э. Токиаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

15) О землѣ половецкой (Историко-географической очеркъ). Н. Аристова. Кіевъ, 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

16) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

17) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

18) Уставъ Общества Арх. Ист. и Эгн. при Император. Казан. Унив.: изд. 1895 г. 7 стр. 8°. ц. 10 к.
1898 г. 11 стр. 8°. ц. 10 к.

19) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Эгн. за 1878—1903 годы по 25 коп.

20) Пономаревъ, П. А. Ананьинскій могильникъ. 1892. 34 стр. 8°. 35 к.

21) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Казан. губ. 1877. 160 стр. 8°. ц. 1 р.

22) Спицынъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886 30 стр. 8°. ц. 10 коп.

23) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8° ц. 10 коп.

24) Замятка по поводу реферата Г. Н. Потанина «У вотяковъ Елабужскаго у.» С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.

25) Инструкція, утвержденная III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1879. Стр. 7. 8°. 5 коп.

26) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.

27) Магницкій, В. К. Къ біографіи Василя Леонасьевича Сбоева. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.

28) Фуксъ К. Э. «Краткая исторія г. Казани. Казань. 1817 г.» Изданіе 1905 г. съ послѣсловіемъ Н. М. Петровскаго и біографическими свѣдѣніями о К. Э. Фуксѣ и его портретомъ. Стр. 60. Цѣна 50 коп.

29) В. К. Магницкій Чувашскія языческія имена. Казань. 1905 г. Ц. 75 коп.

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Эгн. (Казань, Университетъ) при покупкѣ на наличныя деньги пользуются 30% уступки и безплатною пересылкою; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія, бібліотека и книжный складъ Общества отъкрыты ежедневно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4 до 6 час. веч.

Въ 1906 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Универ-
ситетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками въ
7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мѣсячія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: А. Е. Алекторовъ (Омскъ), о. Н. А. Архангельскій (Ядринъ), Г. Н. Ахмаровъ (Казань), Н. И. Ашмаринъ (Казань), Д. В. Васильевъ (Казань), Э. Т. Васильевъ (Казань), С. Н. Введенскій (Залонскъ), Н. К. Горгаловъ (Казань), Я. I. Гурляндъ (С.-Петербургъ), А. И. Добросмысловъ (Тургай), В. М. Ионовъ (Якутскъ), Н. Э. Катановъ (Казань), Д. А. Корсаковъ (Казань), П. И. Кротовъ (Казань), С. К. Кузнецовъ (Москва), о. Е. А. Маловъ (Казань), И. С. Михеевъ (Казань), З. А. Мошковъ (Варшава), Э. К. Пескарскій (С.-Петербургъ), Н. М. Петровскій (Казань), И. М. Покровскій (Казань), С. И. Норфирьевъ (Москва), о. К. П. Прокопьевъ (Симбирскъ), о. Н. Я. Саркинъ (Симферополь), И. В. Селицкий (Омскъ), А. А. Сухаревъ (Казань), К. В. Харламповичъ (Казань) и друг.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются: Въ г. Казань, Университетъ Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Цѣна каждаго выпуска 1 рубль